

Библиотека журнала «Мишпоха»
Серия «Мое местечко»

Аркадий Шульман

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ СТОЛЕТИЙ

Очерки

Минск
«Медисонт»
2011

УДК
ББК
Ш

Шульман А.Л.
Ш —

На перекрестке столетий: очерки / Аркадий Шульман;
2011.

ISBN

«На перекрестке столетий» — седьмая книга в серии «Мое местечко». Рассказывает об истории и жителях населенных пунктов, бывших когда-то еврейскими местечками. Рассчитана на широкий круг читателей.

УДК
ББК

ISBN

Путь, пройденный экспедициями по населенным пунктам Беларуси, которые не так уж давно были еврейскими штетлами, измеряется тысячами километров. Ежегодно авторы журнала «Мишпоха» («Семья») на машинах, автобусах, а иногда и пешком, отмеряют расстояния от местечка до местечка (сейчас, чаще всего, от агрогородка до агрогородка — на месте многих штетлов построены именно агрогородки).

Но это только одно измерение.

Наши экспедиции совершают путешествия во времени. Двадцатый век уничтожил штетлы, которые на протяжении более чем трех веков мирно соседствовали с белорусскими деревнями и многонациональными городами. Каждый житель этих населенных пунктов занимался своим делом: одни выращивали хлеб, картошку, другие шили одежду, изготавливали обувь. Впрочем, никто и никогда не проводил профессиональных границ. Среди белорусов было немало искусных ремесленников, а евреи занимались овощеводством, садоводством.

На ярмарках, которые несколько раз в год устраивались во всех местечках Беларуси, встречались белорусы, евреи, русские, поляки, латыши, цыгане — жители многонациональной страны. Конечно, иногда возникали споры и говорили обидные слова люди друг другу, но куда чаще они находили общий язык и взаимопонимание, а в конце дня заходили в корчму и пропускали по стаканчику хорошего вина или чего-нибудь покрепче.

На рыночных площадях местечек — там, где проходили ярмарки, напротив друг друга стояли церкви, костелы и синагоги. Каждый молился по-своему, но просили у Бога одно и то же: здоровья детям и себе, мирной жизни и спокойной старости. А еще, чтобы был хороший урожай и удачно шла торговля...

Жизнь местечек сохранилась лишь в воспоминаниях старожилов, которых с каждым годом становится все меньше и меньше, а еще в архивных документах и на старых фотографиях.

Лишь надгробные памятники помнили имена всех жителей местечек. Но многие кладбища уничтожены, на их месте построили дома, засеяли или просто оставили захлащенные

пустыри. Надгробные памятники пошли на фундаменты домов, другие строительные нужды, или закопаны в землю, свалены в кучи, сброшены в реки.

Имена и фамилии многих довоенных жителей местечек не вспомнит никто. Эти люди были расстреляны фашистами и их пособниками во время Холокоста. На краях безымянных ровов стоят памятники, где написано, что здесь погребены «советские люди...» или «евреи местечка...» Хотелось, чтобы на памятниках были написаны фамилии всех погибших, да некому их вспомнить. Расстреливали целыми семьями — от стариков до младенцев, расстреливали соседей — близких и дальних...

И памятники погибшим установлены не на всех местах массовых расстрелов. Мы пытаемся восстановить имена и фамилии погибших, опрашиваем население...

— Зачем Вам надо копаться в прошлом? — часто спрашивают у меня. — Евреи в местечках больше не живут, да и местечек уже не осталось. Кому это может быть интересно? Десятку-другому специалистов: историков, этнографов...

В серии «Мое местечко» вышло шесть книг. После выхода каждой из них мы получаем сотни писем. И не только от специалистов-профессионалов. Наши читатели — это дети, внуки и правнуки жителей белорусских местечек. Тиражи книг небольшие, и в основном с ними знакомятся в интернете на сайте журнала «Мишпоха». Наши читатели живут в разных странах мира, говорят на разных языках. Их интересуют имена, фамилии, традиции, фольклор, архитектура, взаимоотношения... Они хотят знать, кто были их предки, на кого они похожи.

Это только кажется, что еврейские местечки безвозвратно ушли в прошлое, канули в вечность. Они живут в детях и внуках, в их характере, привычках, в умении или неумении строить свою жизнь...

Это только кажется, что каждое новое поколение начинает жизнь с белого листа. Мы во многом повторяем жизнь наших отцов, дедов и прадедов.

Наши экспедиции — это не только поездки в прошлое, это еще и поездки в будущее.

ДРИССЕНСКИЕ ЗАМЕТКИ

Город на реке, которая вытекает из озера

Почему заметки «дриссенские», а не «верхнедвинские»? Уверяю, не потому, что хочу привлечь читателей броским названием — Дрисса. Написанное связано с еврейской историей этих мест, а в 1962 году, когда после приезда Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии К.Т. Мазурова, город Дриссу переименовали в Верхнедвинск, евреев здесь жило немного и самые яркие, впечатляющие моменты истории, связанные с ними, были позади.

Есть анекдот, почему город называется Дрисса. Говорят, объезжала эти места императрица Екатерина II. Когда собирались переехать реку, закрутило у нее в животе. Она велела остановить карету... В общем, прихватил ее понос. Екатерина II, которой в этот момент весь свет был не мил, глянула на красивую речку и сказала: «Не река, а какая-то дрисса». С тех пор речка стала называться именно так, а вслед за этим и местечко получило аналогичное название. Если и есть в анекдоте доля правды, то только та, что отражает нравы: как прикажет императрица или другой правитель, так и будет.

Объяснение названию Дрисса надо искать в балтско-финских языковых пластах. «Дры» означает «вода», «са» или «сы» — «озеро». Так что расшифровка названия Дрисса звучит красиво, даже поэтично: озерная вода. Вольный перевод укорененного в веках названия города Дриссы таков: «Город на реке, которая вытекает из озера». Кстати, местные жители старшего поколения до сих пор называют свой родной уголок — Дрисса.

Первое летописное упоминание о поселении Дриссе в устье одноименной реки относится к 1386 году. За эти столетия город, который часто в своей истории был пограничным, не раз подвергался военному опустошению и вновь возрождался к жизни, так и не вышел в разряд больших городов. Сегодня здесь проживает около восьми тысяч жителей. Жизнь проходит спокойно и размеренно. Если не считать весенних паводков, когда реки Западная Двина и Дрисса выходят из берегов, заливают прибрежные улицы и на лодках можно кататься между домов и причаливать у крыш. В 1808 году немецкий купец Цейс писал: «Весной паводок часто затопляет весь город. Домов малое количество, сырость местности и очень неудобное положение жителей принуждает к тому, что власти думают перенести город в другое место».

Сложно сказать, когда первые евреи поселились в Дриссе. Но во второй четверти XVI века здесь уже было постоянно живущее еврейское население.

Я же начну рассказ с глубокой древности, когда евреев в этих местах, наверное, еще не было. В 1386 году князь Андрей Полоцкий пришел в Дриссу и сжег замок, являвшийся основной крепостью этого города и располагавшийся между реками Западной Двиной и Дриссой. В 1565 году замок был вновь отстроен по велению короля Сигизмунда Августа, которому это местечко принадлежало. К середине XIX века от прежних укреплений не осталось и следа — вал был раскопан, ров засыпан. На месте старинного замка поставили еврейский дом, который отдавали внаем под почтовую станцию. В этом есть определенная символика: к середине XIX века Дрисса стала местечком с преимущественно еврейским населением.

«Еврейская энциклопедия» (*издательство Брокгауз — Ефрон, том 7, стр. 343*) сообщает: «Дрисса — в эпоху Речи Посполитой местечко Полоцкого воеводства. В 1766 году в кагале — 399 евреев. В 1777 году уездный город Полоцкой гу-

бернии, с 1796 г. — Белорусской, с 1802 — Витебской. Соотношение торгово-промышленных классов в Дриссе и уезде на рубеже XIX века выражалось в следующих цифрах: В 1787 году купцов-христиан — 7, купцов-евреев — 2; в 1797 году купцов-христиан — 16, купцов-евреев — 3; в 1801 году купцов-христиан — 16, купцов-евреев — нет.

В 1787 году мещан-христиан — 93, мещан-евреев — 728; в 1797 году мещан-христиан — 168, мещан-евреев — 384; в 1801 году мещан-христиан — 173, мещан-евреев — 697».

Слова «мещанин» обозначало причастность к городскому ремесленно-торговому слою населения. Это держатели мелких лавок, коробейники, торговавшие в разнос, ремесленники — мастера на все руки: кузнецы, бондари, портные, сапожники, печники...

В 1847 году еврейское общество Дриссы составляло 2684 человека, а спустя 50 лет из 4238 жителей Дриссы евреев насчитывалось 2856 человек».

Какой была Дрисса тех лет? Человек, со знанием истории и фантазией, расскажет о классическом местечке. В центре на возвышенности — рыночная площадь, синагога, церковь, костел, многочисленные лавки. Улицы, утопающие осенью и весной в грязи. Цветущие сады в мае и запах вишневого варенья в августе. Многодетные семейства и старики, заглядывающие в вечность...

Рядом с еврейским домом или почтовой станцией в устье реки Дриссы действовал паром.

Конечно, у местечка была своя специфика. Слияние двух крупных рек. Недалеко Балтийское море. И по Западной Двине через Дриссу шла интенсивная торговля лесом. Многие жили от этого, а кое-кто и серьезно богател. Вот тогда-то и появились еврейские купцы самой высокой гильдии и численно превзошли они купцов-христиан.

В 1891 году в Дриссу прибыло по Западной Двине лесных материалов 2368 тысяч пудов, а остальных товаров — всего 20 тысяч пудов.

Еврейская свадьба глазами художника

Чтобы воочию представить Дриссу тех лет, давайте вспомним одного из ее уроженцев — прекрасного художника Исаака Львовича Аскназия. Родился в 1856 году в богатой хасидской семье. Отец имел непосредственное отношение к торговле лесом и хотел, чтобы сын продолжил его дело. Но новое время стояло на пороге, в том числе и на еврейском. Идеи просвещения добирались до городов и местечек. Отец, видя способности сына, отправляет его, четырнадцатилетнего, вольнослушателем в Петербургскую академию художеств. Через четыре года Исаак становится студентом (академистом).

В 1880 году Аскназий с успехом окончил академию и был удостоен стипендии для четырехлетней стажировки за границей: в Германии, Австрии, Италии. По возвращению в Россию поселился в Петербурге. К сожалению, жизнь его была непродолжительной, в возрасте 46 лет Исаак Аскназий умер в Москве.

Художник всегда оставался человеком верующим и гордился своим еврейством. Будучи студентом, не посещал занятий по субботам и еврейским праздникам. В академии его осуждали за чрезмерный интерес к сюжетам, взятым из Библии, еврейской истории и современной еврейской жизни. Тем не менее, в 1885 году он был избран академиком. Художник академического направления, Исаак Аскназий был привержен исторической теме, но иногда обращался и к сюжетам из народной жизни.

Как мне представляется, на некоторых картинах Исаака Аскназия изображена Дрисса тех лет.

Одна из наиболее известных картин — «Еврейская свадьба». Свадьба состоялась в пятницу или в канун другого праздника, так как сцена происходит днем, в другие дни свадьбы совершались обычно вечером. На полотне представлен момент после венчания, когда молодые, в сопровождении родных, торжественно возвращаются из синагоги домой. Судя по всему, эта центральная улица Дриссы — нынешняя Советская, а тогда Новомосковская. Молодых сопровождает свадебный квартет клезмеров. Он состоял из двух скрипачей, флейти-

ста и цимбалиста. Впереди процессии — бадхон — свадебный шут или еврейский тамада. Здесь же свадебная танцевальная группа из трех женщин.

Венчавший раввин и синагогальные служки чинно идут отдельно по тротуару. Не пристало им выступать в роли, пусть и свадебных, но скоморохов. На улице веселятся местечковые дети. Может, не соблюдены все свадебные каноны, но так было в родной Дриссе. А каждое местечко имело право на самобытность.

Об этом стоит напомнить, говоря про эскиз картины «Евреи со свитками Торы на кладбище». «Если художник хотел изобразить похороны поврежденных и испорченных свитков Торы, то эта церемония совершается вовсе не таким образом, — пишет исследователь творчества художника А. Маггид в «Еврейской семейной библиотеке» (март, май 1903 г.) — Не хотел ли художник этим представить существующее где-то в захолустье еврейское поверье, что обход кладбища с Торами приостанавливает эпидемию?»

Думаю, что выросший в хасидской семье, где предки были раввинами, Исаак Аскназий хорошо знал, как хоронят свитки Торы. Поэтому остановимся на предположении А. Маггида, что художник изображает еврейское поверье. А то, что Дрисса для петербуржца была захолустьем, — неоспоримо.

Можно рассказывать о картинах Исаака Аскназия «В синагоге», «Наступление субботы», «Еврей», «Первый заработок», «Скорбные вести» и других. Думаю, все они имеют отношение к Дриссе.

Картина «Еврейская свадьба» была написана художником в 1893 году. Персонажи, изображенные на полотне, — это творческое осмысление когда-то увиденного, плод фантазии художника. Но все же, кто мог стать прообразами раввина, клезмеров, бадхона, других действующих лиц?

В 1857 году в Дриссе действовало шесть синагог. Раввином был Шабтай Дон-Ихье. Духовный раввин до 1913 года — Хаим-Шепшель Дон-Ихье (1840 — 1913), в 1913 — 1925 годах — его сын И.-Л. Дон-Ихье.

В Израиле живет Нина Голод. Она из семьи Дон-Ихье и собирает по крупицам сохранившиеся факты, пытается восстановить генеалогическое древо старинной фамилии. «Мой прадед, Самуил Донях (Дон-Ихье/Дон-Яхья...), родился в местечке Волынцы 15 мая 1867 года в семье раввина Менахема-Менделя и его жены Сары-Ривки. Там они проживали до 1879-1880 года.

Из семейных преданий известно, что все Доняхи, Донхины, Дон-Яхья, Дон-Ихье, чьи предки жили в Витебской области, — родственники. Это старинный раввинский род...

Барух Дон-Яхья, раввин Дисны, — первый носитель этой фамилии в Витебской области.

Представители этой семьи во второй половине XIX века были раввинами в Улле, Видзах, Полоцке, Ушачах. В Дриссе раввинами были Шабтай Дон-Ихье и Хаим-Шепшель Дон-Ихье. Сын Хаима Иегуда Лейб Дон-Ихье родился в Дриссе в 1868 году. С 1888 года по 1891 год — учился в Воложинской иешиве. Был раввином в Шклове, Вятке, Дриссе, Чернигове. Автор ряда книг, изданных на Украине и в Израиле. Инкогнито издал брошюру «Сионизм с религиозной точки зрения». Умер в Тель-Авиве в 1941 году».

Как житель Дриссы обул шведов

В описании Дриссы вековой давности помогают архивные документы, книги тех лет, произведения художников, фотографов. Довоенный городок можно представить себе по воспоминаниям пожилых людей, чье детство прошло здесь.

Парикмахер Дризин... Когда он стриг непослушных детей, в шутку грозил отрезать им ухо. Фотограф Исаак Свердлов... Любил рассказывать про птичку, которая должна вылететь из объектива. Впрочем, про птичку любили рассказывать все фотографы.

Наверное, одной из самых колоритных фигур был обувщик (язык не повернется сказать «сапожник») Коновалов.

Добротный дом из красного кирпича, который когда-то ему принадлежал и, судя по всему, был построен около ста двадцати лет назад, сохранился, хотя и требует основательно-

го ремонта. Находится он в самом центре города. В нем планируют разместить районный краеведческий музей, который только создается. Лучшего места для музея не придумаешь, потому что сам дом станет его экспонатом.

Несмотря на славянскую фамилию, обувщик Коновалов был евреем. Обувь выпускал отменную. Ее отправляли даже в Швецию, и, говорят, она пользовалась успехом у придирчивых скандинавов. Представляете, обувь из Дриссы экспортировали в Стокгольм! Впрочем, удивительно это звучит только сейчас, а в те времена никого не удивляло. Многие завидовали обувщику Коновалову. Чужим деньгам всегда завидуют. А деньги у Коновалова водились.

Лет 15 – 20 назад, когда копали траншею под теплотрассу, которая проходила по бывшему двору обувщика, нашли более сотни монет. Уверен, Коновалов деньгами не сорил, а тем более их не сеял и хорошо знал им счет. Но вот покупатели, которые приходили за сапогами или модельной обувью, иногда роняли деньги.

Советская власть, которая заботилась обо всем трудящемся народе и меньше всего думала о тех, кто выбился в люди за счет своего труда, переселила Коновалова в дом напротив — тоже кирпичный, но маленький и неказистый. Он тоже уцелел до сего времени и по-прежнему стоит как раз напротив будущего музея. «Пускай скажет спасибо Коновалов, что его не арестовали и не разобрались по всей строгости революционного времени», — так сказала приживалка, жившая у Коноваловых долгие годы на всем готовом. После революции она одела красную косынку и гордо встала в первые ряды борцов за счастливое будущее. Что-то очень напоминает «Собачье сердце» Михаила Булгакова, в частности, строителя новой жизни Швондера.

Красивый кирпичный дом передали народному суду, чтобы здесь дела решали по закону и справедливости. Правда, то, что выселили хозяина дома Коновалова безо всякого закона, никого не волновало, кроме семьи самого обувщика.

Коновалов детей отправил в Ленинград. Понимал, что в родном городке им жизни не дадут: каждый раз будут напоми-

нать о происхождении. Вот если бы их родители нищенствовали, попрошайничали — тогда другое дело...

Но перед самой войной, летом 1941 года, Коновалов, которому уже было порядочно лет, вызвал детей в родной дом. Чувствовал, что дни его сочтены, а самому поехать в Ленинград не было сил. Коновалов умер в первые дни войны. Наверное, для него это было счастье, что он не увидел кровавую расправу, которую учинили гитлеровцы над евреями Дриссы.

Две младшие дочери обувщика вынуждены были нести парализованную прабабушку к месту расстрела. Об этом мне написал Олег Трубкин. Он правнук Абрама Коновалова и внук Мэри Посовой (Коноваловой), которая, как и ее две сестры, пережила войну. Олег Трубкин уже шестнадцать лет живет и работает врачом в Германии. У него два взрослых сына.

Сегодня об обувщике Коновалове в Верхнедвинске знают только краеведы. Поэтому строители, когда отремонтировали кирпичный дом, разобрали подоконник и нашли подметки, очень удивлялись, как туда попали такие высококачественные подметки. Они думали, что в их родном городке люди раньше в лаптях ходили, а не то, что шведов обували. Надеюсь, когда будет создан музей, о Коновалове узнает каждый житель Верхнедвинска и, услышав рассказ о нем, посмотрит на свою обувь и вздохнет с сожалением: куда делись классные мастера?

Городок провинциальный...

Новая власть активно вторгалась во все стороны жизни, работала с людьми основательно, привлекая на свою сторону, а если надо, запугивая, устрашая. Многие евреи сами были частью этой новой власти.

В марте 1917 года в Дриссе был создан Совет рабочих депутатов. Его основу составляли меньшевики и бундовцы: в марте — 86 человек, в июле — 274, из них — 180 бундовцев.

Еврейскую политическую активность объясняло не только то, что народ поверил в возможность стать равным среди равных, но и национальный состав самого города. В

1923 году в Дриссе проживало 2812 человек, из них евреев — 1552. За три последующих года население города уменьшилось, по тем меркам, существенно. Молодежь стала уезжать в большие города учиться. Новую экономическую политику свернули. И те, кто занимался торговлей, и те, кто был кустарями-одиночками, тоже подались в поисках работы в города покрупнее. В 1926 году в Дриссе жило 2550 человек, из них евреев — 1265.

В Дриссе и соседних местечках действовали сионистские группы, которые отправляли людей осваивать земли Израиля. В 1914-м или 1915 году Самуил Лапидус, которому тогда было 22 или 23 года, вместе с дядей Залманом уехал в Эрец-Исраэль. Они жили кибуце, занимались сельскохозяйственным трудом, однако через некоторое время вернулись домой в Белоруссию.

Опыт, приобретенный в Палестине, вероятно, пригодился Самуилу, когда в начале 30-х годов он вместе с женой Верой вступил в еврейский колхоз «Дер Эмес» («Правда»). В этом хозяйстве работало много родственников Самуила и Веры. В колхоз входило несколько поселков, в том числе поселок Янино.

У Самуила и Веры родилось пятеро детей. Когда началась война, семья жила в Отрадном под Ленинградом. Вера была беременной. 9 августа 1941 года родила Катю. В конце месяца Лапидусы с колхозным стадом двинулись на восток. Шли, пока какая-то воинская часть не подобрала их. Потом их погрузили в эшелоны, и они добрались до Ташкента, где прожили всю войну. Там заболела корью и умерла одна из дочерей. Самуил по возрасту был призван в «Трудармию».

После войны Вера, Самуил, дети вернулись в Дриссенский район в деревню Янино. Они вступили в колхоз. Люди были трудолюбивые. Держали корову, кур, работали на огороде. Каждое лето кто-то из детей приезжал к ним и оказывал посильную помощь. Самуил умер в 1972 году и похоронен на еврейском кладбище в Верхнедвинске. Вера прожила 92 года и умерла в 1995 году.

В 1921 году в Дриссе было организовано отделение Евсекции. «Евсеки» активно проводили политику большевиков среди еврейского населения.

Верность многовековым традициям жила во многих семьях, традиционный еврейский образ жизни вели не только старики, но и люди среднего возраста. В 1925 году в Дриссе было четыре еврейских молитвенных дома (их называли синагогами). Правда, здание молитвенного дома «Бейт а мидраш», находящееся по улице Двинско-Набережной и построенное приблизительно в 1825 году, уже не использовалось по назначению. Но по-прежнему собирались миньяны в двух молитвенных домах по той же улице Двинско-Набережной и в молитвенном доме имени Раппопорта. Дом находился на пересечении улиц Новомосковской и Зеленой и был построен в 1878 году. (Кто такой Раппопорт, выяснить не удалось. Думаю, владелец дома, передавший его иудейской общине.)

Конечно, власти хотели отвлечь людей от религии, которую считали дурманом для народа. И 29 апреля 1925 года на заседании президиума Дриссенского районного исполнительного комитета решали вопрос об открытии в городе кинотеатра.

Выступал заведующий Полоцкой телефонной сетью тов. Дыкман. Он заявил, что, ввиду установления в Дриссе динамомашин, стало возможным создание кинематографа. Установка с аппаратом будет стоить 500 рублей. Но денег, как всегда, не было. И поэтому решили постепенно гасить долг за счет вырученных средств.

29 августа 1924 года специальным постановлением ЦИК СССР был создан КОМЗЕТ (Комитет по земельному устройству трудящихся евреев), а вслед за ним (17 января 1925 г.) ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейских трудящихся). Стали возникать новые земледельческие коммуны, которые организовывали евреи городов и местечек, как правило, в сельской местности рядом со своими населенными пунктами. В 1925 году вблизи Дриссы была образована еврейская сельскохозяйственная артель «Новый мир».

На 1 сентября 1930 года в Дриссе проживало 2840 жителей. Из них евреев — 1806 человек, белорусов — 468, русских — 458, поляков — 90, латышей — 4. В 1931 году в

Дриссенском районе было 830 населенных пунктов, из них три местечка: Дрисса, Волинцы и Росица. В районе было 14 сельских советов и один местечковый еврейский национальный Совет. В середине 1930-х годов 23,5 процента еврейского населения — рабочие, 28,5 процента — кустари, 43,5 процента — служащие.

В тридцатые годы в руководстве города было много евреев: секретарь райкома партии, начальник милиции, директор школы. Народным судьей Дриссы был Яков Лозовский. С первых месяцев войны он в партизанском отряде № 8, который был сформирован в Ржеве (Калининской области) и отправлен за линию фронта.

В тихом городке время от времени разгорались страсти, правда, были они очень провинциального масштаба. И если бы не архивные документы, пожелтевшие от времени листки с выцветшими чернилами, вряд ли кто-то вспомнил бы о них. Все документы райкома партии, райисполкома в то время велись на белорусском языке.

1934 год... «За несвоевременную оплату членских взносов на протяжении восьми месяцев кандидатом партии Пудовик Геней Абрамовной, 1912 г.р, рабочей, объявить ей строгий выговор».

Почему же Геня Абрамовна, так стремившаяся в партию, оказалась злостным неплательщиком взносов? Из ее объяснения становится ясным: на протяжении всего этого времени, работая в колхозе «Пограничный маяк», она не получала зарплаты, а потому взносы ей было платить нечем.

«На постройку самолета "Большевик" по 5 рублей сдали Каминский, Грибач, Целушко, Дагель, Колефонт. Итого собрано 25 рублей».

Единственным подписчиком журнала «Коммунистический интернационал» в Дриссе стал педагог Гальперин Я.М. Он подписался на три месяца и уплатил 3 рубля 60 копеек.

Работники Дриссенского райисполкома обратились с призывом к гражданам района — провести воскресник в

пользу обороны страны. Обязались обеспечить 100-процентное участие в нем трудящихся района. Первыми начинание поддержали комсомольцы, которые заверили, что выведут на воскресник даже своих дедушек и бабушек.

В Дриссе строили электростанцию, гостиницу и баню. Вот только строительство шло низкими темпами. К намеченному сроку гостиница была построена на 81 процент, баня — на 62 процента, электростанция — на 33 процента. Причина — необеспеченность строительными материалами, текучесть рабочей силы (из 132 рабочих на объектах оставалось 74). И все потому, что несвоевременно выплачивали заработную плату и производили оплату счетов за строительные материалы. Партийный комитет Дриссенского райисполкома обязал в течение 3-х дней ликвидировать задолженность по заработной плате строителям, оплатить все счета за стройматериалы и в дальнейшем наладить бесперебойное финансирование. Электростанцию сдать к 1 ноября 1934 года, гостиницу — к 1 сентября 1934 года, баню — к 1 октября 1934 года».

Читаешь документы и как-то не верится, что прошло почти восемьдесят лет.

Государственный архив Витебской области. ф. 6П, о. 2, г. 1021, стр. 18–20

До войны Дрисса была застроена в основном деревянными домами, было несколько одно-, двухэтажных кирпичных домов. Центральная улица — Советская, мощена булыжником, тротуары — из кирпича. Соседние улицы — без дорожного покрытия, на параллельной Ленинградской улице весной и осенью грязь, а по краям, для прохода, сделаны дощатые тротуары.

Последним директором еврейской школы города Дриссы был Яков Аронович Музыкант. Спустя семьдесят лет Яков Аронович в Полоцке, где он жил, рассказывал свою биографию:

«Я родился в первую годовщину Великой Октябрьской революции — 7 ноября 1918 года в местечке Юровичи Мозырского района. В семье было двенадцать детей. Отец — сапожник, умер молодым. Мама осталась с детьми одна. Правда, у нас был боль-

шой дом, хороший сад, огород. Мы выжили, потому что семьи были очень дружными. В беде никого не оставляли. Двое старших братьев уехали в Польшу работать и посылали маме деньги, сестра устроилась в Киеве и тоже помогала, чем могла. Братья отца не очень часто, но присылали переводы из Америки. И мы все с малолетства работали. Отдыхали только по праздникам.

Я окончил в Юровичах 7-летнюю еврейскую школу. Потом учился в Минском еврейском педагогическом техникуме и двухгодичном еврейском учительском институте.

Идиш, в те годы, был одним из государственных языков Белоруссии. Сейчас даже трудно это представить.

После учебы я приехал на работу в Дриссу — директором еврейской средней школы. Это было в 1937 году, а через год еврейскую школу закрыли. Почему? Евреев было много, на идише разговаривали в семьях, и хватало квалифицированных педагогов. (В 1939 году в Дриссе проживало 825 евреев — А.Ш.). Такое было распоряжение властей, а мы его исполняли. Меня назначили директором средней школы №1, и многие учителя из еврейской школы перешли туда работать. Дети из еврейской перешли учиться в другие школы. Так что брошенным никто не остался. А через год, в 1939 году, меня забрали в Красную Армию».

Яков Аронович был на фронте с первых дней Великой Отечественной. Оборонял Минск, Смоленск, участвовал в контрнаступлении под Ельней. Сражался под Ленинградом. Контужен, ранен. Год лечился в госпиталях. Демобилизовался по инвалидности. Пока шла война, был директором сельских школ на Урале, Кубани. После освобождения Белоруссии, по запросу белорусского правительства, вернулся на родину. Работал до 1953 года заведующим районо в Полоцке, а потом — до выхода на пенсию — директором вечерней школы рабочей молодежи.

Семья местечковых интеллигентов

Илья Максович Туник умел сразу расположить к себе. Ему под восемьдесят. Всю жизнь проработал врачом-невропатологом. Последние годы жил в Полоцке. Отвечал на мои вопросы не торопясь, словно взвешивал каждое слово.

— Я родился в Дриссе. Мама — местная, Геся Савельевна, девичья фамилия — Иоффе. Окончила профсоюзные аптекарские курсы в Витебске и работала в Дриссе управляющей аптекой.

Папа — Мордух Абрамович Туник — из местечка Пуховичи Минской области. Сначала поступил учиться на юридический факультет Белорусского государственного университета, затем перевелся на медицинский факультет. Получил направление в Дриссу и в довоенные, и в послевоенные годы работал главврачом местной больницы.

Дедушка Шеел Бен Исроэл Иоффе (все его звали Саул) приехал в Дриссу из Режицы — нынешний латышский город Резекне. Был часовым мастером. Люди этой профессии считались местечковой интеллигенцией. Однажды моя сестра заболела скарлатиной, и я сорок дней жил у дедушки с бабушкой. Дедушка неспешно и очень сосредоточенно ремонтировал часы. У бабушки — ее звали Шейна Михелевна (девичья фамилия Эммануэль) — была швейная машинка «Зингер». Она много времени проводила за шитьем. Мне нравилось смотреть на их работу, я не хотел возвращаться в родительский дом.

Дедушка был религиозным человеком. Каждый день ходил в синагогу. У него был красивый голос, он был кантором. В доме соблюдали все традиции. Помню, как отмечали Песах. Дедушка читал молитвы, было пасхальное вино.

Он даже пытался учить меня еврейской грамоте... Но мои родители были руководящими работниками, членами партии. Знаете, в то время это было не модно. Все говорили об интернационализме, а на еврейскую культуру, национальную самобытность было даже неудобно обращать внимание. Дома родители иногда говорили на идише, но еврейские традиции практически не соблюдали. Правда, на Песах у нас всегда была маца, и варили бульон с клецками из мацы — кнейдлах.

Еврейская школа в Дриссе находилась на нынешней Советской улице в деревянном двухэтажном доме. В годы войны этот дом сгорел. Когда в предвоенный год я пошел в первый класс, из еврейской школы уже сделали русскую.

Приближение войны чувствовалось. До 17 сентября 1939 года Дрисса был пограничным городом. На той стороне Западной Двины — Польша. Хотя потом граница и отодвинулась на запад, до нее было не так уж далеко. В самом воздухе висело какое-то напряжение. Мама тайком перебирала вещи, откладывала самые необходимые.

Хорошо помню 22 июня 1941 года. Ясный, солнечный день. Я вышел во двор. У наших соседей был цветник. В 12 часов наша домработница включила радио — черную круглую тарелку — выступал нарком Молотов. Он сказал, что сегодня в четыре часа утра, без объявления войны...

Так начался отсчет нового времени. Был приказ Сталина, запрещающий руководителям учреждений самовольно покидать рабочие места. Родители не могли уехать из Дриссы. Их первой заботой было спасти детей — меня и сестру. Я, когда услышал слово «война», спросил у мамы: «Будет ли война в Дриссе?» Она ответила: «Возможно, будет». Хотя в то время все говорили, что врага победим малой кровью и война будет вестись на его территории.

Мамина сестра Соня работала счетоводом в аптеке. У ее мужа были родственники в Велиже — это Смоленская область. В том направлении шла грузовая машина — военнослужащие отправляли семьи на восток. Это было через несколько дней после начала войны. Отец лечил командиров, их семьи, и ему дали возможность отправить детей на этой машине.

Мамины родители были пожилыми людьми. Папа попросил больничного завхоза, чтобы он на лошади повез маму и ее родителей на восток. К этому времени немцы уже были рядом с Дриссой. С ними поехал и муж тети Сони — Цала Раппопорт. Раньше он тоже не мог уйти из города, потому что был руководителем транспортной конторы. Распоряжался гужевым транспортом. И хотя лошади были, как говорится, в его руках, он не мог себе позволить ни семью эвакуировать, ни самому уехать. Ждал до последнего. Отъехали они недалеко и решили вернуться: думали, ничего страшного немцы не сделают.

Дедушка и бабушка погибли в Дриссенском гетто. Там же погиб Цала Раппопорт, хотя, когда было образовано гетто, он имел возможность уйти в партизаны. Но не смог оставить родителей жены.

Когда немцы подошли к Дриссе, отец вместе с другими руководителями учреждений: директором школы Макутоныным, начальником милиции (был еще кто-то), пешком ушли в Волыңцы — местечко в двадцати километрах. Там им удалось сесть на поезд. Нужно было прийти в ближайший военкомат. Иначе — дезертир. В условиях военного времени — это страшное слово. А работников Дриссенского военкомата уже не было на службе — удрали. Добрался отец до Витебска. Он был Заслуженным врачом республики, это звание ему присвоили в 1941 году. В Витебске уже не было заведующего облздравотделом. Есть разные предположения, где он находился. Отца назначили временно исполняющим обязанности заведующего облздравотделом. Пробыл он в должности, по-моему, всего три дня. Выдали ему мандат, подписанный председателем облисполкома, дали пистолет, с правом распоряжаться по законам военного времени.

Одна из первых задач, поставленных перед отцом: оказать помощь раненым в Сиротино. Это местечко в сорока километрах от Витебска. Отцу необходимо было собрать врачей и направить их туда. Он был невысокого роста, худенький и не внушал страха. Явился в больницу, собрал врачей и сказал: «Надо ехать в Сиротино». Они в ответ: «Куда ехать? Там немцы». У отца выхода не было, не выполнить приказ не мог, и он достал пистолет. Врачи поехали, и все погибли в Сиротино.

Ночью, перед сдачей Витебска, отец был в облисполкоме. В подвале здания проводили заседание, ставили задачи. Уставший, он уснул прямо за столом. Когда проснулся, рядом никого не было, и служебной машины не было. Отец добрался до облаптекоуправления. Управляющим был Сидур. Отец его знал и спросил: «Что ты здесь сидишь? Вот-вот войдут в город немцы». А тот: «Не могу уйти. У меня на миллионы рублей лекарств». «Я тебе приказываю», — ска-

зал отец. «Пиши письменный приказ, — ответил Сидур, — тогда исполню». У Сидура была служебная машина, и они успели уехать в Велиж.

Отец случайно нашел нас в лесу под Велижем. Он добрался до Вязьмы и пошел в военкомат. К началу войны ему исполнилось 38 лет. Отец занимал должности помощника начальника отдела кадров сануправления фронта, был парторгом сануправления фронта, а затем начальником отдельной роты медицинского усиления. Воевал на Центральном, Брянском, 2-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. Лично был знаком с командующим фронтом К.К. Рокоссовским. У отца в роте служила врачом жена Рокоссовского. Войну закончил в Польше, в чине майора медицинской службы. Рокоссовский предлагал ему после войны остаться служить в Северной группе войск и чин подполковника. Но отец отказался.

Мама летом 1941 года добралась до Саратова. А потом в 1944 году, как только освободили Верхнедвинск, мы вернулись домой. Город был сильно разрушен. Мама пошла на работу, я — в школу. Стали возвращаться люди из эвакуации, приходять из партизанских отрядов, демобилизовываться из армии. Думали, заживем, как прежде. Но та, довоенная, жизнь не вернулась...

Потом пришел отец. Он, как и до войны, работал главврачом больницы. Кроме боевых наград, за доблестный труд дважды награжден орденом «Знак Почета».

Это было первое и последнее интервью, которое дал в своей жизни Илья Максович Туник. Вскоре его не стало.

Дриссенский старожил

Я у многих спрашивал, с кем встретиться, кто может рассказать об интересующей меня теме. Непременно называли Рувима Яковлевича Рица. И, проведя с ним полдня, убедился, что, пожалуй, лучшего эксперта по истории города не найти.

— Я родился в Дриссе на улице Советской в 1924 году, — сказал Рувим Яковлевич. — Мои родители были ремесленни-

ками. Местные, дриссенские. Отец Янкель Риц — сапожник, мама — Мера (девичья фамилия Зильбер). У них было четверо детей. Я — младший.

Район, в котором родился и вырос Рувим Яковлевич, был, пожалуй, самым еврейским в еврейской Дриссе. Он располагался при впадении реки Дриссы в Западную Двину. Когда-то здесь находилась синагога. В годы войны именно здесь немцы сделали гетто.

...Шел дождь. Рувим Яковлевич Риц, осматривая окрестности, рассказывал о своих довоенных соседях, друзьях детства.

— Чем занимались тогда жители Дриссы? — повторил Рувим Яковлевич мой вопрос. — В основном, ремеслом. Были артели: сапожная (в ней потом работал мой отец), портняжная, артель ломовых извозчиков, было несколько кузниц. В тридцатые годы стали появляться более крупные предприятия: мебельная фабрика, вышивальная артель...

В тридцатые годы раввина в Дриссе уже не было, вернее, я его не помню. Хотя мой отец ходил в синагогу. Меня с собой никогда не брал. Наверное, понимал, что приходит другое время...

Мы подошли с Рувимом Яковлевичем к берегу Западной Двины.

— До 1939 года, — мой собеседник показал на противоположный берег, — там была Польша. И мы, пацаны, часто играли в пограничников — охраняли рубежи нашей страны. Было сильное патриотическое воспитание. Я ходил в 1-ю школу (тогда в Дриссе была единственная школа). Окончил ее 21 июня 1941 года. Назавтра, в воскресенье, все выпускники собрались в городском парке, где проводились спортивные соревнования. Вдруг раздались звуки сирен. Над головами летали немецкие самолеты. Началась паника. Один банковский работник даже стрелял по самолетам из пистолета. Люди побежали по домам.

В это время по радио выступил Молотов и сообщил, что началась война.

Моя старшая сестра, которая работала в банке главным бухгалтером, в сопровождении двух человек повезла на кры-

той машине банковские документы в Москву. Через все преграды военного пути она привезла и сдала документы по назначению, и это помогло Дриссе после освобождения решить некоторые финансовые проблемы.

Началась эвакуация. На восток уходили и белорусы, и евреи. Оставались те, у кого не было сил подняться в дорогу, или те, кто был уверен: немцы ничего плохого не сделают.

В Дриссе жили польские беженцы 1939 года, даже учитель физкультуры в нашей школе был из беженцев. Они рассказывали про ужасы оккупации, но многие, особенно старики, не хотели им верить. Мой дядя Мендел Риц и его четверо детей остались в Дриссе. Всех немцы расстреляли — лежат в братской могиле.

Мы оставались в городе до 3 июля 1941 года. Директор банка дал подводу, и несколько семей отправились в сторону Невеля. Около деревни Юзефово встретились с немецким десантом. Оккупанты были в форме красноармейцев. Задавали странные вопросы: «Где находятся части Красной Армии?». Нас не тронули. Потом налетели немецкие самолеты. Мы кинули пожитки и пошли в сторону Невеля, Торопца. Там сумели сесть в железнодорожный состав и уехать на восток.

...От дома, в котором жили Рицы, до школы, в которой учился Рувим, метров пятьсот. На Советской улице кое-где сохранились довоенные дома, с фундаментами, сложенными из камней. На эти дома сразу обращаешь внимание.

По этой улице через весь город узников Дриссенского гетто гнали в их последний путь.

— После войны, когда я вернулся домой, интересовался у тех, кто был здесь, как это произошло, — рассказывает Рувим Яковлевич. — До 1942 года евреи в Дриссе жили в своих домах. Немцы провели регистрацию еврейского населения, заставили всех нашить желтые латы на свои одежды. Ежедневно гоняли на работы. За малейшую провинность евреев расстреливали.

В гетто всех согнали в начале 1942 года. А 2 февраля выгнали из домов, построили колонной и под охраной погнали по

главной улице через весь город к еврейскому кладбищу. Там заранее были выкопаны ямы. Жителям Дриссы запрещали даже подходить к окнам, чтобы они не видели, как гонят на смерть евреев, не могли проститься с ними. В городе стояло полное безмолвие. Привели евреев на кладбище, стали подводить по 10-15 человек к ямам и стрелять из пулемета. Среди узников был руководитель духового оркестра Пульман. Когда его расстреливали (мне рассказывали местные жители, а им это стало известно от полицейских), он крикнул: «Вам отомстят за нашу смерть». Среди расстрелянных — мои однокурсники Бойня, Майх.

Говорят, земля шевелилась несколько дней после того, как их закопали. Были среди них раненные...

Письмо из 1944 года

Когда очерк готовился к печати и в интернете появились упоминания о нем, я получил письмо от Александра Посова, в котором он рассказал об Иде Рубиной. Она родилась в Дриссе в 1924 году.

«Когда ее отец умер, Иде было всего четыре года, а когда следом умерла мама — около шести. Ее забрали к себе жить дедушка Мордхе Тентлер и бабушка Эстер-Мерке. После их смерти в 1931 — 1932 годах ее забрала к себе семья Сокольских.

Незадолго до начала войны Ида уехала в Ленинград.

Пять членов семьи Сокольских погибли во время расстрела узников гетто и похоронены в братской могиле на еврейском кладбище. Единственный, кто остался жив, — Хаим Вульфович Сокольский.

Хаим в первые дни войны ушел в армию. В 1944 году был контужен и списан в запас. Жил на Украине, во Львовской области, в поселке Новый Ярычев. Там женился на беженке из Польши, имевшей польское гражданство. У них родились три дочери. В 1955 или 1956 году они эмигрировали в Польшу, а оттуда — в Израиль.

От первого брака (мужа убили немцы) у Фели, жены Хаима, был сын Антек. Когда началась война и ей пришлось бежать от

немцев, ему было около двух лет.

В 1972 году Антек Сокольский был в составе олимпийской команды Израиля на Мюнхенской олимпиаде. Когда на израильских спортсменов напали арабские террористы, Антек выпрыгнул из окна второго этажа гостиницы и позвонил в полицию.

В Мюнхене установлен памятный камень с именами погибших израильских спортсменов. Там же упоминался Антек Сокольский. По просьбе семьи, имя с камня было убрано.

Хаим Сокольский умер в Израиле в 1970 году. Его семья сейчас живет в Хайфе.

Ида Рубина после войны жила в Ленинграде и вышла замуж за Илью Посова, родственника обувщика Коновалова.

До отъезда из Дриссы Ида Рубина дружила с девочкой из польской семьи, проживавшей по соседству. Почему-то в памяти у Иды осталось, что фамилия соседей была Сазоновы.

В семейном архиве сохранилось письмо, полученное из Дриссы во время войны, сразу после освобождения города. Это письмо было единственным, переписка, по неизвестной причине, не продолжилась.

«Здравствуй, дорогая Ида!!!

Сегодня, т.е. 7.XI-44 г., я получила от тебя письмо. Ты не представляешь, как мы все были рады, что хоть ты одна осталась жива.

Да, Ида, ты права была, что не могла писать сюда письмо. Ваша семья вся убита проклятыми немцами. Если остался жив, только один Хаим. Мы о нем ничего не слышали, только одно, что он был один раз ранен, а что сейчас с ним — ничего не знаю. Ты права, что и в нашей семье большие перемены. Моего любимого и родного брата, единственного в семье, проклятые немцы увели в Германию. И сейчас мы о нем ничего не знаем. Остальные все живы и здоровы, но находятся не дома. Я, т.е. Янина, Зюня и Реня, находимся сейчас в Полоцке. Нас мобилизовали, когда нашу родную Дриссу освободили от паршивых фашистов. Много горя мы пережили при немецкой оккупации, жаль, что на бумаге подробно все не опишешь. Ты

не представляешь, какое было несчастье в нашей семье, когда Ришарда угнали фашисты. Мы день и ночь заливались слезами, но все это ничего не помогло. Уже пошел второй год с 22 августа, как мы его не видали. Много ран оставил фашист и нашему маленькому городишке. Он весь почти сгорел, осталась только одна Советская улица, и потом около Двины, и так кое-где осталось по одной избушке. По Советской ул. против вашего дома сгорели четыре дома и разбит весь центр. Все это разрушено при отступлении немцев. Я и сейчас не могу представить, как мы все остались живы. У нас была такая ужасная бомбежка, от которой и был разрушен город, что никто не мог думать и верить, что мы останемся жить.

Да, когда пришли немцы, они согнали всех евреев в одно место и 2 февраля 1942 всех расстреляли и закопали в одну яму на еврейском кладбище около реки».

Горе и печаль в моем сердце

Довоенная жительница Дриссы Софья Моисеевна Батушанская вспоминала:

«До войны в нашем городе жили люди разных национальностей, жили дружно, уважали друг друга. Я хорошо помню, что наш дом был всегда открыт и гостеприимен для любого крестьянина, которому доводилось бывать и ночевать в городе. Многие в районе и сейчас помнят моего отца — сапожника, который часто ездил ремонтировать обувь сельским жителям, и с привезенного заработка кормилась наша совсем небогатая, большая семья».

Но, наверное, не все было так идеально, как описывает Софья Моисеевна. Иначе, откуда взялись те полицаи, которые гнали евреев на расстрел, которые безжалостно убивали женщин, стариков, детей?

Рассказывают, что колонну обреченных сопровождали всего два немца и полицаи. Непонятно, где на еврейском кладбище были установлены немецкие пулеметы, откуда они стреляли. В деревьях, которые растут вокруг того

страшного рва, застряли пули, и до сих пор они в стволах. Деревья растут с разных сторон рва. Значит, был не один, а несколько пулеметов.

Среди погибших 2 февраля 1942 года в Дриссе — многочисленные родственники Софьи Моисеевны Батушанской. До войны она жила по улице Советской. У родителей было пятеро детей, она — старшая. Перед войной гостила в Ленинграде, оттуда уже не смогла вернуться в Дриссу. С огромным трудом, пройдя более 400 километров, добралась до станции Ржев. Оттуда эвакуировалась в Куйбышевскую область. Работала в тылу и ждала часа, когда вернется в родной дом.

Это строки из письма, написанного Софьей Моисеевной Батушанской в Верхнедвинскую районную газету после выхода книги «Память»:

«И вот летом 1945 года, в августовский теплый день, когда на рассвете пели птицы, пахло свежестью и ароматом трав, а кругом было так хорошо и красиво, я с тревогой и болью подошла к родному порогу. (Наш дом уцелел.) Из дома вышли совсем незнакомые мне люди, которые жили в нем с того времени, когда родных загнали в гетто...

Горе и печаль живут в моем сердце, когда вспоминаю своих родителей, братьев, сестру.

Мой брат, Бейлин Израиль Моисеевич, 1923 г.р., в 1941 году окончил 10 классов, сестра Бейлина Люба Моисеевна, 1925 г.р., брат Бейлин Абрам Моисеевич, 1927 г.р., брат Бейлин Павел Моисеевич, 1934 г.р., и отец Бейлин Моисей Абрамович, мама Бейлина Хана Шоломовна, как рассказали мне Александра Паршута и другие очевидцы, шли 2 февраля 1942 года в той процессии со многими моими родными и знакомыми через весь город.

...Могу еще написать, что в братской могиле лежат наши соседи и знакомые: Млечина Рива, Сокольские — пять человек, семья Зихерман, Бодня, Сокольский Наум, Шугаль Довба, Макутонин Илья и другие...»

Документ, составленный Государственной Чрезвычай-

ной комиссией по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, свидетельствует о «черных» днях войны, об ужасах оккупации.

«6 апреля 1945 г., Дрисса.

...За период оккупации немцами было расстреляно, замучено, сожжено и повешено 6584 человека. Угнано на каторжные работы в Германию свыше 8000 человек. Таким образом, из 42 062 человек, насчитывавшихся до войны, в настоящее время осталось 22 016 человек. В феврале 1942 года в Дриссе в специальном лагере было собрано 769 человек еврейского населения, после пыток и издевательств все они вместе с детьми были согнаны на еврейское кладбище, где их группами по 10 – 15 человек заводили в заранее подготовленную яму размером 20 х 4 метра и расстреливали из автоматов и пулеметов. Детей бросали в яму живьем, расстреливали на лету. Раненых и недобитых — живыми засыпали песком».

Командовал расстрелом еврейского населения Дриссы комендант дриссенской полевой жандармерии Швабе.

Каждый день мог стать последним...

Книга «Каждый день мог стать последним...» написана Риммой Кочеровой. В Верхнедвинский музей ее передал сын Анатолий с дарственной надписью «На добрую память жителям Бигосова — от Кочерова Анатолия, который с мамой Кочеровой Риммой Аркадьевной два с половиной года (март 1942 — декабрь 1944) пробыл в Бигосове, остался жив, потому что помогали нам местные жители».

Бигосово — поселок, железнодорожная станция в Верхнедвинском районе, в годы войны — важный стратегический пункт.

Книга издана кустарным способом, тиражом в несколько экземпляров. И поэтому подробнее расскажу о судьбе ее героев. Девичья фамилия Риммы Аркадьевны — Финкенфельд. В 1937 году она окончила Военно-химическую академию в Москве, была хорошим специалистом, свободно владела немецким языком.

В 1940 году ее муж — Василий Кочеров — выпускник Академии бронетанковых войск, майор, получил назначение в воинскую часть, которая дислоцировалась под Белостоком. Этот город до сентября 1939 года, как и теперь, является польским. Командование приграничных воинских частей понимало, что война неминуема. И все же войска оказались к ней не готовы. Немцы с первых дней хозяйничали на земле и особенно в воздухе. Римма Аркадьевна с сыном, сопровождая тяжелораненых, выехала в Волковыск. Оттуда она с сыном пошла на Слоним. Крестьяне не пускали беженцев в дома — боялись немцев. Первые месяцы у Риммы Аркадьевны еще жила надежда: наши вот-вот разобьют врагов и прогонят их с Советской земли.

Но с каждым днем становилось все очевиднее: война — на долго. Римма Аркадьевна спрятала в стене старого сарая свой диплом, военный и партийный билеты, выданные на фамилию Финкенфельд.

Потом был лагерь для женщин в Барановичах. Каждый день она видела, как хоронят людей, особенно много было детских трупов. В городе издевались над евреями, было создано гетто.

В Барановичском лагере ей выписали удостоверение, будто бы она украинка, родом из Днепропетровщины. Благо, Римма Аркадьевна была голубоглазой блондинкой.

...Холодной весной 1942 года она с сыном оказалась в Бигосове. За несколько недель до этого фашисты и их местные пособники расстреляли узников гетто в Дриссе.

Вот как описывает это Римма Кочерова: «Стояли ненастные дни, как бывает, когда зима не хочет уступать: снег, леденящий ветер, распутица, грязь. Заходили односельчане, расспрашивали, ведь я шла от самой границы, рассказывала про свою жизнь. Жили бедно. Места болотистые, хлеб пополам со свеклой, картошкой.

Рассказывали, как уничтожали евреев: в местечке Росица (Верхнедвинский район) жили ремесленники, да и в окрестных деревнях жили по одной, две семьи: печники, бондари. А какому крестьянину не нужна бочка? Немцы из всех мест стали стогнать евреев в Дриссу. Один старый еврей возвращался домой,

увидел облаву, которая была у его дома, побежал к реке. Сосед-крестьянин побежал, остановил его, привел к машине: «Немцы — культурная нация, тебе ничего плохого не будет». Старик сказал ему: «Помни, я буду лежать внизу, а ты — поверх меня!»

После этих разговоров страх за сына, страх за свою жизнь не отпускал Римму Аркадьевну ни на одну минуту. А здесь еще сосед Юшко говорил, что она еврейка. Сын — черноглазый, черноволосый, и сама знает немецкий. Но Юшко нигде не работал, любил выпить, а немцы не доверяли таким людям.

Римма Аркадьевна работала в депо, когда надо — была переводчицей, предупреждала людей об опасности. Она видела, как каратели сжигали деревни, убивали людей. В декабре 1943 года попала с сыном в дриссенскую тюрьму. Только благодаря стечению обстоятельств осталась жива.

18 июля 1944 года Бигосово освободили советские войска. Римма Аркадьевна и ее сын остались живы. Муж, как потом выяснилось, погиб в первые дни войны.

Но теперь молодой женщине пришлось пройти проверки в органах НКВД: «Как сумела остаться в живых? Что делала на оккупированной территории?»

Война обрекла сына и мать на многочисленные болезни. Но они выстояли. Анатолий стал ученым, Римма Аркадьевна в послевоенные годы работала химиком. Рассказывала сыну о страшных днях на оккупированной территории, и однажды Анатолий Васильевич решил приехать в Верхнедвинский район...

Так книга «Каждый день мог стать последним...» оказалась в экспозиции музея.

Солдаты Победы

На фронтах Великой Отечественной, в партизанских отрядах мужественно сражались с врагом жители Дриссы, в том числе и родственники тех, кто был расстрелян 2 февраля 1942 года. Не зная еще, что произошло с их родными и близкими, они мстили ненавистному врагу.

Рувим Яковлевич Риц был призван в армию в 1942 году. Досрочно окончил Свердловское военное училище и стал командиром стрелкового взвода, затем — командиром взвода 167-мм минометов. Участвовал в освобождении родной Белоруссии, Литвы, Польши. 9 мая 1945 года встретил в Восточной Пруссии, где принимал участие в уничтожении одной из последних фашистских группировок. Трижды был ранен, но возвращался в строй. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени — 16 боевыми и юбилейными медалями. Но так и остался взводным в звании лейтенанта, потому что никогда не терся около штабов и командиров, не искал, за чьей спиной спрятаться.

После Победы над фашистской Германией война для Рувима Рица не закончилась. Его, в составе 2-го Дальневосточного фронта, отправили на войну с Японией.

Исаак Аронович Иржак, тоже уроженец Дриссы, на шестнадцать лет старше Рица. Рувим Яковлевич еще под стол пешком ходил, когда Иржак окончил первый курс Московского государственного университета и по призыву комсомола пошел в летчики — учился в 7-й военной школе пилотов в Сталинграде. Уверен, в местечках, хотя бы по именам, все знали друг друга. И, когда морской летчик Иржак приезжал на побывку, все жители Дриссы, особенно молодые девушки, говорили о нем и тайно вздыхали.

Войну Исаак Аронович встретил заместителем командира по политчасти 35-го штурмового авиационного полка 9-й штурмовой дивизии ВВС Краснознаменного Балтийского флота. На его счету много боевых вылетов. Во время одного, когда капитан Иржак с другими летчиками с воздуха атаковал врага, от попадания снаряда самолет загорелся. У летчика хватило сил развернуть машину. Он направил штурмовик к большому зданию, вокруг которого скопилось много автомашин с солдатами противника. Капитан Иржак ввел горящий самолет в пики и вместе с бомбами взорвался в скоплении врага. При взрыве было уничтожено много автомашин и живой силы противника.

...Мы подъехали к зданию Верхнедвинской гостиницы, в которой остановились. Я вышел из машины и увидел на стене дома Мемориальную доску.

«Улица имени старшего лейтенанта Пантиелева Аркадия Хацкелевича, погибшего 15 июля 1944 года при освобождении города Верхнедвинска».

Город освобождали люди разных национальностей, родившиеся в Белоруссии и за тысячи километров от нее. Возможно, перед боем мысленно они произносили самые сокровенные слова на родном языке — каждый на своем. Но пули, летевшие в солдат, точно не разбирали, кто какой национальности.

Я попросил Рувима Яковлевича рассказать о Аркадии Пантиелеве.

Рувим Риц — историк, написавший много статей о героях-освободителях. Через несколько дней после возвращения из командировки я получил из Верхнедвинска подробное письмо.

«В июле 1944 года в борьбе за освобождение от немецких оккупантов Белоруссии погиб старший лейтенант Аркадий Пантиелев. Его жизнь и боевой путь заслуживают светлой памяти и большого уважения.

Должность агитатора полка позволяла ему тесно общаться с воинами. Его душевные беседы с бойцами вызывали у них доверие и любовь к своему командиру. Родился Пантиелев в Орловской области в 1919 году. Родители вскоре переехали в Москву. Там он учился, вступил в комсомол. У Аркадия рано пробудилась любовь к педагогике. Еще в школе он работал отрядным вожатым. Был любимцем детей.

Аркадий успешно учился в Московском областном педагогическом институте на историческом факультете. Был секретарем комсомольской организации. В 1939 году коммунисты приняли Аркадия в свои ряды.

После окончания института Пантиелев работал инструктором школ Московского горкома комсомола, его выбрали секретарем Фрунзенского райкома ВЛКСМ.

...Началась война. Кипучий характер Аркадия не мог мириться с тем, что он не на фронте. Пантиелев настойчиво доби-

вался отправки в армию. И в августе 1942 года Аркадия направляют на учебу в военно-политическое училище, а в начале 1943 года он уже на фронте. Офицер Пантиелев сразу же активно включился в жизнь части. За мужество и героизм, проявленные при штурме Великих Лук, был награжден медалью «За отвагу».

Орден Красной Звезды Аркадий получил за то, что в критические минуты боя первым поднялся в атаку и личным примером воодушевил солдат.

За героизм, проявленный в боях за город Дриссу, Аркадий Пантиелев посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

...Командование решило послать в тыл врага танковый десант. Командиром взвода автоматчиков назначили Пантиелева. От быстроты и смелости десанта зависело многое. Танки зашли в тыл врага, и наши автоматчики пошли в атаку. В первых рядах — офицер Пантиелев. Несколько десятков шагов отделяли его от вражеских позиций. Не дошел, не добежал. Вражеская пуля настигла героя. Но ничто уже не могло остановить бойцов. Они овладели вражеской позицией.

...Герои живут в памяти народной. Старший лейтенант Пантиелев похоронен в городском сквере Верхнедвинска вместе со своими боевыми друзьями, которые погибли в бою за освобождение города. Памятник воздвигнут на их могиле по проекту родного брата Аркадия — Якова Хацкелевича Пантиелева.

Узнав о подготовке книги, Светлана Драчёва написала о судьбе своих родителей. Ее письмо я привожу без каких-либо купюр.

«Мой дед занимался лесосплавом. Мама Ритц Хая Менделевна — родом из Дриссы. У них в семье было четыре красавицы-сестры и брат Соломон. Перед войной мама работала секретарем в НКВД. Никогда ничего не рассказывала о своей работе. Когда началась война, всем сотрудникам выдали новые документы. Так мама стала Альбиной Тясту — эстонкой по национальности. Еще с одной сотрудницей, ее звали, кажется, Надя они получили задание, относящееся к организации партизанского движения. Не знаю, где это было точно, но добралась до леса мама одна. Территория уже была оккупиро-

рована немецко-фашистскими захватчиками. В лесу собирались окруженцы и гражданские, из которых позднее сформировался партизанский отряд. Там произошло невероятное: к ним прибилась группа военных, которой командовал младший лейтенант Хаец Евсей Алтерович — ее муж, мой отец.

Мой отец Евсей Алтерович Хаец родом из местечка в Слуцком районе Минской области. До войны был директором Дриссенской школы, некоторое время работал заведующим гороно. В 1938 году мама, работавшая в НКВД, увидела фамилию отца в списках лиц, подлежащих аресту. Не знаю, каким чудом, но он немедленно уехал из Дриссы и поступил в Школу красных командиров. Это спасло его от ареста.

...Мама вынуждена была не показывать и вида, что худой измученный младший лейтенант — самый дорогой для нее человек, так как у нее была другая легенда... Они общались, как только что познакомившиеся люди. А ведь у них уже был 7-летний сынишка, о судьбе которого оба тогда ничего не знали. На следующий день отец со своими бойцами продолжил выход из окружения. Воевал в пехоте. Войну закончил в Германии политруком, в звании майора.

Я не представляю, как молодая 28-летняя женщина прошла этот страшный путь. Она видела колонны евреев, чья участь уже была предрешена. Однажды в толпе обреченных шел ее бухгалтер, и она встретила с ним глазами. Своим молчанием он спас ее, спас и меня, потому что под сердцем у мамы уже билась новая — моя жизнь.

По документам, я родилась в 1942 году в деревне Строгань Смоленской области. Но сколько я ни пыталась разыскать эту деревню — безуспешно. То ли переименовали ее, то ли война стерла с лица земли.

Свою семью отец отыскал только в 1946 году в деревне Арефино Ярославской области. Когда нашел нас, то забрал по месту своей службы в Германию, где мы прожили до 1948 года, затем отца перевели во Львовскую область...

До 1958 года его биография связана с армией. Все его награды я передала своему младшему сыну. Часто их рассматри-

вает мой внук... Родители прожили в мире и согласии 52 года. В 1986 году отца не стало.

Мама после войны ездила в Дриссу и восстановила свои документы. Я отыскала в интернете постановление правительства первых дней войны о привлечении работников НКВД Белоруссии к организации партизанского движения и об эвакуации членов их семей. Вот почему мой старший брат остался жив и мама смогла отыскать его. Мама дожила до 95 лет, сохранив до такого почтенного возраста ясный ум».

Двадцатый век разбросал по земле жителей Дриссы. В местечке жило несколько поколений семьи Тресковых.

В 1919 году у Евсея и Берты была хуца, они стали мужем и женой. А через год родился первенец. Его назвали Хаимом, потом на русский манер стали называть Ефимом. Парень рос физически крепким, и когда в 1939 году его забрали на воинскую службу, отправили матросом на Северный флот. Там Ефим встретил войну. Храбро воевал, награжден орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, медалями.

После войны работал в Казахстане.

Его брат Рафаил закончил школу, а буквально назавтра началась война. Рафаил мечтал стать журналистом. Занимался фотоделом, вел кружок. За это его наградили фотоаппаратом. Рафаил ушел в партизаны. После освобождения Белоруссии Евсей стал разыскивать сына. И получил ответ из военкомата: «Рафаил Тресков погиб при выполнении спецзадания, исполняя воинский долг перед Родиной».

Рахиль Трескова любила учиться. Закончила с отличием школу, в 1950 году — 2-й Московский медицинский институт. Была Сталинским стипендиатом. По распределению уехала работать в Казахстан в детскую больницу. Ее сын пошел по стопам мамы, он ученый-медик. Его назвали в честь погибшего дяди — Рафаилом.

Младшими в семье были сестры-близнецы Вера и Женя.

Дети Евсея и Берты жили в России, Казахстане, Израиле, внуки расширили семейную географию. Вот только в Верхнедвинске никого из Тресковых уже не осталось.

Родом из Дриссы

Замечательный педагог и литературовед, уроженец Дриссы Моисей Григорьевич Пизов не был призван в действующую армию по здоровью и в 1942 году защитил кандидатскую диссертацию «Проза М.Ю. Лермонтова и западноевропейская романтическая литература первой половины XIX века», а в 1943 году — его утвердили в звании доцента кафедры русской и всеобщей литературы Башкирского педагогического института. Блестящий лектор и педагог, кумир молодежи той поры, Моисей Пизов был непримиримым борцом с догматизмом в литературе. В 1950 году М.Г. Пизов был арестован и обвинен в создании антисоветской группы, троцкизме, антисоветской агитации. Чтобы предотвратить репрессии по отношению к жене и издевательства, он вынужден был признать себя виновным. По статье 58-10 М.Г. Пизов был осужден на 10 лет лишения свободы и этапирован в Сибирь, в лагерь под Иркутском. Здесь он заболел туберкулезом.

В октябре 1954 года, уже после смерти Сталина, был комиссован и вернулся полуживым в Уфу. В ноябре 1956 года его дело было пересмотрено, ученый полностью реабилитирован.

До последних дней жизни М.Г. Пизов работал заведующим кафедры русской и всеобщей литературы Башкирского государственного университета. Он автор более 20 статей по литературоведению о творчестве Пушкина, Лермонтова, Каверина, Гете, Бальзака, Шекспира, Гейне, о взаимовлиянии русской и западноевропейской литератур, оставил свыше шестидесяти стихотворений, воспитал замечательную плеяду башкирских литераторов.

...В декабре 1947 года демобилизованный офицер Рувим Риц вернулся на родину. В райкоме партии предложили работу в районной газете — редактором.

— Многие дома и улицы в Дриссе были разрушены. Но остались здания, которые не пострадали, в том числе и здание моей родной 1-й школы, — рассказывает Рувим Яковле-

вич. — Многое вспоминается из того времени. И как город поднимали из руин, и как мечтали о будущем. Верили, раз пережили такую войну, впереди нас ждет прекрасное время.

В это время в Дриссе проходил суд над полицаями. Был пойман начальник полиции по фамилии Жук. Он какое-то время скрывался в Латвии. Я, как редактор газеты, присутствовал на всех заседаниях суда. Перед глазами вставала страшная картина оккупации. Я многое видел на фронте, после возвращения домой мне рассказывали о зверствах фашистов, но на суде я узнавал такие жуткие подробности, что становилось не по себе.

...Мы подошли к школе, о которой не раз говорил Рувим Яковлевич. Старые кирпичные стены, сводчатые потолки, закругленные печные трубы, рядом высокий берег Западной Двины.

— В 1954 году меня назначили директором школы, в которой я когда-то учился сам. И в этой должности проработал сорок лет. Менялся контингент учеников, учителей. Но школа всегда была одной из лучших в районе, и даже области, — с гордостью сказал Рувим Яковлевич.

Вечная память

В первой половине пятидесятых годов по инициативе Софьи Моисеевны Батушанской и ее двоюродного брата Бейлина Абрама Львовича на братской могиле расстрелянных евреев была установлена мраморная доска, а позднее и сооружен памятник.

На табличке — надписи на русском языке и на иврите. На русском языке написано: «Вечная память жертвам фашистского террора, зверски замученным 2 февраля 1942 года». Надпись на иврите несколько иная: «Здесь похоронены кдойшим (или евреи, погибшие за веру), убитые по приказу Гитлера. Да забудется (сотрется) имя его. Ту би шват, год 5702 по еврейскому летоисчислению». Написано, правда, с грамматическими ошибками. Но удивительно, что в те годы вообще могла появиться на памятнике надпись на иврите.

У Абрама Бейлина из родных братьев и сестер остался в живых только брат Ефим — они вдвоем вернулись с фронта. Из их семьи погибли девять человек.

«В последующие годы, когда собирались дети погибших, — вспоминала Софья Моисеевна Батушанская, — организовывали воскресники, собирали мацейвы с еврейского кладбища, которые были разбросаны по всему городу. Мы их отвозили обратно на кладбище и устанавливали возле рва, в котором были закопаны наши родные. Прочитать надписи на мацейвах сложно, они сделаны на иврите, а как мне кажется, сейчас в городе вряд ли кто-то знает этот язык».

Получился мемориальный комплекс. Две длинные ограды, окружающие ров, старые мацейвы и памятник погибшим. Мемориал ушедшей в небытие четырехсотлетней еврейской общине Дриссы. А надписи на старых мацейвах все же есть, кому прочесть: в город приезжают из Израиля земляки, их дети. Не часто бывают, но все же...

— Два года назад, — рассказывает Рувим Яковлевич Риц, — я, как член президиума районной ветеранской организации, поднял вопрос, что памятник погибшим узникам гетто должен быть в центре внимания общественности. Должны возлагаться венки, проводиться траурные мероприятия. И с этого времени в апреле, в День узников, у памятника проводится траурный митинг. Приходят школьники, представители властей...

Правильный человек Рувим Яковлевич Риц. Такой правильный, что иногда мне казалось: он из другого времени. Я слушал его и думал: побольше бы таких людей.

Мечь Сталину

Директор рабочей группы по созданию Верхнедвинского районного краеведческого музея — Николай Васильевич Никитенко. Сам из Гомельщины, но с районом связан давно и всей душой прикипел к здешним местам.

Мы вышли на крыльцо дома. Николай Васильевич закурил очередную сигарету и, показав на сквер, который находится напротив, сказал:

— Видите цветник? На этом месте когда-то стоял памятник Сталину.

В сквере в центре Верхнедвинска стоит несколько памятников. И каждый из них может много рассказать об истории города. В 1912 году в ознаменование 100-летия войны с Наполеоном в тогдашней Дриссе благодарные потомки поставили монумент в память о доблести русских солдат. В этих местах шли кровопролитные бои с французами. Корпус русской армии под командованием Витгенштейна заставил французов под командованием маршала Удино отступить и закрыл им дорогу на Петербург. Здесь погиб и был похоронен на высоком берегу Дриссы отважный русский генерал Кульнев.

Еще один памятник поставили в память о погибших советских пограничниках. До 17 сентября 1939 года Дрисса была пограничным городком, и, когда утром пели дриссенские петухи, на польской территории просыпались пограничники.

Памятники героям Великой Отечественной войны...

На той стороне сквера, а центральная улица Верхнедвинска — Советская, делит его на две части, — стоит на постаменте Владимир Ильич Ленин, отлитый из металла. Как мог обойтись город, а тем более районный центр, без круглосуточного присутствия вождя пролетариата? На постаменте по-прежнему, как и в советские годы, корзины с цветами. Их ставят у ног вождя. Бывает, что в корзинах высокие цветы, и тогда своими лепестками они достают до самых интимных мест Владимира Ильича.

Напротив Ленина, на другой стороне улицы, стоял его сподвижник Иосиф Сталин. Архитекторы так расположили памятник, чтобы Ленин и Сталин постоянно смотрели друг на друга: советовались, по какому пути вести страну дальше.

Но Сталина его родная коммунистическая партия развенчала и обвинила в культе личности. Справедливо обвинила, еще раз подтвердив истину, что от любви, особенно показушной, до ненависти — один шаг. Поступил приказ: памятник Сталину убрать и сделать это без излишнего внимания общественности.

Вызвали в райком партии двух мужичков: проверенных и надежных. И сказали им:

— Ночью памятник Сталину снимите, на телегу уложите, отвезете подальше и закопаете. И никому ни слова.

Мужики лишних вопросов задавать не стали. Ночью памятник свернули с постамента, на телегу погрузили, дерюгой закрыли, чтобы никто не видел (хотя в Дриссе ничего не утаишь), и увезли. Хотелось быстрее закончить это дело. Вырыли яму между домами и упокоили памятник вождю.

Прошли годы. Николай Васильевич Никитенко заинтересовался, что же это был за памятник. Нашел одного из тех мужиков, что райкомом были назначены приговор исполнять. И хоть совсем старый стал этот человек, но место указал точно. Николай Васильевич сделал раскопки, но в земле лежала только бетонная болванка. По всей видимости, туловище вождя. А куда делись остальные части тела? Никитенко снова пошел к тому мужику. Тот понял, что отпираться бесполезно, да и время сейчас другое, можно говорить о многом без утайки, и все рассказал.

— Закопали мы Сталина. А назавтра ночью я тайно пришел к этому месту, раскопал памятник, отсек у него голову, руки и ноги, сложил их в мешок и утопил в Западной Двине.

— Зачем вы это сделали? — спросил Никитенко.

— Отомстил Сталину, — сказал мужик. — Он моего отца репрессировал...

Расскажите своим внукам

В 1947 году в Дриссе еще действовал нелегальный миньян. Собирались старики в доме Шлеминзона, чтобы помолиться, сказать поминальные слова в память о погибших. Власти об этом знали, но не чинили серьезных препятствий старикам. А их детей, зачастую членов партии, предупреждали, что пришла пора прекратить родителям приходить на «религиозные посиделки».

В 1950 — 1952 годах учителем белорусского языка и литературы, русского языка и литературы в 1-й Дриссенской школе

работал прекрасный поэт, фронтовик Наум Кислик. Его стихотворение «В одном городишке» — о послевоенной Дриссе. Я приведу отрывок из этого стихотворения.

*В одном городишке,
Старом-престаром,
За тихим вокзалом,
За пыльным базаром,
Как раз напротив паромы —
Фундамент сгоревшего дома.
Вот здесь на ступеньках
Еще до разрухи
Любили сидеть старики и старухи
С древними именами.
Покрывали морицины
Их лица и руки
Древними письменами.
Сидели рядом
Старики и старухи
В часы предвечерней праздности
И обсуждали различные слухи,
Разные разности.
Грелись на солнышке заходящем,
Толкуя о прожитом настоящем,
Обо всем понемногу...
Давно это было —
Не всем и вспомнить, —
То ли в полдень, то ли в полночь,
Тот срок им вышел...
Почти до потопа —
Давно это было:
Земля ладонью их крик прикрывала,
Чтоб враг не слышал.
Один это слышал пастух в заречье...
Как старые камни,
Темны его речи,
Слова его глухи...*

Чем дальше отделяет нас время от местечковой Дриссы, тем чаще рисует воображение райский уголок, где в мире, согласии и изобилии жили люди. Все стараются вспоминать только хорошее. Плохое память стремится вычеркнуть, особенно, если это касается юношеских лет.

Я получаю письма от жителей Дриссы, в которых они рассказывают, как в семьях собирались на праздники за круглым столом и вспоминали родной город.

«В Дриссенском гетто погиб родной брат моей бабушки Илья Макутонин. В Дриссе жили многочисленные родственники бабушки и дедушки. Фамилия дедушки Мостов. Большая часть Макутоновых и Мостовых еще в 30-е годы переехала в Ленинград. Но Дриссу до войны навещали регулярно. Прожив несколько лет в Ленинграде, бабушка поехала рожать к себе на родину, и у отца в паспорте стояло место рождения — Дрисса. Дриссу часто вспоминали, собираясь всей семьей по праздникам. И в 70-е годы решили туда съездить. Никаких знакомых не нашли. Не нашли даже мест, где стояли их дома, так все изменилось. По я обязательно приеду, пройду по улицам, где ходили мои прадеды.

Григорий Мостов».

Приезжайте. Хоть раз в жизни сделайте это, чтобы знать, откуда вы, кто вы. Чтобы было, что рассказать детям и внукам.

ТРОПА ЗАБВЕНИЯ

В Борковичах я бывал трижды. Впервые приехал в это местечко в Верхнедвинском районе Витебской области как-то в середине мая, в солнечный яркий день, с удовольствием оставил машину и гулял, не смотря на дефицит времени, по деревянным улочкам, спустился с горы в пойму реки Дриссы, и все радовало глаз и хотелось оставаться здесь как можно дольше. Второй раз был в разгар бабьего лета. Из Дисны — самого маленького и очень красивого, самобытного города в Беларуси — это чуть больше пятнадцати километров — я специально заехал в Борковичи и снова радовался, глядя на прекрасную природу. Наверное, маленькие городки нуждаются в солнечной погоде, чтобы предстать во всей своей привлекательности. В третий раз я приехал в Борковичи осенью, в дождливый и хмурый день. Живем мы не на экваторе, где солнце почти круглый год, и для нас пасмурная погода с тучами на небе и лужами на земле — дело привычное. И тогда маленькие городки становятся скучными и порой труднопроходимыми. Например, спуститься на машине с горки, что ведет к реке Дриссе, еще куда ни шло, но подняться обратно сможет далеко не каждый водитель. Хотя и гравия насыпали, и даже кое-где куски старого асфальта видны.

Мы отправились на железнодорожный вокзал. Нам не надо было изучать расписание поездов. Тем более, что теперь через Борковичи ходит только пригородный поезд, да и тот останавливается здесь на несколько минут. А ведь Борковичи своим расцветом (было такое время), да и всей историей конца XIX и начала XX века обязаны именно железной дороге.

Когда-то здесь было поместье, сплавляли лес и даже плавали торговые суда по Дриссе. Сегодня в солнечный день в реке можно увидеть бревна, оставшиеся от старого причала. А потом через Борковичи прошла железная дорога Рига — Орел, которая связала центр России и порт на Балтийском море. Ожили Борковичи, стали расти, как говорится, не по дням, а по часам. Через Борковичи везли на Балтику лес (во второй половине XIX века на нем делали состояния так же быстро, как сегодня на нефти), везли дары садов и полей — активно торговали с Европой сельскохозяйственной продукцией.

В это самое время в Борковичах стало быстро расти еврейское население. Впрочем, местный краевед Юрий Козлов, который имеет юридическое образование и работает контролером на лесобазе (такой разносторонний человек), считает, что евреи стали компактно селиться в Борковичах еще во времена Великого княжества Литовского, когда местный помещик, католик по вероисповеданию, относился к ним безо всякой предвзятости и разрешал селиться на его землях.

О династии борковичских помещиков евреи, вернее их потомки, отзываются хорошо. Отзывы, конечно же, строятся на основании семейных легенд, преданий.

Зеев Абрамсон, в середине девяностых годов работавший посланником Американского еврейского распределительного комитета «Джойнт» в Беларуси, рассказывал мне о своей семье. Его прадед Тевель Динкин был очень колоритной фигурой. До переезда в Борковичи он с семьей жил в Полесье. Крестьянствовал, держал коров, продавал молоко. Был не шолом-алеихемовский Тевье-молочник, а Тевель-молочник, с судьбой очень похожей на судьбу одного из самых известных персонажей еврейской литературы. В 80-е годы XIX века, когда в России началась антиеврейская кампания Победоносцева, Динкиных погнали с земли. Тевелю пришлось оставить хозяйство и в поисках работы податься в Борковичи. Местный помещик, владевший лесами, благоволил к евреям. (К сожалению, не удалось выяснить его фамилию.) Слух об этом помещике быстро разнесся по окрестным городам и местечкам.

И евреи, согнанные с насиженных мест, стали переезжать в «медвежий уголок». «Медвежий» — сказано не для красного словца. Живности, в том числе и медведей, в те годы в лесах хватало. Борковичские леса и сегодня не обеднели, хотя, конечно, сравнение не в пользу нынешнего времени. Помещик выделил Тевелю участок земли рядом с железной дорогой, и Динкины стали строиться.

Когда через Борковичи прошла железная дорога, евреи охотнее стали селиться в этих местах. Железная дорога давала возможность неплохого заработка. И Тевель Динкин очень скоро понял, что железная дорога способна прокормить куда лучше, чем стадо молочных коров. Он, как и другие евреи, брал у помещика в аренду участок леса, нанимал крестьян, те валили деревья, потом их везли на железнодорожную станцию, грузили на платформы и отправляли в портовые города Балтики. У Тевеля была большая семья — одиннадцать детей. Всех надо было прокормить, выучить, поставить на ноги. Он много и тяжело работал. Физически был крепким человеком. Прожил больше ста лет. Тогда ведь не отмечали дни рождения, так что более точного возраста Тевеля Динкина никто сказать не может.

Зеев Абрамсон любил пересказывать борковичские истории, которые он часто слышал в родном доме. «Прадед соблюдал еврейские традиции, но не был ортодоксально верующим человеком. Никто из его детей, внуков не учился в иешивах, все искали и находили себе светские занятия и заработки.

«Лесные дела» ни тогда, ни теперь не обходились без застолий и крепких напитков. Прадед умел выпить. В нашей семье в шутку вспоминали, как однажды, возвращаясь домой по железной дороге в состоянии хорошего подпития, Тевель выпал из тамбура вагона. Его долго искали, прежде чем нашли. Для другого эта история, может быть, закончилась бы плачевно, но Тевель с его здоровьем уже на завтра командовал в лесу, как ни в чем не бывало».

Этот случай, скорее, исключение, чем правило. Но я рекомендую прочитать эти строки тем, кто верит в стереотипы:

евреи хилые, слабые здоровьем, выпивают раз в году на праздник Пурим...

«Обычно борковичские рассказы были сентиментальными и идеализировали жизнь в местечке, — вспоминал Зеев Абрамсон. — Может, потому, что в Борковичах прошли детство и юность этих людей. А может, потому, что у них были действительно хорошие, доброжелательные отношения с соседями. В местечке жило много нашей родни — Динкины, Левины».

В двадцатые годы XX века, когда власти свернули НЭП и стали прижимать тех, кто умел работать и зарабатывать, дети Тевеля разъехались из Борковичей: кто подался в Ригу, кто в Полоцк.

В Борковичах остались дочери Тевеля: Сима, она так и не вышла замуж и носила фамилию Динкина, и Гита Гуревич, работавшая в колхозе. Сима была очень общительным компанейским человеком, ее любили в местечке. Симу и Гиту фашисты расстреляли вместе с другими евреями Борковичей. (По рассказам местных жителей, Гита не была расстреляна, ее насмерть забил сапогами зверюга-немец, которому она стирала белье.)

...На станции Борковичи останавливались и пассажирские поезда, следовавшие из Орла в Ригу, и стояли здесь положенные минуты. К этому времени на перрон собирались жители местечка. Это было место для прогулок, одевались лучшие наряды. Как говорится, и себя показать, и на людей посмотреть. А потом вокзальный служащий подходил к бронзовому колоколу, который висел у входа в вокзал, и трижды звонил. Это означало — поезд отправляется. И пары, гулявшие по перрону, расходились по домам, обсуждая увиденное и услышанное — вечер удался.

В послевоенные времена через Борковичи проходил поезд Москва — Калининград. Правда, на перроне уже не собирались нарядные пары, наступили другие времена и пришли другие нравы, но жители Борковичей, представляя свой населенный пункт, обязательно сообщали, что от них можно напрямую уехать и в Москву, и в Калининград.

Опустел местный вокзал, но по-прежнему остался достопримечательностью городка. Единственное сохранившееся старое здание из красного кирпича тоже имеет отношение к железной дороге — здесь находилась насосная станция. Больше от старых Борковичей ничего не осталось.

В 1941 году здесь были ожесточенные бои. Станцию и местечко обороняла красноармейская часть, подошедшая из Боровухи. Продержалась она на этих рубежах недолго. А вот в июле 1944 года, во время наступления советских войск, Борковичи трижды переходили из рук в руки. После авиационных и артиллерийских обстрелов городок был фактически сметен с лица земли.

Здесь же, на привокзальной площади, стоит памятник воинам-освободителям. Около него привольно гуляют куры, под присмотром борковичского петуха.

Об истории Борковичей, в том числе про еврейскую историю населенного пункта, нам рассказывали краеведы и старожилы.

Сегодня в Борковичах не осталось ни одного еврея. После войны жили евреи, но были не местные, а приезжие. Григорий Михайлович Эпштейн прибыл сюда в конце пятидесятых годов. Работал в сельхозучилище, потом в школе — историком, завучем, директором. Уже в пенсионном возрасте Эпштейн серьезно заболел и уехал к сыну в Израиль, а в Борковичах остались его жена и дочь. Дочь сейчас живет в Полоцке, но сюда часто приезжает.

Мы отправились в школу к Вере Васильевне Изосимовой. В прошлом она работала директором, потом не только по своей воле ушла с этой должности. Сейчас — социальный педагог. У нее двое своих детей, и вместе с мужем они взяли в семью двоих приемных. Вера Васильевна историк по специальности.

— Большая школа? — спросил я.

— 120 детей из Борковичей и из окрестных мест, — ответила Изосимова.

— Это старое местечко, — сказал я. — Расскажите его историю?

— Уже в XVI веке есть упоминание о Борковичах. Место это известное. И сейчас находят старые монеты. Они как будто передают привет из давно ушедшего мира. Самые древние монеты датированы 1663 — 1665 годами.

Здесь проходили очень большие ярмарки. Историк Никифоровский подробно описывает ярмарки. Это было в последней четверти XIX века. Ярмарка проходила за девять недель до православной Пасхи. Есть у нас деревня Новый Двор, и там стоит церковь. Вот от церкви и до железной дороги шел торговый ряд. За один проход покупатель мог увидеть все товары. Сюда съезжались и продавцы, и покупатели со всей округи. Привозили и живность, и птицу, и ремесленные изделия — все можно было приобрести. На эту ярмарку сходились со всей округи юродивые.

Евреев было на ярмарке много. У некоторых из них были свои лавки, магазины. Они жили сразу за железной дорогой. Была большая еврейская улица, которая вела в деревню Магеры. Я сама местная, в школу ходила по этой улице. Была каменная мощеная дорога.

Мы с Верой Васильевной пришли на бывшую еврейскую улицу. В начале улицы стоял большой еврейский магазин, сейчас на этом месте здание пожарной команды, а современный магазин «На росстанях» находится как раз напротив.

Евреи хлеб пекли. Старожилы говорят, вкусный хлеб был, и субботние халы делали, сейчас о халах некому вспомнить.

Рядом с еврейской улицей был базар, здесь находились Базарные улицы. До войны и после нее на базар съезжалось много народа. Ярмарка бывает редко, а на базаре каждую неделю можно продать излишки, купить необходимое, встретиться со знакомыми и узнать новости.

Я пытался выяснить, где была синагога. Обычно она находилась на рыночной площади. Но в Борковичах расположение улиц не совсем привычное для местечек.

— Синагоги в Борковичах не было, — сказал Юрий Козлов, — был еврейский моельный дом. Находился на все той же еврейской улице. По-моему, принадлежал Динкиным.

Не в доме ли Тевеля Динкина собирался миньян? Правда, по воспоминаниям потомков, Тевель не отличался особой религиозностью. Скорее всего, это был дом кого-то из его сыновей, родственников.

— Было еврейское кладбище в Борковичах? — спросил я.

Странно, но жители Борковичей, с которыми я беседовал, не пришли к единому мнению. Одни уверенно отвечали: «Да, было». И даже показывали мне место, густо заросшее кустарником. Другие утверждали, что на этом месте было не еврейское кладбище, а католическое. И, если как следует поискать, можно найти старые памятники.

Прошло не так уже много лет, сменилось всего три поколения, но память стерла не только имена и фамилии людей, но и знания о прошлом родных мест.

— Еврейского кладбища не было в Борковичах, — уверенно ответил Юрий Козлов. — Оно находилось в девяти километрах от местечка в сторону Западной Двины за деревней Слобода. Располагалось на возвышенности. И сегодня там, на зеленом пятачке, окруженном хлебным полем, можно найти старинные памятники. Полустертые надписи лучше всего могут ответить на вопрос, когда первые евреи поселились в здешних местах.

— Вы знаете фамилии евреев, которые жили здесь?

— Жила Сима, фамилии не знаю, — ответил Юрий Козлов.

— Был кузнец. Он белорус, но породнился с еврейской семьей задолго до войны. Старики рассказывали, что удивительный мастер был. Мог выковать не только лемех, но и, к примеру, подсвечник. Его вместе с еврейской семьей фашисты повели на расстрел. Кузнецу говорили, что он может уходить, он свободен, но он остался и погиб.

В воспоминаниях внуков и правнуков их предки иногда предстают такими, какими их хотели бы видеть. Или мы, однажды нарисовав стереотип местечкового человека, боимся в чем-то не соответствовать ему. В воспоминаниях Светланы Лапиной, живущей во Франции, ее прабабушка из Борковичей Голда Гуревич очень напоминает европейскую даму.

Впрочем, еврейское местечко — это целый мир, со своим высшим светом, интеллигенцией. «Моя бабушка, уроженка местечка Борковичи, Роза Абрамовна Гуревич родилась в 1909 году в семье Абрама и Голды Гуревичей. Всего в семье было четверо детей. Гуревичи были зажиточными людьми, держали лавку. Жила семья в том же просторном доме, за ним находился закрытый внутренний двор с хозяйственными постройками.

Товары мама Голда — женщина сильная и властная, привозила из Риги и Полоцка. Она же вела бухгалтерию. Папа Абрам играл в семье весьма подчиненную роль, дети его даже жалели. Клиентами лавки, кроме жителей окрестных деревень и крестьян, были многочисленные офицеры, служившие в полку, расквартированном неподалеку.

Мама Голда часто вечерами уезжала играть в карты с офицерами. Стол для игры был покрыт зеленым сукном, мать надевала изящную кружевную блузку, шляпу и перчатки с пальцами, открытыми наполовину. Была очень азартной, и ей порой удавалось неплохо выиграть. Но жизнь местечкового дома текла своим чередом, и, невзирая на пышность кружевной шляпы, а также на меры по ее сохранности, именно в ней всегда котилась любимая семейная кошка.

В доме было много книг и музыкальные инструменты. Папа Абрам с сыновьями составлял трио, и они часто играли на свадьбах и других праздниках. «Папочка играл на скрипке, Изя — на контрабасе и Исачок — на мандолине». Лучше всех фрейлехс танцевала Сонечка, у нее был красивый выход — «индюшкой».

В Борковичах было нечто наподобие драмкружка, и моя бабушка была балериной в «живых картинах» — распространенный в те годы вид шоу (выражаясь современным языком), когда девушки в балетных пачках группой выбегали на сцену и замирали в определенных позах.

В семье говорили на идише, но по-русски моя бабушка и ее сестра говорили без какого-либо акцента.

Деликатесами из лавки семья не угощалась даже в праздники. На столе были традиционные блюда еврейской

и белорусской кухни. Из-за близости реки в Борковичах было много вкусной рыбы (щуки, карпы, лещи, сазаны). А также белорусская бульба и сметана «хоть ножом режь». Ароматная хала, тейгелех, кугель — на субботнем столе. И обязательно — драники. Видимо, отношения с соседями белорусами были хорошие. Моя бабушка на всю жизнь любила этот край и этот народ и всегда с величайшей теплотой говорила о белорусах, Белоруссии и, конечно, родных Борковичах.

В синагогу ездили не очень часто, на повозке, в соседний городок. Семья была не слишком религиозной.

После революции, когда появилась опасность погромов, родители закопали в землю большой горшок, полный николаевских золотых монет. Горшок так и не нашли потом, но и погромов в Борковичах не было. Когда «черта оседлости» — ограничение на проживание евреев — исчезла, семья переехала в Петербург — Ленинград.

Многие из родственников тогда уехали из Борковичей: кто в Брянск, кто в Ригу».

...Мы отправились к борковичским старожилам. Первый визит к Вере Петровне Логуновой.

— Вы местная? — спросил я у новой знакомой.

— Я из Дерновичей, это рядышком. Но уже давным-давно живу в Борковичах.

Слова «давным-давно» в устах восьмидесятилетней женщины выглядели солидно.

— Евреев здесь много жило до войны?

— Очень много. Они жили по ту сторону железнодорожного переезда. Часто приезжали к нам в Дерновичи, заготавливали ягоды, грибы, тряпки собирали.

— А чем еще занимались?

— Торговали, и кузнецы были, и бондари, и сапожники, и портные. Не было тогда комбинатов бытового обслуживания. Если надо было сшить пиджак или шубу, портного на дом звали. Мужчины-портные ходили. Помню, батька всегда одного еврея звал к нам.

Когда немцы захватили Борковичи, они вскоре сделали для евреев гетто. Их согнали в Народный дом, там до войны клуб был. Некоторые молодые евреи пытались убежать. Брат с сестрой пришли в Дубинино. Просят: «Спасите». А кто будет их прятать?.. Скажут, что евреев спрятали, и убьют. И брат с сестрой ушли. Добрались до хутора Смоловка. Там кто-то выдал, и немцы их убили.

В день расстрела всех евреев из Нардома погнали за деревню Магеры в лес. Их веди пешком до места расстрела — километра два. Рядом находилась заправочная МТС, а по другую сторону дороги, метров сто пятьдесят вглубь леса, была выкопана яма. Евреев гнали к этой яме, а сзади на подводах ехали немцы и полицаи. Саму колонну тоже сопровождали немцы с собаками и полицаи.

Расстрелами евреев руководили начальник Борковичской военной полиции Филор Мартин и следователь Борковичского отдела военной полиции Шнайдер Рудя.

Копать яму, ставшую братской могилой, пригнали местных мужчин.

— Валенсыра был такой, он и другие копали, — сказала Вера Петровна Логунова. — А потом им приказали положить на эту яму доски. По пятерке евреев подводили к яме и приказывали идти по доске. В это время стреляли. Падали в яму, кто раненый, кто мертвый, а кто и так, поскользнется — упадет. наших мужиков, что копали яму, отвели в лес, чтобы они не видели, как расстреливают. Лапок еловых нарубили и забросали эту яму. Там — кто шевелился, кто стонал. А потом наших мужиков снова пригнали, и они закопали яму. А не закопаешь, тебя самого убьют.

Затем мы отправились в Магеры к Регине Ульяновне Пятнице. Ей 88 лет, родилась она на хуторе рядом с Борковичами. В довоенные годы ходила в местечковую школу.

— Какими были Борковичи до войны? — спросил я.

— Где теперь асфальтированная улица, — уточнила Регина Ульяновна, — одни евреи жили. Здесь и магазины были еврейские. Мы туда на большой перемене бегали. Родители дадут

копейку, а кушать хочется. Побежишь, купишь 200 граммов черного хлеба. Я в этой школе семь классов окончила.

Регина Ульяновна прожила нелегкую жизнь. Отец умер еще до войны, а сразу после Победы умерла мама. Регина осталась старшей в доме, на ее плечах было шестеро, как она сказала, «брательников». Регина работала в колхозе и помогала братьям.

Потом мы говорили о войне, об оккупации Борковичей.

— Немцы захватили Борковичи уже в первую неделю войны. Первые месяцы у нас было тихо. Потом немцы повесили одного молодого хлопчика. Не подчинился он им, и его казнили. Повешенного не давали снимать с виселицы несколько дней — пускай все видят, что будет с теми, кто против немцев пойдет.

В день, когда убивали евреев, мы молотили зерно. Был теплый день. Наверное, первые дни сентября. Слышим крики, плач. Пошли посмотреть — евреев ведут. Яма уже была выкопана. Говорили, что некоторые сумели убежать.

Гетто не было огорожено, но евреям запрещали покидать свои дома.

Всего было расстреляно более ста человек. Место расстрела — справа от шоссе на Дисну, напротив южной околицы деревни Магеры, около двухсот метров от дороги. Местность была распахана, а затем заросла кустарником.

Дудкина Фаня была расстреляна отдельно, как партизанская связная. (Ее останки были перезахоронены примерно в 2000 году и покоятся ныне у здания школы под памятником погибшим ученикам и учителям.)

Братская могила расстрелянных евреев находится также рядом с Луначарским пансионатом, где захоронены останки примерно 80-ти человек. Луначарское (бывшая Слобода-Дисна, затем Николаево) расположено на правом берегу Западной Двины напротив города Дисны.

С Верой Васильевной Изосимовой мы пришли к околице деревни Магеры, к месту еврейского расстрела. Асфальтовая дорога, опушка леса, болотистое место.

— Сюда фашисты пригнали из Народного дома евреев. Здесь была большая поляна, а лес начинался дальше. На этой поляне и была вырыта могила.

Нет памятника, даже камень не лежит, который хотя бы обозначил место массового расстрела.

— Года три назад была здесь поисковая группа со специальным оборудованием, искала место захоронения. Вроде, нашли, они поставили столбик на этом месте и уехали, — сказала Вера Васильевна.

Это была французская католическая группа, занимающаяся изучением Холокоста. Спасибо им за проделанную работу, только поставленный ими столбик среди кустарника мы найти так и не смогли не только в тот дождливый день, но в последующие — солнечные.

— А кто-нибудь из родственников погибших приезжал сюда?

— Я таких случаев не знаю, — сказала Вера Васильевна.

Местным властям нет дела до этого захоронения. Красивые слова о памяти говорить легче, чем делать добрые дела. Не верю, что не осталось родственников у погибших. Но они не проявляют никакой активности.

У еврейских организаций Беларуси, которые с помощью семьи Лазарусов ставят памятники на местах расстрелов евреев в годы Холокоста, пока еще руки не дошли до безымянной еврейской могилы в лесу у деревни Борковичи. Позабыто, позаброшено это место.

МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

Из Борковичей наш путь лежал в Освею. Я много слышал об этом местечке, городском поселке и от друзей-рыбаков, которые в самых лестных словах отзывались об одноименном озере, и от любителей путешествовать — рассказывали мне, что красивее мест не найдешь, и главное, не исхожено, неистоптано. Слышал и от потомков тех, чьи дедушки и бабушки родом из Освеи: когда-то крупного еврейского местечка, и от историков, занимающихся партизанским движением в Беларуси — это легендарный партизанский край, который гитлеровцы пытались огнем и снарядами в 1943 году во время карательной экспедиции стереть с лица земли.

В Освею мы ехали вместе с Антоном Францевичем Буболой. Он любезно согласился на эту поездку и помог нам своими знаниями.

Антон Бубола — человек трудной судьбы. Впрочем, почти все довоенные жители Освейского района выдержали страшное испытание войной. Антон Францевич был малолетним узником Саласпилского концентрационного лагеря, куда его отправили грудным ребенком на руках у мамы. Он узнал, что такое голодное послевоенное детство. Работал в Белоруссии, на Дальнем Востоке и снова вернулся в родные края. Заметная фигура в районе — возглавлял отдел культуры, работал в райкоме партии. Составитель районной книги «Память». Много путешествует, занимается краеведением. Автор сборника стихов.

В дороге нам было, о чем поговорить с Антоном Францевичем. Но, в первую очередь, он рассказал о дороге, по которой мы ехали.

— Когда-то она называлась Полоцко-Режецкий тракт. Вела из Полоцка в Освею и дальше в латышский город Резекне. Была построена очень давно. Служила почтовым трактом. В тридцатые годы двадцатого века, в колхозные времена, ее вымостили. Была обязаловка: и бабы, и мужики возили камни с полей, мостили. Мощенная булыжником проезжая часть лежала до 1978 года, потом закатали ее асфальтом. Правда, после развала Советского Союза и дорога развалилась — доходит теперь до границы Беларуси с Латвией и там заканчивается.

От Верхнедвинска до Освеи 40 километров, от Освеи до границы с Латвией около 18-ти, и до российской границы примерно столько же. Из крупных населенных пунктов Освея — самый северный в Беларуси.

Приблизительно под эти слова и аккомпанемент дождя мы въезжали в городской поселок.

— Сначала надо заехать в парк, — порекомендовал Антон Францевич. — Это главная достопримечательность. Там вся история нашего городка.

В парке мы остановились у развалин старинного замка.

— Вы сами из этих мест? — спросил я.

— Я с Освейщины, родился около самой границы с Латвией. Освея была нашим райцентром и эпицентром культурной и хозяйственной жизни.

— Как появилось название Освея?

— Раньше была Восвея, с ударением на первом слоге. Местные жители так и скажут — Восвея, причем среднего рода. Думаю, правильно писать Освее. В переводе с угро-финского — это священный мыс или священное устье. Место, откуда начиналась Освея, — мыс, выдвинутый в озеро. Официально Освее чуть больше полутысячи лет, но на самом деле археологи находят предметы гораздо более древние. Богатое место, рыбное озеро, безусловно, это древнее поселение, — не без гордости сказал Антон Бубола.

За нашей спиной буквально нависали развалины некогда грандиозного дворца, построенного из кирпича. У одной стены,

сохранившейся лучше других, недавно соорудили эстраду. А на самих кирпичах кто-то нарисовал большой магиндовид. Зрелище не совсем обычное. Я стал расспрашивать об увиденном.

— Это старый дворец, ему около двухсот пятидесяти лет, — ответил Антон Францевич. — Связан с родом Гильzenов — прусских баронов. Был смоленский епископ Ежи Гильzen, минский воевода Ян Август Гильzen. Много известных личностей дал этот род. На их деньги был построен уникальный дворец в стиле классицизма. Главных входных ворот было четыре — по числу времен года, внутренних входов двенадцать — по числу месяцев в году, окон триста шестьдесят пять — по числу дней в году. В одном из крыльев дворца размещался зимний сад.

— Время не пощадило дворец, — заметил я.

— И время, и люди, — отреагировал Бубола. — Простоял дворец примерно 150 лет, потом была Первая мировая война — он частично пострадал. В колхозное время здесь был клуб, играл духовой оркестр, устраивали танцы. В парковом пруду плавали лебеди. Во время Великой Отечественной войны дворец разбили, но крыша оставалась цела, и стены стояли. Послевоенные районные власти здесь жили, был жилой дом.

— Когда дворец приобрел теперешний вид?

— В 1954 году было разрешено разбирать его на кирпичи, потому что строиться надо было, а кирпичных заводов не было. Хотели разрушить дворец как памятник панов и графов, но побоялись — стены мощные, при взрыве соседнюю школу можно было повредить. Остались от дворца только остатки голубого зала.

— Что за эстраду соорудили у стены?

— Сцена, на которой праздновали 500-летие Освеи, — уточнил Антон Францевич.

Лучшей декорации не придумаешь, — подумал я. — Дешево и абсолютно правдоподобно.

Магиндовид, нарисованный на стене, вряд ли был задуман как часть сценографии, и нарисовали его люди, по-моему, мало знающие о еврейской истории Освеи.

Мы шли по старинному парку. Антон Бубола продолжал рассказывать о вкладе Гильzenов в историю Освеи.

— Они открыли гимназиум, здесь учили итальянский, древнегреческий, древнееврейский — шесть языков. Гильзены пригласили сюда сестер милосердия, которые основали монастырский госпиталь. Здание госпиталя сохранилось до наших дней и является одним из самых старых памятников архитектуры в северной Беларуси.

Мы шли к месту расстрела освейских евреев, к скромному памятнику, установленному внутри большой ограды. Евреев расстреляли здесь же, в парке, 8 марта 1942 года. Старинный дворец и прекрасный парк — это последнее, что они видели в своей жизни. Вряд ли в тот весенний день они задумывались об истории, архитектуре, о чем сейчас говорили мы.

— В Освее всегда было смешанное население, — сказал Антон Бубола. — В местечке было много лавок, бойко шла торговля, работали ремесленники. Центр Освеи был насыщен магазинами, лавками, были корчмы, постоянные дворы. Еврейство было неотъемлемой, причем значительной, частью населения.

— Когда первые евреи поселились в Освее?

— Приблизительно 400 — 500 лет назад. Более точных исследований никто не проводил.

Еще в 1695 году Освея получила статус города, входила в Полоцкое воеводство в составе Речи Посполитой. Она славилась богатыми ярмарками. Сюда приезжали купцы из ближних городов и дальних стран, устанавливали лавки, открывали склады, торговали. В те времена евреи уже жили в Освее.

Статистические данные есть начиная с 1765 года, когда в Освее проживали 316 евреев. С 1772 года Освея — в составе Российской империи. В 1847 году количество еврейского населения возросло до 795 человек, в 1897 году евреев в Освее стало больше половины от численности всего населения — 1660 человек (58,6%).

Затем количество освейских евреев уменьшилось. Община пострадала в годы Первой мировой войны, когда русские генералы пытались оправдать свои поражения и стратегическую бездарность, обвинили евреев в шпионаже в пользу Германии. Якобы, немецкий язык и идиш похожи, и евреи выда-

вали немцам военные тайны. Евреев стали в принудительном порядке выселять с приграничных территорий. Многие оказались в Центральной России, в ее северных губерниях. Потом Гражданская война добавила несчастий. Одни евреи в частях Красной Армии сражались за новую жизнь. Других, часто их престарелых родителей, грабили разного рода бандиты, которые тоже прикрывались красивыми лозунгами. В 1923 году в Освее проживали 762 еврея, в 1926 году около семисот (приблизительно 40%), в 1934 — 397 евреев, в 1939 — 350 евреев.

Мы подошли к небольшому памятнику, спрятавшемуся в тени деревьев. Он был установлен в 1960 году — коричневый камень высотой сантиметров семьдесят, расширяющийся книзу. У памятника лежали венки, было убрано и чисто. Сельский совет ухаживает за мемориальным местом. Правда, надпись на памятнике стерлась, и прочесть ее трудно.

— Трагедия освейских евреев в деталях описана у белорусского писателя Юрия Татаринова, — сказал Антон Бубола. — Евреев привели сюда, заставили вырыть яму и расстреляли. Это было в марте 1942 года. В то время в Освее стоял немецкий гарнизон. Немцы зверствовали над мирным населением все время оккупации. Один раз кто-то из мальчишек измарал портрет Гитлера — согноли всех жителей и стали спрашивать: «Кто?». Один старик готов был взять на себя эту вину. Жителям Освеи угрожали: «Вам будет то же самое, что и евреям».

Здесь в старинном парке, под скромным памятником, похоронена многовековая история освейских евреев. Никто сегодня не помнит их фамилий, имен. Да и кому помнить, если евреев в Освее не осталось...

Жила Эмма Калмановна Симацкая (Басина), но недавно уехала в Израиль к брату — болезнь заставила искать хорошие клиники. Ее дочка — хозяйка магазинов в Освее и других местах Верхнедвинского района. Кстати, фамилия Симацкий хорошо известна в Освее. Владимир Владимирович Симацкий (1914 — 1942 гг.) — партизанский командир, ему в парке установлен памятник. Это дядя мужа Эммы Калмановны.

В 1867 году в Освее действовали две синагоги. К 1925 году синагог стало четыре.

Самая старая из них называлась Новохасидская. Размещалась в деревянном здании, постройки 1855 года, и находилась по улице Себежской. Три других синагоги были построены в один и тот же 1875 год. Все они принадлежали хасидам (крепки были их позиции в Освее) и располагались — две по улице Школьной, еще одна — по улице Слободской.

В каждой из освейских общин на 1925 год было приблизительно по 50 человек. В иудейских общинах было меньше молодежи, чем в православных или католических, 85% старше 50 лет, у православных и католиков — 50% от 25 до 45 лет.

Декретом от 22 февраля 1922 года революционная власть конфисковала ценности синагог для помощи голодающим Поволжья. (Описи ценностей мне найти не удалось.) Такой же конфискации подверглись и православные, и католические храмы.

В 1927 году в Освее служил резником Насон Шмерков Каждан, родившийся в 1862 году в Двинске, а раввином был Исьемин Исрозль Михолавич, 1847 года рождения. У него было девять детей. Из-за старости он уже сам не вел богослужения.

(Зональный архив в г. Полоцке, ф.104, оп. 1, г. 28, л. 292–296, ф. 104, оп. 1, г. 42 а, л. 110, 112, 302–316).

Такие данные хранятся в изъеденных грибком архивных папках. Казалось бы, фамилии, имена, цифры, но за ними целая жизнь, с радостями и огорчениями, праздниками и похоронами.

Про одну из синагог вспомнила Ева Аржаник, одна из наших собеседниц, помнящих довоенную Освею.

Ева Аржаник, девичья фамилия Хмелевская, живет с мужем и дочкой. В сельсовете посоветовали поговорить с ее мужем. Но дочка сказала, что у отца память подводит. Возраст не шуточный. И тогда на помощь пришла его жена. Она сказала, что тоже местная, из деревни Остров, это совсем близко от Освеи.

— Вы помните, какой была довоенная Освея? — спросил я. — Бывали здесь часто?

— В школу ходила сюда, — удивленно ответила пожилая женщина.

— А где школа была? — так завязался наш довольно продолжительный разговор.

Дочь Евы сидела рядом. По ее глазам я видел, что и для нее мать рассказывает много нового.

— Где теперь школа-интернат, — сказала Аржаник и уточнила: — Школа была деревянная.

— А какая была центральная улица?

— Центральная улица называлась Зеленой. Обыкновенные деревянные дома, только там, где теперь магазин, было каменное здание.

— Где был центр Освеи?

— Где сейчас автовокзал. Там были магазины. На площади проходили большие базары. До пожарной станции люди стояли. Продавали, покупали: и свиней, и уток, и кувшины разные, и конскую сбрую, и масло, и молоко — все можно было купить, лишь бы деньги были.

— По каким дням проходили базары?

— В пятницу и воскресенье. Каждую неделю. Народу очень много собиралось. Друг другу можно было искать часами. А в субботу отдыхали. У евреев так положено. И торги не проходили в этот день.

— До войны здесь жили люди разных национальностей?

— Было больше русских и евреев. Евреи жили от озера, и вся улица, где гора, где баня стоит, где рыночная площадь была, евреями была заселена.

Дома там стояли так близко друг к другу, что об огородах не могло быть и речи. Во дворе помещались телега да небольшой сарайчик для лошади.

На площади, на которой находится автобусная станция, на горе стоит обелиск из черного гранита в память о жителях Освеи — жертвах фашизма. Рядом — несколько двухэтажных и одноэтажных кирпичных домов. Здесь была рыночная площадь. Как и в любом другом местечке — сердце населенного пункта. Здесь проводились базары и ярмарки, которые давали людям работу и возможность встретиться со знакомыми, обсудить новости, договориться о совместных делах.

Старожилы не припомнят, чтобы в Освее были межнациональные конфликты или погромы.

Не стану утверждать, что в местечке были идиллия, полное согласие и рай. Случались и здесь размолвки, особенно после базарного дня, когда в трактире или корчме выпивали лишнего. И тогда вспоминали все долги, начиная с молодости. Но веками устоявшаяся местечковая система ценностей, правил поведения, норм морали очерчивал границы, за которые старались не переходить и вслух не высказывать всего, что порой накопело на душе.

В 1912 году в Освее действовало еврейское ссудо-сберегательное товарищество. В 1914 году евреям принадлежали единственная аптека, двадцать три лавки (в том числе все шесть бакалейных и все четыре галантерейных). Единственный лесопромышленник был евреем. Тогда это был «крутой» бизнес.

Более богатые молились в одной синагоге. Кто был победнее — в другой. Освейские евреи, как впрочем и остальные, жили по-разному — одни имели несколько домов и держали прислугу, другие бедствовали, едва сводя концы с концами. Но никто не побирался. Действовали благотворительные общества, которые помогали бесприданницам выйти замуж, беднякам купить дрова на зиму, решали вопросы обучения детей, лечения больных. Если умирал человек, общество «Хевра-Кадиша» занималось похоронами единоверца и смотрело за кладбищем.

В Освее было четыре кладбища. У въезда в городок со стороны Сарьи на возвышении хоронили своих сородичей староверы. Сейчас напротив того места, через дорогу, — православное кладбище. На противоположном конце городка — католическое кладбище. И совсем в стороне, среди полей, на высоком холме, куда уже и дороги нет, еврейское кладбище. До него где-то километр. Оно спряталось в кустах, как будто пытается защититься от варваров, которые рушат памятники и ищут в захоронениях мифическое золото. Вторая линия «обороны» еврейского кладбища — неглубокий ручей, который окаймляет

его. Кроме надписей на некоторых камнях-мацейвах выбиты магиндовиды, встречаются геометрические и растительные орнаменты. На одном памятнике изображение льва и виноградной лозы. Традиционные мотивы еврейского народного орнамента. В местечке жил мастер-каменотес, знавший его.

В 1905 году, бурном и революционном, в провинциальной Освее проживало 3700 человек. Здесь действовали церковь, костел, четыре синагоги, было народное училище, почтовая станция, восемьдесят пять лавок, три постоянных двора, трактиры. Дважды в год в Освее проводились ярмарки — наиболее богатые в этих краях.

Местечко рано просыпалось, кто-то шел в синагогу, кто-то — в церковь. Затем люди занимались хозяйством, зарабатывали «копейку». По вечерам собирались дома, зажигали керосиновые лампы, учили детей уму-разуму и рано ложились спать. Тишина и спокойствие.

А вокруг уже бродили взрывные настроения. Двадцатому веку не нравилась патриархальная жизнь, хотелось революций и переустройства жизни. И в той же Освее евреи решили быть начеку. Организовали отряд самообороны. О нем упоминает Теодор Гельфанд, участник Второй мировой войны, живущий в израильском городе Кирьят-Гате. «В вопросах конспирации моя мама имела опыт, так как в молодости была членом еврейской самообороны в белорусском местечке Освея». Пришлось ли применить силу отряду еврейской самообороны из Освеи, нам неизвестно.

В списках избирателей в 3-ю Государственную Думу по Освее немало еврейских фамилий: Аграноник Ешуа; Акодас Мендель, Мовша, Вульф, Ешуа; Аксенцев Мендель; Арон Берка, Срол, Хацкель, Ешуа; Авербух Шмуyla; Бардаков Мейер, Мовша, Эля, Израиль; Баркаган Пейсах; Сандлер Довид; Шерман Лейба; Шнир Липа, Мовша, Ешуа и другие.

Освея дала науке, культуре немало значимых имен.

Здесь родился в 1886 году еврейский писатель, в годы Гражданской войны — один из активных участников боль-

шевистского подполья в Белоруссии, Яков Юдович Ривес. Самое значительное произведение писателя — документальный роман «Большевики», где есть автобиографические страницы.

В Освее вырос советский композитор Лев Маркович Бирнов.

Отсюда родом крупный советский историк Владимир Израилевич Фрейдзон, специалист в области славяноведения и балканистики.

С отменой «черты оседлости», разрешением учиться в столицах без процентной нормы еврейские юноши и девушки устремились в большие города. И в дорогу сердцу Освеею приезжали летом на каникулы или в отпуск. И тогда снова молодыми голосами наполнялись улицы местечка.

Освейский район не был центром индустриализации, но и здесь чувствовались новые веяния. Работали льнозавод, кирпичный завод, лесопилка, маслозавод, рыбучасток, сапожные, портняжные мастерские, две электростанции, три мельницы.

Тем, кто разбирает архивы, в глаза бросаются документы о чужом богатстве. Люди вообще любят считать чужие деньги. А когда в этом присутствует национальный колорит — легко делаются глобальные выводы. Но я больше верю тем, кто знает жизнь не по документам, а сам ее видел и на себе прочувствовал. И поэтому больше доверяю Еве Аржаник.

— Чем занимались евреи?

— Ездили по деревням, продавали мелочь разную: например, иголки-шершатки, стеклили окна в домах, были такие евреи, что шили кожухи и сапоги, бочки делали. Семьи были большие, их надо было кормить, детей на ноги ставить.

Вспоминает Фальба Николай Константинович, 1926 года рождения. Родился он в деревне Церковное, это недалеко от Освеи, но до войны часто приезжал в местечко.

— Евреев очень много жило в Освее. Люди простые, разными делами занимались, но больше было ремесленников и

тех, кто торговал. Одни по деревням ездили, мелочь продавали, у других ларечки свои были. Большого богатства в них не наживешь, но семью прокормишь. Всех приглашали, звали: «Иди в мою краму». Мой отец, когда бывал в Освее, любил заходить к ним, поговорить. Евреи в долг товар давали, говорили: «На повер» и в тетрадочку записывали.

В начале тридцатых годов был организован еврейский колхоз, в который вошли люди, жившие в нескольких поселках, расположенных рядом с Освеей.

Приближение войны чувствовалось, о ней рассказывали польские беженцы, которых в Освее было немало, о ней вполголоса говорили военные — части Красной Армии дислоцировались неподалеку. И все же никто не ожидал, что субботний летний день 21 июня 1941 года станет последним мирным днем — накануне войны, которая изменит мир.

Мы встречались с ветеранами, пожилыми людьми. Они охотно вспоминали о довоенной Освее и замыкались, когда речь заходила о войне. Слишком много горя она принесла в каждый освейский дом.

Вспоминает Полина Петровна Кураж, к началу войны ей было девять лет.

— Мы жили по улице Советской, где сейчас мост. Когда первый раз бомбили Освею, я насчитала 27 немецких самолетов. Кругом нас все разбомбили. Мы остались живы, только моего дедушку убило. Наш дом развалился от бомбежки, и мы скитались, жили в окопах.

Николай Константинович Фальба до войны окончил семь классов и учился в Витебске в фабрично-заводском училище.

— Немного поучились, и началась война. Мы копали окопы вокруг Витебска, а потом директор сказал: «Вот вам документы и топайте домой». В западном направлении поезда не ходили. Пошли в Освею пешком. Приходим, на гору поднялись, смотрим, горит Освея после авианалета.

Так война пришла во все освейские семьи, не разбирая национальности.

Ева Аржаник, вспоминая те дни, сказала:

— Сначала немцы бомбили, а вскорости пришли — буквально через неделю после начала войны. Из Освеи мало кто сумел уйти на восток. Да и не понимали люди, что такое фашизм, какое горе он всем принесет. Никто не рассказывал об этом. Сначала немцы ничего не рушили, а после, как озверели, взялись нас колошматить.

Отец Николая Фальбы ушел в партизаны. А сам Николай оставался в деревне. Подошел к нему староста и говорит: «Убирайся в лес. Немцы уже стали расстреливать евреев и придираются к комсомольцам. Ты ж был комсомольцем?»

— Когда стали расстреливать евреев? — спросил я у Николая Фальбы.

— Части основные немецкие прошли, стал немецкий гарнизон в Освее, и тогда они начали к евреям придираются. Но расстреливали и раньше, чем был основной расстрел. Уводили поодиночке или по несколько человек.

Когда немцы организовали в Освее гетто, выяснить с точностью до дня не удалось. Судя по рассказу Полины Кураж, находилось оно в школе.

— Сигнали евреев в школу. А школа была, где теперь интернат.

— Долго находились они в школе?

— Почти сразу их погнали в парк. Буквально через несколько дней. Ввели на расстрел, и собак на них натравливали, чтобы шли послушно. После расстрела, говорят, яма шевелилась.

— Никто не уцелел?

— Всех расстреляли.

— Немцы сильно зверствовали?

— Издевались, как хотели. Чуть скажут, сын или брат, в партизанах — сразу расстреливали.

И хотя у каждого было своего горя хоть отбавляй, весной 1942 года в Освее только и говорили про казнь евреев. У людей не укладывалось в голове, как можно ни в чем не повинных людей, стариков, детей расстрелять. Об этом говорила Ева Аржаник:

— Евреев самих заставили вырыть яму и расстреляли. Валились они в яму эту, кто мертвый, а кто и раненый.

— Много их было?

— Ой, много. Старых, в основном. Женщин немало было. Стариков, которые не могли идти, на повозку сажали и везли к яме. Как расстреливали, мы не видели, только рассказывали нам. Только об этом говорили.

Со 2 февраля и до конца первой декады марта 1942 года в Освее было убито около 650 евреев.

8 марта наступил финал кровавой трагедии. С утра полицаи стали евреев выгонять из школы, где они пробыли пять дней. Строили в колонны у входа в парк. Ловили и тех, кто оставался в своих домах или прятался в сараях, банях. Затем, под охраной полицаев и немцев с овчарками, увели к заранее подготовленной могиле и расстреляли из автоматов. Во время расстрела часть людей была ранена и зарыта живьем в яму, а детей, в большинстве случаев, ударяли прикладами в голову и закапывали.

Документы сохранили перечень из 181 фамилии людей, расстрелянных в парке. Это фамилии освейских жителей. Здесь же погибли евреи, свезенные в местечко из окрестных деревень.

Романова Валентина Петровна, жительница деревни Бондари, говорила, что евреев Себежа — город в России — вывозили в Освею, расстреливали у силосной ямы, а потом ее укатывала машина.

Еврейский расстрел в старом парке — это часть огромной трагедии, которую перенесла в годы войны освейская земля.

В районе не было ни одной семьи, которая не пострадала бы в годы войны. Многие деревни были сожжены фашистами в 1943 году во время карательной экспедиции.

Вспоминает Николай Фальба: «Мы попали под фашистскую экспедицию 1943 года. Вся семья моя погибла в лесу. Я один остался. После того, как перешел линию фронта, лежал в госпитале. Потом принял присягу, и меня отправили на фронт. Ранило, остался без правой руки. После войны

вернулся домой, работал счетоводом в колхозе, с 1961 года живу в Освее».

Антон Францевич Бубола, с которым мы ходили от одного старожила к другому, подытоживая их воспоминания, сказал: «Во время войны ни один уголок Беларуси не был так испепелен, как Освея. В Освейском районе не осталось ни одного целого помещения, не только жилого дома, все было сожжено».

После войны Освея буквально восстала из пепла. Люди, вернувшиеся из армии, из партизанских отрядов, из концлагерей, строили дома, рожали детей, мечтали о будущем. А иначе невозможно жить.

Вере Людвиговне Вишняковой к концу войны шел всего пятнадцатый год. Но она уже узнала ужасы Салапилского концлагеря, потом была угнана в Германию. Ее освободили американцы, и девочка, ставшая не по годам взрослой, вернулась на родину. После войны работала в колхозе, потом тридцать лет техничкой в школе.

Мы разговаривали с ней о послевоенной Освее, и она стала вспоминать, что жили в городке чудом спасшиеся евреи.

«После войны Соня Маскель работала в магазине продавцом. Добка, фамилии ее не помню, в бане работала кассиром. Потом в клубе одна из евреек билеты продавала. Были еще евреи. Время было такое, никто не спрашивал, кто и как спасся. Да и сами они не очень рассказывали об этом. А потом — кто уехал из Освеи, кто умер».

Сегодня население Освеи составляет 1,3 тысячи человек. К сожалению, оно уменьшается с каждым годом.

Недавно я прочитал в газетах, что в Освее будет построен гостиничный комплекс с привлечением капитала израильских бизнесменов. Может быть, внуки или правнуки освейских евреев решили проложить бизнес-мост между двумя историческими родинами?

КАМНИ ИЗ ФУНДАМЕНТА

— Я, наверное, осталась единственная в Волинцах коренная жительница, — с этих слов Ада Филипповна Шавердук начала разговор со мной. Она стала перечислять, кто из старожилов умер за последние годы, кого забрали к себе дети и теперь они живут в городах, и выходило, что, действительно, одна Анна Филипповна в Волинцах и может рассказать и о довоенных годах (родилась она в 1930 году), и о страшном военном лихолетье.

К Анне Филипповне мы пришли вместе с Надеждой Ананьевной Сосновской — директором музея Ивана Черского, который находится в Волинцах.

Надежда Ананьевна не из местных. Жила в Литве, потом с мужем работали на Крайнем севере, вместе вернулись в прибалтийскую республику. Когда развалился Советский Союз и национальные вопросы обострились, решили перебраться на родину мужа — в Волинцы. Думали, на время: людям, привыкшим жить в городах, не просто перебираться в село. Оказалось — навсегда. Надежда Ананьевна узнала историю этого края, его людей и полюбила эти места. Именно после звонка Надежды Сосновской я и узнал о Волинцах. «Приезжайте к нам, — сказала она. — Для вашей темы будет богатый материал. И мы заинтересованы, чтобы дети, внуки выходцев из Волинцев, вспомнили о нас».

Надежда Ананьевна не раз повторяла, когда мы касались вопросов, на которые не было конкретных ответов: «Спросим у Ады Филипповны».

Ада Шавердук ждала нас. На столе лежало несколько довоенных фотографий. На одной из них запечатлены школьники, потом я узнал — ученики второго класса.

«Из довоенных времен лучше всего я запомнила школу, моих подруг и учителей. Где сейчас автобусная остановка, там было здание, в котором учились ученики трех классов начальной школы. Детей было много в местечке, в две смены учились, не то что сейчас. На горушке рядом с костелом в бывшем монастыре на втором этаже занимались старшекласники, а внизу был подвал. Потом, когда в 1940 году новую школу сдали, на втором этаже сделали Дом престарелых».

Когда знакомишься с недавней историей Волынцев, почему-то вспоминаешь слова классика русской литературы: «Все смешалось в доме...» Причем, смешалось таким странным образом, что это вызывает и улыбку, и сожаление, и как нельзя лучше характеризует эпоху, в которой мы жили.

До середины тридцатых годов в Волынцах действовала еврейская школа. Ее хорошо помнит Роза Иосифовна Свердлова. Последние годы жизни она провела в Витебске, но родилась в 1924 году и до старости жила в Волынцах. Я встретился с ней накануне поездки в Верхнедвинский район. Роза Иосифовна — серьезно болела, из дома давно не выходила, но память у нее оставалась хорошая. Она рассказала о своей непростой жизни.

«Учиться я начала в еврейской школе-четырёхлетке. Потом перешла в белорусскую школу в пятый класс. Еврейскую школу к этому времени закрыли. У нас было две учительницы. Имя и отчество одной — Фаня Марковна». (Уже в Волынцах я выяснил, что ее фамилия Рывкинд — А.Ш.)

...В Волынцах в те годы почти все дома были деревянные, кирпичных — немного. Один из них принадлежал богатому еврею по фамилии Исурин. В середине тридцатых годов его репрессировали, а дом забрали. В нем сделали еврейскую школу. Дом — одно из немногих довоенных строений, доживших до наших дней, — в начале 1990-х годов реконструировали и открыли в нем православную церковь.

«Я окончила десять классов в 1941 году, — рассказывала Роза Иосифовна. — Был выпускной вечер. Наш выпуск — первый полной школы-десятилетки и последний — предвоен-

ный. Гуляли, радовались, мечтали. Вернулись домой под утро 22 июня. А через несколько часов по радио выступил Нарком иностранных дел Молотов и сказал, что началась война».

Здание школы-десятилетки, которую окончила Свердлова, сложили из кирпичей разобранной православной церкви. Церковь была большая, красивая, девять золоченых маковок. Ее освятили в 1893 году.

А плиты, которые лежат на ступенях крыльца и в вестибюле школы, взяли из костела. С костелом расправились в те же атеистические годы. Он был старше православной церкви, костел освятили в 1756 году, и поэтому решили, что кирпичи из православной церкви будут более качественными. Вот так заботились в те годы о народном образовании! А по костельным плитам — пускай дети ходят за знаниями, все же плиты не простые — их привезли для украшения костела из Риги в 1764 году (костел уже действовал). Так на деле сбывались слова пролетарского гимна о том, что старый мир надо разрушить до основания, а затем...

Во время войны в школе на втором этаже немцы сделали госпиталь для солдат, раненных на фронте.

Сегодня старая школа, находящаяся в одном дворе с новой, большой, благоустроенной, — пустует. Двери забиты, окна заколочены. На стене между первым и вторым этажом висят два плаката, нарисованные на жести. Сделаны они, скорее всего, в пятидесятые — шестидесятые годы. На одном из них мужчина и женщина с красивыми лицами держат в руках главную книгу страны, а внизу крупными буквами написано: «Конституция — основной закон СССР!», на другом плакате написаны слова «Советской Армии — Слава! Слава на все времена». От дождей и снега металлические плакаты покрылись ржавчиной, изображения и слова читаются не внятно. И все же, если когда-нибудь в этом здании будет музей, надеюсь, плакаты останутся на своих местах. Это тоже красноречивое свидетельство эпохи.

Экспозиция Музея Черского находится в полуподвальном помещении, которое принадлежит средней школе.

«Музей государственный. Был основан в 1992 году энтузиастами этого дела, — рассказывает Надежда Ананьевна Сосновская. — Они нашли поддержку в Фонде Сороса. На грант фонда была создана временная экспозиция, начат ремонт соседнего здания. Мы планировали туда переехать, сделать постоянную экспозицию. Экспонатов у нас много, и прибавляются они с каждым годом, а места — мало. Потом Белорусское отделение Фонда Сороса приказало долго жить...

Наш музей делится на две части. Одна — посвящена жизни и деятельности геолога и географа Ивана Доминиковича Черского. На географической карте нанесено большое количество названий, связанных с его именем: горная система Черского, пик Черского, хребет Черского, вулкан Черского и т.д.

Вторая половина экспозиции — история Волынцев».

Я хожу по музейному залу, рассматриваю экспонаты, Надежда Ананьевна продолжает рассказ:

«История местечка уникальна. Во времена Ливонской войны 1579 — 1582 годов польский полководец и король Стефан Баторий со своими войсками завоевал эти места и отдал их иезуитам. Тогда деревня, находившаяся на месте Волынцев, именовалась Акацевщина, имела небольшое количество дворов...»

Мы подходим к репродукции картины Наполеона Орды, известного белорусского художника, композитора, общественного деятеля, жившего в XIX веке. Вспоминают о Наполеоне Орде не часто, хотя это была знаковая личность в белорусской истории, культуре.

«На картине Волынцы в 1864 году. Доминиканский монастырь, гимназия, в которой позже был создан коллегийум, и сам костел. Этот комплекс зданий доминировал в местечке. Далее — православная церковь Успения Божьей Матери, до 1838 года это была униатская церковь. И еврейский молитвенный дом. Здесь же много деревянных домов, в которых живут люди, по всей видимости, еврейских домов, — поясняет Надежда Сосновская. — В середине XIX века все население местечка составляло 1200 жителей, из них — 800 евреев».

Кстати, о еврейском молитвенном доме. Утверждали, что в Волинцах не было синагоги, а был только молитвенный дом. (Молитвенный дом — это помещение, в котором собирается миньян, то есть не менее десяти мужчин, чтобы молиться. В синагоге есть раввин, при ней создаются школа, благотворительные общества, погребальное братство и т.д.)

По данным Полоцкого зонального архива, синагога в местечке Волинцы была открыта ровно через год после посещения этих мест художником Наполеоном Ордой, то есть в 1865 году. По данным «Российской еврейской энциклопедии», в конце XIX века в Волинцах действовали две синагоги, раввином был Элья-Шая Хейфец. Все евреи местечка были хасидами.

Рассказала мне о синагоге и Роза Иосифовна Свердлова. Ее воспоминания относятся к концу 20-х годов XX века.

«В Волинцах действовала синагога. Я, когда была маленькой, ходила с мамой в синагогу. Это было деревянное двухэтажное здание. Сверху на балконе молились женщины. Почему-то я запомнила их плачущими. А внизу — мужчины в талесах молились, раскачиваясь из стороны в сторону. Я запомнила, как они танцевали. Наверное, мои воспоминания относятся к каким-то праздникам. (Скорее всего, это был праздник Симхат-Тора — А.Ш.) Был в Волинцах раввин, но, когда он исчез и при каких обстоятельствах, не помню. Разговоры у нас в семье об этом не велись. Был резник. Перед праздником все ходили к нему, он бил скот и птицу.

Мой отец Иосиф Хаймович Свердлов был религиозным человеком. Каждый день молился в синагоге».

Когда я слушал рассказы о местечке Волинцы, ощущал себя на качелях времени. Евреи живут в этих местах не менее трехсот пятидесяти — четырехсот лет.

Недалеко от Волинцев по дороге на Княжицы находилась корчма. Как обычно, она делилась на две части. Первая — «стайня», куда заезжали лошади. Вторая — где кушали и отдыхали люди. Там же жили и хозяева корчмы. (Я много езжу по Белару-

си и вижу, сегодня не хватает придорожных гостиниц, ресторанчиков, а ведь это и есть та же корчма, только нового времени.)

Об этой корчме и о корчмаре-еврее подробно рассказывается в экспозиции Музея Черского. Находки свидетельствуют о многом. Сломанные штопоры говорят не только о качестве винных пробок и слабом металле, из которого делали штопоры, но и о том, что выпить останавливавшиеся здесь люди любили. Кафель, которым обкладывали печи, стоил недешево. Позволить себе такую роскошь бедняк не мог. Понятное дело — корчмарь бедняком не был. Здесь находят много битого старинного кафеля с низким и высоким рельефом. В корчме были две печи. И, наконец, монеты, которые интересуют и нумизматов, и историков. Самые старые, польские, относятся к 1666 году. Значит, корчма стояла, как минимум, с конца XVII — начала XVIII века. А рядом с ними мирно соседствуют русские монеты, выпущенные в XVIII и в XIX веках.

Про последнего корчмаря известно, что у него были две дочери и что погиб он в 1918 году. Его нашли убитым во рву. Кто причастен к этому делу, так и осталось тайной.

Вероятно, именно здесь, в Волинцах в стародавние времена родилась еврейская народная сказка «Лантух в шинке». (Лантух — жаргонное слово — уволень, пентюх, в данном случае, скорее, неповоротливое приведение).

«Недалеко от местечка Волинцы Витебской губернии жил корчмарь по имени Авром-Шмуэль со своей старухой женой. Детей у них не было, так что все их заботы были о корчме. Там все содержалось в образцовом порядке. Большой питейный зал всегда чисто прибран, даже маленькая кладовка, что рядом с залом, и та блистала чистотой. Эту кладовку и облюбовал лантух. Лица его никто не видел, но роста он был высокого. Ровно в полночь он выходил из темной кладовки и прямо при людях начинал безобразничать: опрокидывал помойное ведро, сбрасывал тарелки с полок, бил стаканы — словом, наносил всякий вред и убыток. А когда хозяева заходили в кладовку днем, она была пуста, хотя другого входа в нее, кроме как через питейный зал, не было.

А у Авром-Шмуэля был приятель мясник. Звали его Залман, здоровяк лет сорока, парень не робкого десятка. Услыхал он про лантуха, но не поверил, сказал, что это чьи-то фокусы и он, мол, не успокоится, пока не раскроет все до конца. Остался он в корчме ночевать. Постелили ему в большом зале, укрыли тулупом. Погасил он лампу и лег. Не успел заснуть, как услышал чьи-то тяжелые шаги. Кто-то что-то с шумом разбрасывал по залу. У мясника прямо мороз по коже. Тут кто-то в темноте подошел к его постели, сорвал с него тулуп и бросил на пол. Мясник мигом вскочил и стал звать корчмаря:

— Авром-Шмуэль! Дайте огня, тащите палки, посмотрим, что тут творится.

Прибежал корчмарь с зажженной лампой. Мясник увидел какую-то длинную человеческую фигуру, удаляющуюся в темную кладовку. Все бросились туда, но в кладовке никого не застали и только на полу увидели следы ног лантуха. Эти следы были похожи на следы лап огромной птицы. На другой день корчмарь продал корчму белорусу, а сам съехал с женой в местечко. С тех пор лантух в корчме не появлялся».

Еврейского кладбища в Волынцах не было. Это странно: во всех местечках в округе были, а здесь — нет. Поэтому хоронить евреев возили в Дриссу (нынешний Верхнедвинск). Неблизкий путь.

Работники Музея Черского собирают воспоминания старожилов. В папке (теперь компьютерной) хранятся воспоминания Алины Михайловны Рыжицкой о еврейских похоронах:

«Покойника клали на пол и накрывали. Затем его омывали и пеленали всего. Клали на доски и везли на лошадях на еврейское кладбище в Дриссу. Те, кто провожал покойника, доходили только до реки, потом спускались к воде, мыли руки и возвращались, а воз с покойником ехал дальше. Хоронили покойников сидя, досками обставляли и закапывали. Никаких поминок евреи не справляли».

Волынцы с первой половины XIX века, благодаря коллегии и первому в здешних местах театру, были известны как

культурный, просветительский центр. Известно местечко и как торговый, деловой центр. В Волинцах проходили крупные ярмарки (кирмаши, как по-белорусски их называли местные жители) и базары. Кирмаши проходили два раза в год. На Коляды — зимой, возле деревянной церкви, и летом, на День святого Доминика. Каждые выходные в Волинцах были большие базары. Съезжались крестьяне из окрестных деревень, покупатели из многих местечек.

Большая еврейская община в Волинцах, как считает директор музея Надежда Сосновская, возникла, в первую очередь, благодаря ярмаркам. На мой взгляд, более реальным выглядит другой вариант. Евреи Волинцев, так же, как евреи многих местечек, занимавшиеся в основном ремеслом и торговлей, стали проводить ярмарки, чтобы иметь возможность сбывать товар без длительных и рискованных поездок.

Евреи ловили рыбу в реке Дрисса и продавали ее, торговали селедкой. Держали корчму и торговали вином. Торговали мануфактурой, которую привозили из Полоцка, Двинска и даже Риги, а позднее — получали по железной дороге. Немало было коробейников, которые торговали вразнос, обходили или объезжали на своих лошаденках окрестные деревни. Евреи были связующим звеном между городом и деревней. Между прочим, не было проблем со сбытом. Евреи занимались извозом, этих людей называли балагулами. Были кузнецы, портные, скорняки... Аптекарь был евреем.

Ада Филипповна Шавердук помнит довоенные ярмарки и базары. Были они уже не такие многолюдные и шумные, как прежде, советская власть по-своему «разобралась» с деловыми и мастеровыми людьми. Но традиции сохранялись. В базарный день собиралась уйма народа.

«Мы с мамой обязательно ходили на ярмарку и на базар. Если теряли одна другую, найти было тяжело. Шли домой и там встречались. Торги устраивались там, где теперь сельсовет. Все кругом было заставлено подводами, а вокруг площади стояли магазины и лавки, которые до середины двадцатых годов были частными. Там работали те же люди — в основном

евреи, но принадлежало все уже государству. Много военных с семьями приезжали на базары. У нас была приграничная территория, стояло много застав и частей. Военных, их жен, сразу можно было отличить и поговору, и по одежде.

Мужчины любили в базарный день побеседовать и, конечно, выпить. Раньше вино продавали в розлив бокалами. Были любители, которые выпивали сверх нормы. Но тогда мужчины все же употребляли гораздо меньше, чем теперь, а про женщин и говорить нечего».

«На базары людей собиралось столько, что нельзя было пройти под горку, — уточняет в воспоминаниях, хранящихся в Музее Черского, Владимир Илларионович Ушаков. Он родился в деревне Овласково, недалеко от Волынцев, в 1924 году. — У евреев ларьки были, а наши продавали прямо с возов, или временную лавочку кто-то поставит. Еврей Ялов торговал вином, его магазин стоял там, где сейчас магазин «Юбилейный».

«Торговать и продавать евреи были большие мастера, — это из воспоминаний Владимира Парфеновича Канавальчука, родившегося в Волынцах в 1929 г. — И не хочешь чего-то купить, а зайдешь к еврею в магазин, обязательно он тебе продаст. Хлеб пекли евреи, баранки делали, а когда-то баранки были самым лучшим лакомством. Бывало, смотришь на них, хочешь купить, а денег нет. А еврей тебе их сует и говорит: «Ты потом маме скажешь, чтобы она деньги за баранки вернула». Ну, несешь их домой, а дома ругаются: «На черта ты их брал, денег и так нет». На хлебопекарне тоже работали евреи. Мололи и месили тесто наши, а выпекали хлеб они».

Ада Филипповна Шавердук, вспоминая довоенные годы, тоже рассказывала о местной хлебопекарне. «Мастера там работали настоящие. Выпекали большущие булки, килограмма по два каждая. Сейчас такие не найдешь. Хлеб в разрез продавался по полбуханки, по четверть...»

Мы шли с Надеждой Сосновской по улице Выдрянской. Названия местечковых улиц обычно указывают направление, в котором они ведут. Выдрянская — значит, в сторону деревни Выдрино. Это уже при Советской власти появи-

лись улицы Ленинская, Коммунистическая и другие, которые непонятно куда вели.

Следом за бывшей еврейской школой, а ныне — православной церковью, еще один старый дом из красного кирпича. Окна заколочены, комнаты пустуют, и только на лавочке сидит старик и думает одному ему понятную думу. Беспокоить его мы не стали.

«Здесь жил еврей, — поясняет Надежда Ананьевна, — торговал льном. Позднее, пока не построили новую школу, были школьные мастерские. Видите, у дома разрушены углы, — обращает мое внимание Сосновская. Действительно, из фундамента вывалились или кто-то вынул большие тесаные камни. — Сами они бы не вывалились, дома делали надежные, — говорит Надежда Сосновская. — Есть поверье, что евреи, когда строили дома, клали в фундамент по углам золотые монеты, конечно, у кого они были, — чтобы дом стоял долго и в нем водились деньги. Было так на самом деле или нет, никто сегодня точно не скажет. Во всяком случае, я не слышала, чтобы кто-то находил золотые монеты, хотя, как видите, их искали.

Во дворе — погреб (ледник), сложенный из больших камней. Здесь хранили продукты. Строили надежно — на века, думали, детям останется, внукам».

Мы подошли к тому месту, где проходили ярмарки. Песок под ногами да выгоревшая на солнце трава. Ничего уже не напоминает о прежней жизни этих мест.

Из услышанных мною рассказов рождался не только образ местечка. Я узнавал о людях — теперь уже небожителях — порой странных и непонятных, знакомился с обычаями, нравами, традициями. Здесь все переплелось. Деление на «наши» и «не наши», имея в виду христиан и евреев, чаще употребляли жители окрестных деревень, а местные под словом «наши» имели в виду — местечковых.

«Местечко большое. Было, где работать. Молодежь, конечно, разъезжалась по городам, но не так, как в послевоенные годы, — рассказывала Ада Филипповна Шавердук. — За речкой был приличный маслозавод. Делали сыры, масло — вози-

ли на машинах в Витебск. Там же, за речкой, была скотобойня. Работали швейная, сапожная, бондарная артели, кузница стояла. Была больница, роддом, аптека, почта».

Рассказывая о довоенном клубе, Ада Филипповна стала улыбаться и назвала его «шикарным». Наверное, у нее остались приятные воспоминания. «К нам военные приезжали в клуб из Боровухи. Ставили фильмы. Помню, первый фильм назывался "Девушка с характером". Его показывали ночью, на стенке».

«Мой отец работал в магазине вместе с еврейкой Броней, — сказала Шавердук. — А мама — в «Центрспирте». Была такая организация, державшая лабораторию по проверке алкогольных напитков в Вольнцах». Мама умерла, когда Аде Филипповне было всего восемь лет.

У каждого свои воспоминания о довоенном времени. Владимир Илларионович Ушаков рассказывал, что «в католическом монастыре — МТС ремонтировала свои тракторы, а костел стоял закрытый. Захоронения шляхты перенесли из костела и закопали останки на польском кладбище. Там было много захоронений Сволынских, Бениславских».

Роза Иосифовна Свердлова вспоминала довоенные годы и слезы текли по ее щекам. Для кого-то — это история, а для нее — молодость, время надежд и фантазий.

«Папа работал в швейной мастерской. Я иногда приходила к нему на работу. Он был грамотным человеком: знал иврит, по-русски говорил почти без акцента, умел читать и писать. Дома, конечно, говорили на идише. В предвоенные годы все местечко: и евреи, и белорусы, и русские, и поляки, говорили или понимали еврейский язык. У нас дома отмечали еврейские праздники Песах и Пурим. Отец это делал по всем правилам. В Йом-Кипур (Судный день) наша семья постилась».

Перед Песахом в местечке были подряды, то есть собиралось несколько семей и вместе выпекали мацу. Мы это обычно делали в доме у Юдиных. Я там бывала, помогала. Русская женщина, звали ее Валентина, обычно замешивала тесто. Перед войной с выпечкой мацы возникли трудности, очень сильной была антирелигиозная пропаганда. Я заканчивала школу,

была комсомолкой. Старший брат Михаил, 1923 года рождения, закончил педагогический техникум, жил в Москве, был комсомольцем или даже членом партии. Родители не хотели, чтобы у нас были неприятности, и перестали выпекать мацу. Но старший брат решил сделать родителям приятное и привез мацу из Москвы. Отношения друг к другу в семье были хорошие, заботливые. Это характерно для многих местечковых семей — люди заботились, поддерживали друг друга.

Мама — Ида Рафаиловна, девичья фамилия Тувинская, была домохозяйкой. Малограмотная женщина, нигде не училась, но от природы была мудрым человеком. У нас было четверо детей: три брата и я. С нами жила еще и бабушка, мамина мама. Жили не богато, домик был маленький, но всем хватало места. У нас был небольшой огородик, корова, куры.

Перед войной в Волынцах в швейной мастерской работали евреи из Германии. Как они оказались в местечке, точно сказать не могу. Но я их сама видела, и папа мне о них рассказывал. Думаю, что с приходом Гитлера к власти они сумели перебраться в Польшу, а после 17 сентября 1939 года — к нам в местечко. До польской границы от нас было рукой подать».

У Иосифа Хаймовича Свердлова в Дисне — это до 1939 года территория Польши — жил родной брат Идл. Они не делились с 1920 года. Когда к Советскому Союзу присоединили земли Западной Белоруссии, братья захотели встретиться. Чтобы помочь им, школьная самодеятельность Волынцев поехала выступать с концертом в Дисну. Дело было в начале зимы. Мороз стоял крепкий. Участники самодеятельности ехали на четырех подводах. На берегу реки их встречали дисняне. Тут же разобрали всех артистов по домам.

«В Волынцах была хорошая самодеятельность, — вспоминает Роза Иосифовна. — Работал клуб, он находился в просторном деревянном доме. Мы собирались по вечерам, устраивали танцы, репетировали постановки. Спектакли ставили на русском языке».

Люди жили надеждой на будущее, влюблялись, женились, рожали детей. Об одной из еврейских свадеб рассказала Алина

Михайловна Рыжицкая: «Моя мама была на еврейской свадьбе и рассказывала, что свадьба у них интересная. Маму пригласили помочь приготовить к столу, что-нибудь подать. Она рассказывала мне потом: собирается в доме много людей, женщины с раннего утра что-то делают: кто-то убирает в доме, кто-то печь топят — причем так, что она красная становится. А потом берут коровью печенку и на длинных вилах — в печь, спекут там, а потом перекручивают. (Так кошеровали печень. В жарко натопленной печи быстро удалялась вся кровь из печени, а готовить мясо, печенку, в которой бы оставалась кровь, противоречит законам кошрута. Рубленая печенка — это блюдо еврейской кухни. — А.Ш.). Рыба у них на свадьбе должна быть обязательно. А когда ставят еду на столы, то всего кладут по кусочку.

Сначала в одной комнате собираются мужчины, в другой — женщины. Одни поучают жениха, другие — невесту. Долго говорят что-то по-своему. Потом садятся за столы. Водки много не пьют, больше разговаривают. Могут за всю свадьбу одной бутылкой обойтись. И рюмочки такие маленькие. Обязательно встают, говорят что-то, а потом поднимают чарку».

Лето 1941 года было тревожным. Военные, часто приезжавшие в Волынцы в клуб или на базар, намекали знакомым, что, если начнется «заваруха», лучше уходить на восток. Польские беженцы 1939 года, а они были тоже в Волынцах, со страхом вспоминали об ужасах фашистской оккупации.

И все-таки для большинства людей война началась неожиданно. Они верили советской пропаганде, были убеждены в мощи и несокрушимости Красной Армии.

«Света в Волынцах не было, а радиоточки — большие черные тарелки — были на почте и у некоторых людей, — вспоминает Ада Филипповна. — По радио мы узнали о начале войны. А потом, по-моему, в тот же день, немцы полетели, как черная тьма. Самолеты бомбили каждый день и наводили страх. Отец сказал, что надо уезжать, запряг лошадь, собрал самое необходимое, и мы поехали. Брат был старше меня на шесть лет. Ехали на большак. Хотя железная дорога от нас в трех километрах, но люди говорили, что в теплушки и на

платформы не сесть. Колхозные лошади стояли в конюшне, кто хотел, запрягал — уезжал. На большаке мы были рано утром. Народу много, повозки ехали впритык одна к другой. И тут — немецкие самолеты. Летели низко и строчили из пулеметов. Много людей погибло. Началась паника. Мы потеряли брата, и папа сказал: «Поедем назад». Приехали в Вольты и видим — горит наш дом.

Еврейские семьи, которые были посильнее, поднялись и уехали на восток. Могу перечислить по фамилиям, кто успел уехать. Ялов с семьей, он жил за речкой. Фейгиновы... В том районе, за рекой, остались в оккупации только старые и немощные люди... Из нашего района выехал Иоффе, рядом с церковью жил Гор, дальше Свердловы, напротив их дома — Акодис, дальше наши соседи — Смирини — два брата. Шацманы выехали, они после войны не вернулись сюда, а их дом стоит по сей день.

Аптекарь мог уехать, но остался. Специалист был, не надо к врачу ходить... Он не был женат, жил с двумя сестрами, и они не были замужем... Много евреев осталось под немцами. Я часто ночами не сплю. Лежу и вспоминаю. Один раз посчитала — 38 домов в местечке было еврейских, и представляете: в каждом доме жила семья. И дети были, и не по одному, и даже не по два...»

Когда началась война, к Свердловым приехал старший сын Михаил. Он, по воле случая, отдыхал в это время в санатории недалеко от Вольтцев. Михаил, образованный человек, настоял на том, что надо немедленно уходить на восток.

«Мама запаковала сумки, — рассказывает Роза Иосифовна, — чтобы хоть что-то у нас было с собой на первое время. К нам пришел из Дисны мой двоюродный брат Борис — он был еще мальчишка. И мы пошли, ведя за собой на веревке корову. Дошли пешком до Великих Лук. Нас было семь человек: отец, мать, я, Борис и трое братьев. Младшего брата — он был маленький — какую-то часть пути несли на руках. Из Великих Лук, благодаря Михаилу, сели на платформу товарняка и поехали. Добралась до Багульмы — это Татария.

Михаил там первое время работал учителем. Потом его забрали на фронт. Он воевал, был ранен. После его ухода на фронт я стала работать на его месте — учительницей».

12 июля 1941 года фашистские войска заняли Волынцы. Оккупация продолжалась ровно три года. Освободили Волынцы советские войска 12 июля 1944 года.

В годы войны Волынцы были сильно разрушены. Здесь в 1941 году стояла артиллерийская батарея, которая обстреливала переправу через реку, налетели немецкие бомбардировщики, бомбили местечко, сожгли много домов.

«После того, как немцы заняли местечко, — вспоминает Ада Филипповна, — они вскоре принялись за евреев. Заставили всех пришить на одежду на спине белую шестиконечную звезду. Потом согнали всех в одно место — за реку Дриссу, там было несколько маленьких улочек, до войны в основном евреи жили. Обгородили это место колючей проволокой. Немцы и полицаи охраняли гетто, никуда евреев не выпускали, только на работу гоняли в Прудинки. Евреи дрова резали, дороги чистили, делали другие работы.

Кушать им было совсем нечего. Кто-то из соседей, конечно, помогал. Принесет картошину, свеклу. Но, считайте, полгода люди были заключены в гетто, осенние запасы, если у кого и были, закончились. Люди голодали, болели».

Были среди евреев и те, кто пытался выжить любой ценой. Про одного из них мне рассказала Свердлова. Его фамилия Иоффе. Он старался прислуживать немцам. Думал откупиться. Но его расстреляли фашисты вместе с остальными.

Это произошло 22 февраля 1942 года.

«Даже из казни евреев немцы устроили показуху, — сказала Ада Филипповна. — Провели ее в базарный день, в последнее воскресенье февраля, когда приехало много крестьян из окрестных деревень. Они все это видели, слышали выстрелы. До этого немцы и полицаи заставили евреев самих выкопать себе длинную траншею. Мы, ребяташки, бегали в конец сада, где поворот на кладбище. Оттуда все

было видно, как на ладони. Это теперь заросло кустарником, а раньше весь большак просматривался.

Они выстроили евреев и строчили из автоматов. Крик стоял страшный. У меня и теперь, как вспомню, дрожь идет по телу. Людей на такую гибель привести. Говорят, кто убитый, а кто и раненый, в эту яму падал. После расстрела ходил по Волянцам староста, собирал людей закапывать траншеею. Они рассказывали потом — дышала траншея. Ужас какой!»

Шавердук провела ладонью по старой довоенной фотографии, как будто хотела ее разглядеть: «Вот я, а вот моя подруга рядом стоит — Соня Гуревич. Перед расстрелом она спряталась под печь, и ее не увидели полицаи. Если бы старше была, сидела бы тихо, ждала, когда все успокоится. А так, ребенок — вылезла и побежала к маслозаводу. От страха побежала искать родителей, хотела узнать, что с ними. Полицаи ее заметили, догнали и привели в управу. Сидят там двое немцев и староста. Немцы спрашивают: «Кто это?» Староста сделал вид, что не знает. А на беду, там Римка была, жила в Волянцах фашистка такая. Она говорит: «Что, ты не знаешь? Это же жидовка». Соню повели к траншее и пули тратить на нее не стали — кинжалом зарезали там».

Редко кому из евреев удалось спастись в тот день.

После разговора с Шавердук я с Надеждой Сосновской отправился к мосту через реку Дриссу увидеть своими глазами и то место, где было гетто и откуда местные ребятишки смотрели на казнь, и ту страшную траншею, в которую падали ни в чем не повинные люди.

Если бы не Надежда Ананьевна, я бы не нашел место расстрела. С асфальтированной дороги видна только зеленая стена кукурузы и островок высоких деревьев, метров в пятидесяти. Среди этих деревьев и находится братская могила. Отмечена она двумя ограждениями и черной пятиконечной звездой на длинном металлическом шесте. Такую черную звезду я видел впервые. Наверное, выкрасили в такой цвет случайно. Краска от времени потрескалась, по лучам звезды прошли бороздки, и это стало усиливать эмоциональное восприятие. Думаю, к нашему приезду заботами Надежды Сосновской сельсовет решил ого-

родить этот островок памяти. Вокруг лежали недавно отесанные сосновые столбики. Стало понятным, как среди кукурузного поля появилась тропинка, ведущая к братской могиле.

К 70-летию расстрела узников гетто в Волынцах собираются поставить памятник на братской могиле. Одним из инициаторов этого стала директор Музея Черского Надежда Ананьевна Сосновская. Сельсоветом подписано обращение в Фонд Лазарусов, который помогает устанавливать памятники на местах массовых расстрелов евреев в годы Холокоста. Объявлен сбор пожертвований на памятник.

В Волынцы приезжают дети и внуки тех, кто уцелел в годы войны. Так в Музее оказался фотоархив Фаины Иоффе. На фотографиях вся жизнь Фаины Соломоновны, родившейся в Волынцах в 1920 году. ...Школьные годы, друзья и подруги по пионерской организации. Фотография директора школы Герасима Клементенко и подпись «Лучшей ученице 7-го класса Фаине Иоффе. 1935 год». ...Берег озера был любимым местом отдыха местечковой молодежи. Здесь сделан снимок летом 1940 года. Счастливые лица, не знающие, что их ждет впереди. ...Военные фотографии 1943 года. Фаина Соломоновна на Ленинградском фронте, медсестра в госпитале в блокадном Ленинграде. ...Первые послевоенные годы. Сестер Фаину Иоффе и Анну Хандогину вместе с мамой Софьей Берковной сфотографировал известный фотограф Николай Иванович Хандогин. Он не только их земляк, но и муж Анны Соломоновны.

И еще одна фотография Николая Хандогина — место расстрела евреев Волынцев. Опушка леса, чернильными крестиками обведено место братской могилы. Надпись на фотографии: «Здесь похоронены родные». И дата, когда сделан снимок: 10 декабря 1944 года.

Николай Хандогин (1909 — 1989) известен, как фотолетописец блокадного Ленинграда. Он снимал ленинградцев в самые страшные дни на улицах городах, воинов-красноармейцев, которые обороняли Ленинград, колонны машин, которые везли про-

довольствие по «Дороге жизни», был в первых рядах тех, кто шел на прорыв блокадного кольца. В книге «Война... блокада. Победа» опубликовано более 100 снимков Николая Ивановича Хандогина.

Знаменитого фотографа похоронили на родине — в деревне Волынцы. На его могиле стоит памятник.

Фаня Марковна Рывкинд до войны работала в Волынцах учительницей в школе. Жила с братом и старой мамой. Фаня и ее брат во время оккупации несколько раз приходили к бургомистру Малею с подарками. Уже партизаны появились в лесах. Рывкинды надеялись как-то оттянуть время, узнать, где дислоцируются партизаны и уйти к ним. Брату это удалось, а потом и Фаню Марковну он забрал к себе. А мать их погибла в гетто. Фаня Марковна после войны жила в Ленинграде.

Роза Иосифовна Свердлова после перезда в Витебск была внештатным корреспондентом областной газеты «Народное слово». Эти строки из ее заметки «Была у меня подруга».

«В Волынцах есть братская могила "Жертвам фашизма февраля 1942 года". А рядом захоронение мирного времени, где покоятся супруги Шенкман — подруга моего детства Рива и ее муж Михаил, участники Великой Отечественной войны, люди удивительной судьбы.

Рива Цирклина росла в большой бедной семье. Ее отец и мой до войны работали в швейной артели и дружили. А мать Ривы рано умерла, оставив пятерых детей...»

В местечке всегда были известны подробности из личной жизни каждой семьи. А иначе, что же это за местечко, если оно не обсуждало и не выносило общественный приговор каждому поступку. Кстати, в Волынцах до сего времени сохранился дом, в котором до войны жила семья Цирклиных. После смерти жены Захар Израйлевич Цирклин не стал жениться вторично, а взял в дом женщину намного старше его: одинокую и бедную. Она хлопотала по хозяйству, помогала держать корову. Вот так и вырастил пятерых детей. Местечко поступок Цирклина одобрило, здесь все подчеркивали, что живут ради детей. И так было из поколения в поколение.

Узники гетто понимали, что изо дня в день их ждет самое худшее. Ходили слухи, что в соседних местечках гитлеровцы уже учинили кровавые расправы над евреями. А когда выкопали глубокую яму в сосоннике, сомнений не осталось. Да и полицаи, издеваясь над евреями, говорили, что пришел их последний день.

По совету отца Рива Цирклина с братом Лёней решила бежать. Ей было 16 лет, Лёне — 12. Отец Цирклин Захар Израйлевич, 1895 г.р., остался с тремя детьми: Яшей, 1927 г.р., Идой и Симой, 1933 г.р.

Конечно, Захар Израйлевич понимал, что грозит ему и оставшимся детям. Но уйти вместе с Ривой и Леней — значит, и себя погубить, и всех пятерых детей. И тогда он сделал страшный выбор. Сказал Риве с Лёней уходить из гетто и получить хоть какой-то шанс на спасение, а сам остался с тремя детьми на верную смерть.

Ада Филипповна рассказала подробности этого побега.

«Рива с братом ушли из дома затемно, перешли железную дорогу и подались в сторону Зеленовщины. На горе стояла деревня. Ее фашисты в 1943 году сожгли дотла. Ребята постучались в первый же дом. Мороз был большой, и далеко бы они не ушли. Их впустили, поняли, в чем дело. Отогрели, накормили, а потом спрятали в погребке. Но долго так продолжаться не могло. В деревне все известно друг про друга. И тогда ребят решили отвезти в другую деревню».

В деревне Ярмолино Верхнедвинского района приняли еврейских детей, хотя у Петровских была своя большая семья: родители и восемь детей. Старшие: Александра (1919 года рождения) и Зинаида (1924 года рождения), а младшие — еще под стол пешком ходили.

Петровские прятали Риву с Лёней несколько месяцев. Днем ребята таились в баньке, в сарае под сеном, а ночью — грелись в хате на печке.

О подвиге Петровских написано в книге «Праведники Народов Мира Беларуси». (Составители И.П. Герасимова, А.А. Шульман, Минск, «Топник», 2004 г.)

«Сначала никто не знал в Ярмолино, что в доме у Петровских скрываются евреи, но вскоре соседи стали подозревать это. Последовали угрозы выдать евреев оккупационным властям.

В апреле 1942 года Петровские, узнав о предстоящем обыске, спрятали Цирклиных на окраине деревни в сарае.

Полиции ворвались в дом Петровских и жестоко избили главу семьи Аркадия Петровского, пытаясь узнать, куда он спрятал евреев. Аркадий ничего не сказал, и обыск не дал никаких результатов. Было решено отправить Цирклиных в более безопасное место: в Россонский район, в места, контролируемые партизанами».

При наступлении советских войск брат и сестра Цирклины влились в действующую армию. Лёня стал сыном полка. Рива окончила краткосрочные курсы медсестер. Перевязывала, выхаживала раненых. На фронте ее наградили медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За Победу над фашистской Германией».

В 1998 году Аркадий Петровский, его жена Мария и дочери Александра и Зинаида были удостоены звания «Праведник Народов Мира». Родители были награждены медалями посмертно, а Александра и Зинаида часто встречались с Ривой, помогали друг другу.

Закончилась война, Риву и Леню Цирклиных демобилизовали. В Волынцах чудом уцелел их дом, и они поселились там. Вскоре Рива вышла замуж за бывшего партизана Михаила Шенкмана, жену и двоих детей которого фашисты расстреляли.

Из книги «Встали мы плечом к плечу... Евреи в партизанском движении Белоруссии. 1941 — 1944 гг.» (составитель И. П. Герасимова, Минск, «Асобны дах», 2005) я выяснил, что Михаил Шенкман воевал в отряде Табачникова. Пришел в партизаны из плена. Вероятно, сумел обмануть немцев по поводу своего происхождения, а затем совершить побег.

Более подробно рассказывает об этом Лобкович Валентина Семеновна — дочь Ривы Захаровны Шенкман (Цирклиной)

«В конце февраля 1942 года недалеко от дороги на д. Забелы была выкопана большая яма. Ночью 26 февраля 1942 года перед расстрелом моей матери и ее младшему брату Леониду

удалось бежать. Они долго скитались по лесу, пока не добрались до д. Ярмолино. Там они попросились на ночлег к семье Петровских...

В этой семье мама и ее брат были до мая месяца, а затем их переправили в партизанский отряд им. Сталина. В отряде они находились до 1944 года. С приходом Красной Армии отряд влился в армию генерала Баграмяна.

Я родилась 8 января 1945 года.

В этом же году мать со мной и братом Леонидом вернулась в Волинцы. Впоследствии мать вышла замуж за Шенкмана Меера Хаскеловича (Михаила Александровича), который вернулся из рядов Красной Армии, имел много боевых наград. Родители Шенкмана М.Х. (Шенкман Хаскел Израйлевич, 1871 г.р., Шенкман Хая Нотановна, 1874 г.р.) были также расстреляны в Волынецком гетто. До 1965 года мама с отчимом проживали в Волынцах, а затем переехали в г. Полоцк.

Лёню забрал в Ригу двоюродный брат, помог получить образование.

Шенкман М.Х. оградил место захоронения еврейского гетто, поставив металлическую ограду, а обнесенное цепями — это предположительно место захоронения евреев, которые скрывались, но были пойманы и расстреляны.

Перед смертью в 1985 году Шенкман М.Х. попросил похоронить его в Волынцах, рядом с братской могилой. Мать попросила похоронить ее рядом с мужем. Она умерла в 2000 году».

После войны в местечко вернулось несколько еврейских семей. Одной из них были Свердловы.

Роза Иосифовна рассказывала мне: «В 1944 году, когда наш район освободили, я написала письмо в Белоруссию в областной отдел народного просвещения. И мне дали направление на учительскую работу в родные места. Приехали в Волинцы, наш дом остался цел, но в нем жили другие люди. Моя мама была боевая женщина, она сказала: «Это наш дом. Мы будем здесь жить». Вот так мы вселились в родной дом. У нас практически ничего с собой не было. (Роза Иосифовна заплакала) Соседи встретили нас хорошо:

кто подушку принес, кто — ведро картошки. Постепенно и мы стали обживатьсь».

«Есть мгновения, которые запечатлеваются в душе навсегда, — это строки из заметки Розы Свердловой «Хорошеет малая Родина» в газете «Народное слово». — 9 мая 1945 года мне помнится до мельчайших подробностей. Тогда я жила в Борковичах. (Соседнее местечко с Волынцами — А.Ш.) Работала в школе учителем. Ранним утром нам постучали в дверь и окно: «Победа! Собирайтесь на митинг!» Сельский клуб был полон. Люди обнимались, целовались и плакали. Это были слезы радости, что война закончилась, и одновременно печали, ведь у многих с фронта не вернулись отцы, мужья, сыновья, братья и женихи.

У меня был любимый человек, друг детства. Мы с ним переписывались, строили планы, как хорошо будем жить после войны и какая крепкая у нас будет семья. Но не суждено было этому сбыться: мой суженый не дожил до Победы пятнадцать дней. Пал смертью храбрых на подступах к Берлину.

...Минутой молчания почтили участники митинга светлую память павших. Потом из саперной части, находившейся на тот момент в Борковичах, в клуб прибыл духовой оркестр, и начался праздник».

После войны Роза Иосифовна окончила заочно факультет иностранных языков Минского педагогического института и более тридцати лет преподавала немецкий язык в родной школе в Волынцах.

...Ушел в мир иной муж. Тридцатилетним умер сын, получивший большую дозу облучения во время службы в Советской Армии. Невестка с внуком переехали в Израиль. Роза Свердловая последняя из евреев уехала из местечка.

В 1991 году жительница Волынцев Мария Егоровна Булавская по памяти составила список евреев местечка, расстрелянных в феврале 1942 года. В нем около сорока фамилий, а всего фашистами и их пособниками было уничтожено около восьмидесяти человек. (Страшно, когда о людях пишешь слово «около». Но точных списков нет. И в музее Волынцев надеются, что откликнутся те, кто знает и помнит: сообщат фамилии, имена.)

...Еще про одного человека я хочу рассказать. Жил в Во-лынцах Иосель Волопьянский. Был у него конь, ездил Иосель по окрестным деревням, собирал тряпье, макулатуру, кости. На обмен привозил краску, кисти, ситец, а иногда картузы или боты. И хотя говорили, что заготовители — народ не бедный, семья Волопьянских была, как говорится, голь перекатная. У Иоселя — пятеро детей, жена Эстер-Бася работала в колхозе, русские соседи ее называли Захаровна, да еще старуха-мать жила с ними. Обедали они обычно так: варили котел картош-ки, высыпали ее на стол, только руки подставляли, чтобы не упала на пол. А посередине стола ставили миску с селедочным рассолом. Его Иосель бесплатно сливал с бочек в магазине. Макали картошку в рассол и ели. Если во время обеда кто-то приходил в дом, обычно к детям забегали друзья, их обязательно усаживали за стол. Семья была бедной, но гостеприимной.

Младшая дочка Рива до войны умерла от туберкулеза. Еще одна дочь трагически погибла. А старшая — уже жила в По-лоцке. Когда началась война, Иосель сказал, что немцы прине-сут смерть. Ему вспоминали Первую мировую, говорили, что простым евреям бояться нечего. Иосель никого не слушал, он усадил на подводу семейство, бросил мешок с нехитрым скар-бом и пошел вслед за отступающей армией.

После войны Волопьянский вернулся в Волынцы. Теперь уже с тележкой ходил по деревням, продавал всякую мелочь. Знал про все и про всех. Если у кого-то из деревенских были проблемы, шли советовать к Иоселю. Он любил давать со-веты. А еще любил приходить в гости. Ходили слухи, что у Ио-селя есть золото, оно зашито в поясе, который все время при нем. Ох, уж эти легенды о еврейском золоте! Скольким лю-дям они не дают спокойно спать? Иосель дожил до девяноста лет. Он говорил, что все время находится в дороге и поэтому смерть никогда не сумеет его догнать.

...Мертвого Иоселя нашли комбайнеры на краю хлебного поля. Однажды старик возвращался со своей тележкой из оче-редного похода по деревням, прилег отдохнуть, и смерть до-гнала его.

ПОКА ЖИВЕМ, БУДУТ ПРИЛЕТАТЬ АИСТЫ

Эти места мне хорошо знакомы. Я часто бывал здесь в 70-е годы. Недалеко от Гомеля, в деревне Богородицкое, жили родители жены моего старшего брата — люди удивительно гостеприимные, добрые, искренние. Иногда я помогал им по хозяйству, но чаще ходил на рыбалку, за грибами. У них во дворе, рядом с колодцем, на старом дереве (по-моему, это была груша каких-то огромных размеров) свили гнездо аисты. Каждый год старики ждали, когда прилетят птицы...

Не знаю, о чем Иван Игнатьевич, потерявший в годы войны семерых детей, думал, стоя на крыльце и сворачивая очередную самокрутку, но смотрел он на аистов часто. Когда я подходил к нему, Иван Игнатьевич говорил:

— У нас места чистые, поэтому аисты к нам прилетают. Пока живем, они будут сюда прилетать.

Во второй половине лета, к началу осени, когда аисты учили летать птенцов, ставили их на крыло, мы любили сидеть на скамеечке за домом и наблюдать за птицами.

Я вспомнил об этих событиях почти сорокалетней давности, когда снова приехал в Гомель и в самом центре поселка увидел гнездо аистов. Была середина августа. Птенцы учились летать.

Я вслух повторил слова Ивана Игнатьевича:

— Здесь чистые места...

Гомель — центр сельсовета и хозяйства «Красный партизан». Удивительно красивые пейзажи вокруг. Внизу озеро: местечко находится на гористой местности. Славяне использовали слово «гом» с вероятным значением «возвышенность

над оврагом, низиной». Отсюда название — Гомель. Прошу не путать с областным центром Беларуси.

Первым делом иду к председателю сельсовета Николаю Бабичу. И не только потому, что надо представиться власти и отметить командировки. Николай Тимофеевич — человек, интересующийся краеведением. Его усилиями благоустроен родник. Как многие уверяют, с целебной водой. Под ежедневным контролем Николая Бабича памятники солдатам и партизанам, могилы советских солдат. Он — один из инициаторов установки Памятного знака на месте расстрела фашистами евреев Гомеля.

— Я местный, 1953 года рождения, — рассказал Николай Тимофеевич. — Местную историю знаю не только по книгам. Встречался со старожилами, слушал их рассказы, да и сам много чего видел, слышал.

Мы вышли из кабинета председателя сельсовета и остановились посередине площади. Здесь в былые времена два раза в год проходили ярмарки.

Николай Тимофеевич рассказывал, мы слушали, записывали на видеокамеру, иногда просили что-то уточнить.

— Ярмарки обычно проходили весной на православные праздники и позднее осенью — к празднику Покров.

Приезжали крестьяне не только из ближайших деревень. Много людей собиралось из Сорочина, Заозерья, Пауля, других населенных пунктов, которые расположены в полусотне километров. Один ряд полностью занимали люди из Сорочина. То есть была у нас своя сорочинская ярмарка. Стоял овощной ряд, мясной, молочный, торговали лошадьми, домашними животными, птицей, можно было купить упряжь и скобяные изделия. Всегда на ярмарке было много рыбы. Рыбу из Гомеля круглый год возили в Полоцк, и там ее охотно покупали. Озера здесь богатые, с чистой водой — рыба вкусная.

До войны в местечке работали ремесленники: сапожники, портные, гончары, кузнецы.

Здесь же, на рыночной площади, находились и четыре кирпичные еврейские лавки. Причем, три из них были построены

еще в конце XIX века. Принадлежали они состоятельным людям. Продавали в лавках товары, которые привозили из городов, и то, что закупали в деревнях. Лавки работали круглый год, только на субботу закрывались. Люди с уважением относились и к своим традициям, и к традициям соседей.

В начале XX века местечко принадлежало дворянину Пяротто Александру Фаустиновичу. Из 284 жителей — евреев было 244 и 40 христиан.

В ноябре 1918 года, после освобождения местечка от немецкой оккупации, был образован исполком Гомельского волостного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с местонахождением в местечке Гомель. Волисполком в пределах своей территории являлся высшим исполнительным органом власти и управления.

С мая 1920-го по апрель 1923 года действовал Гомельский волостной революционный комитет. В апреле 1923 года Гомельская волость была упразднена.

Передо мной именной список граждан Гомельского волисполкома, с правом решающего голоса на перевыборах 1920 года. Среди них немало еврейских имен.

Свердлин Иосель, 28 лет, Свердлин Залман, 19 лет, Шульман Гершон-Мендель, 23 года, Шульман Авраам-Мендель, 19 лет, Брейда Меер, Воробейчик Залман, 58 лет, Воробейчик Лейба Залманович, 19 лет, Гольштейн Шмуэль Залманович, 41 год; Литман Мордух Нохимович, 36 лет; Воробейчик Иосель Беркович, 22 года, торговец; Воробейчик Лейба Борисович, 20 лет; Воробейчик Янкель Айзикович, 37 лет; Гуревич Иосель Беркович, 35 лет; Гуревич Мендель Беркович, 31 год; Гуревич Брейна Берковна, 20 лет; Зарецкий Шмуэль Ицкович, 18 лет; Баркан Ицик Айзикович, 35 лет; Лейтман Панес Нохимович, 44 года; Свердлина Ривка Нохимовна, 24 года; Лейтман Михл Нохимович, 38 лет; Свердлин Гирша, 22 года; Зарецкий Завел Гиршевич, 35 лет; Курман Залман, 35 лет; Лейтман Хайка, 25 лет; Аfreyмович Юда Давидович, 49 лет; Песенсон Бенцион Моисеевич, 54 года; Зарецкий Ио-

сель Гиршевич, 53 года; Белинсон Зорех, 29 лет; Заговалов Лейба, 42 года.

(Полоцкий зональный архив, ф. Р-8, опись 2, г. 1, с. 38–58.)

Жили евреи и во многих окрестных деревнях. Например, в деревне Суя — братья Цемаловы: Хаим Евелевич, 1882 г.р., и Залман Евелевич, 1886 г.р.

— Была в Гомеле синагога, — продолжает рассказ Николай Тимофеевич Бабич. — Думаю, ей было очень много лет. Но точно показать место, где она находилась, сейчас уже никто не сможет. По воспоминаниям — там, где сейчас социально-культурный центр. То есть на этой же рыночной площади. Церкви в Гомеле не было, она находилась в километре от местечка. Была еврейская школа, но и она не сохранилась. Располагалась в частном доме, который принадлежал одной семье, какой конкретно — никто не вспомнит.

В двадцатые и особенно в начале тридцатых годов начался отъезд из местечек наиболее энергичных молодых людей, которые хотели учиться в больших городах, уезжали квалифицированные ремесленники, которые с отменой НЭПа потеряли свою работу, была свернута частная торговля, без дела остались арендаторы лесов, озер, садов. Среди покидавших местечки было много евреев, которые испокон веков были ремесленниками, занимались торговлей... Политика государства не была направлена против евреев, но в белорусских местечках коснулась, в первую очередь, евреев.

— Много евреев в тридцатые годы жило в Гомеле? — спрашиваю я у Николая Тимофеевича.

— До Великой Отечественной войны примерно 70 процентов населения составляли евреи — 127 человек. Всего в местечке проживало около 170 человек.

В те годы в Гомеле было всего две улицы. Сейчас это Заречная и Партизанская.

Немецко-фашистские войска заняли местечко через десять дней после начала войны. Уйти на восток от наступающих немецких частей сумели немногие — те, у кого были лошади,

кто в первые же дни войны решился на этот шаг, оставив десятилетиями нажитое добро.

Сегодня о войне в Гомеле напоминают памятники и братские могилы. Ветеранов Великой Отечественной войны в сельсовете можно пересчитать на пальцах одной руки.

На площади памятник партизану, который на постаменте стоит с гаечным ключом. Я раньше не встречал памятников, где у партизан было бы такое «орудие производства». В годы войны здесь действовала бригада имени Ворошилова. Партизаны взрывали рельсы на железной дороге или разбирали их.

— Автомат у партизана за спиной, — поясняет Николай Тимофеевич Бабич.

Чуть дальше, в глубине площади, братская могила павших воинов — защитников Отечества и партизан.

— Здесь была партизанская зона, — рассказывает Николай Бабич, — командовал бригадой Дмитрий Тябут. Здесь же находился и подпольный райком партии. Советская власть была установлена в конце 1942 года. В партизанскую зону входили деревни Гомель, Туржец-1, Туржец-2, Заозерье, Пашки, Горнополье, Горки, Горовые, Богородицкое и Емельяники. Ближайшие фашистские гарнизоны находились в Горянах и Вороничах.

Фашисты и их подручные из местного населения зверствовали, расстреливали, сжигали дома вместе с людьми, находившимися в них. Так произошло с жителями деревни Горнополье Гомельского сельсовета, которых немцы сожгли 28 мая 1944 года.

Начали кровавые расправы над мирными жителями фашисты с еврейского населения. Первые жертвы появились уже в августе 1941 года, через месяц после оккупации.

С Николаем Бабичем едем к памятнику погибшим евреям Гомеля. Песчаная дорога идет мимо электростанции, потом сосновый лес, небольшая возвышенность.

На памятнике написано, что 80 евреев местечка Гомель были расстреляны в январе 1942 года.

— Не в январе, а в октябре — ноябре 1941 года. Здесь захоронены 67 человек, — уточняет Николай Бабич. — В первых чис-

лах июля немцы заняли Гомель, а в августе начались расстрелы еврейского населения. В первых числах августа были собраны 18 крепких еврейских мужчин. Их отправили на ремонт дороги, которая шла из Полоцка на Ушачи. Ни о чем не подозревавшие люди, взяв инструмент, отправились на работу. После того как они отремонтировали дорогу, фашисты завели их на край болота и расстреляли. На этом месте нет никакого памятного знака, и место уже определить нельзя. Прошли годы, здесь проложили дорогу. Было бы справедливо где-то на ее обочине поставить Памятный знак и вспомнить о погибших.

— Где расстреляли 67 евреев? — спрашиваю я.

— На берегу озера. А потом через неделю перевезли сюда и захоронили. Перезахоранивали жители Гомеля и деревни Щаты. По своей инициативе. Решили по-людски похоронить земляков. Часть расстрелянных лежала всю неделю на льду озера Гомель. А здесь были дот и окоп, естественное углубление, в котором можно было хоронить. В 1941 году наступила ранняя зима, земля промерзла, тяжело было копать, и решили похоронить в этих окопах.

Расстрелял евреев полицейский отряд из гарнизона, который стоял в Вороничах. Думаю, никому не удалось спастись. Евреев собрали в один дом в Гомеле. Пробыли они там день, потом их пригнали на берег озера и расстреляли. Недалеко от этого места сегодня находится школа.

В Гомеле всегда помнили о своих безвинно погибших земляках. Люди старшего поколения рассказывали о тех страшных днях своим детям. Но политика советской страны была такой, что провозглашая на словах идеи интернационализма, не спешили к их осуществлению, говоря святые слова «Никто не забыт, ничто не забыто», вспоминали выборочно: то, что было на руку государственной идеологии. О евреях, расстрелянных фашистами и их пособниками, лишний раз не вспоминали.

Пришли другие времена и спустя почти шестьдесят лет после трагических событий 26 июня 2000 года на заседании Гомельского сельского исполнительного комитета был рассмотрен вопрос «Об увековечивании памяти мирных граждан

еврейской национальности, расстрелянных в годы оккупации немецко-фашистскими захватчиками в деревне Гомель».

Историческую справку подготовил и выступил на заседании Бабич Николай Тимофеевич.

На основании опроса местных жителей, проживавших в годы оккупации в деревнях Гомель, Горовые, Далецкие: Бабича Никифора Алексеевича, 1909 г.р., Волковой Тамары Андреевны, 1927 г.р., Есипенок Екатерины Ефимовны, 1927 г.р., Медведского Василия Ивановича, 1927 г.р., Чирвоной Анны Тимофеевны, 1913 г.р., было установлено, что в октябре – ноябре 1941 года расстреляны немецко-фашистскими оккупантами около 70 мирных жителей еврейской национальности в деревне на восточном берегу озера Гомель. По истечении нескольких дней трупы расстрелянных были погребены местными жителями на северной окраине д. Гомель.

Гомельский сельский исполнительный комитет решил: направить запросы в Госархив и Полоцкий городской отдел КГБ о подтверждении данных. Благоустроить территорию вокруг места захоронения. Выделить средства для установки памятника.

(Полоцкий зональный архив, ф. 2037, о. 3, г. 432, стр. 57.)

В 2001 году Гомельский сельский совет совместно с Полоцкой еврейской общиной поставил первый Памятный знак на месте расстрела – камень, с прикрепленной мраморной табличкой.

Время неумолимо. Многие очевидцы трагических событий ушли в мир иной. Мы воспользовались документами Государственной Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков. Приводим строки из заявления Антонины Петровны Шпаковой, жившей в деревне Туржец Гомельского сельского совета Ветринского района.

«...лично видела, как немецкие палачи расстреливали советских граждан в 1941 году. Они взяли из м. Гомель 18 евреев и отвели возле д. Святица, где их там расстреляли. В феврале 1942 года немцы устроили облаву над евреями в м. Гомель и собрали всех евреев в количестве 80 человек. Рас-

стреляли в м. Гомель и зарыли на территории Двор-Гомель. Такое издевательство и зверство над гражданами я еще не видела в своей жизни. За все издевательства и зверства над советскими гражданами немецкие разбойники должны расплатиться. 8 марта 1945 года».

В показаниях свидетельницы есть некоторые неточности. Облава и расстрел были осуществлены в конце октября или начале ноября 1941 года. Расстрелянных было 67 человек. Но, во-первых, показания были даны спустя три с половиной года. В начале ноября 1941 года уже лежал снег, так что в памяти остался зимний месяц...

В Акте Государственной Чрезвычайной комиссии по Ветринскому району, составленному в том же марте 1945 года, есть существенное уточнение: «...среди расстрелянных в основном были женщины, старики и дети».

Фашисты заранее продумывали все детали уничтожения мирных, ни в чем не повинных людей. Сначала были расстреляны 18 мужчин — тех, кто мог оказать сопротивление, а уж потом вооруженные солдаты и полицаи добрались до женщин, стариков и детей.

В том же Акте указаны «основные виновники проведения злодеяний на территории Ветринского района Полоцкой области: военный комендант Гайгер Вили Генрих, уроженец г. Гамбурга; полевой военный комендант Шнепзэн; штабс-фельдфебель — начальник гестапо Ризэ; лейтенант, руководитель жандармерии — Граф; обер-лейтенант — с/хоз. комендант — Фридрих; лейтенант 178 ст. батальона — Кофман; обер-ефрейтор 178 ст. батальона — Капустин.

(Архив Яг-Вашем, ф. М-33, г. 1104, л. 24.)

В 2009 году Полоцкая еврейская община совместно с Гомельским сельским советом поставила новый памятник на месте захоронения евреев. Деньги на него были выделены из Фонда семьи Лазарусов. За памятником присматривают местная школа и Гомельское лесничество. Ежегодно в День Победы, в другие дни, сюда приходят люди, приносят цветы.

О том, что в Гомеле несколько веков жили евреи, сегодня напоминает только старинное еврейское кладбище.

Идем с Николаем Тимофеевичем через поле, кустарник, пробираемся сквозь завалы деревьев. Только местным жителям под силу найти это кладбище. Приезжий, даже зная ориентиры, собьется с пути. Кладбище расположено в очень живописном месте, на полуострове, с трех сторон — озеро Гомель.

Здесь хоронили и торговцев, и ремесленников, и мудрецов, и хитрецов. Последние захоронения были сделаны во второй половине 50-х годов XX века. Сюда привозили усопших из Полоцка, других городов. Старики просили детей, внуков, чтобы их похоронили на родине, рядом с могилами родителей, дедов, прадедов. В 60-е — 70-е годы в поминальные дни сюда приезжало много людей, возлагали к могилам цветы, камушки по еврейскому обычаю, читали молитвы. С середины 80-х годов никто не приезжал. Оборвалась связь поколений.

На кладбище сохранились старые памятники, оно напоминает музей под открытым небом. Может, найдутся внуки, правнуки тех, кто захоронен здесь, захотят приехать, увидеть кладбище. Многие памятники, хоть и обросли мхом, накренились, но в неплохой сохранности — надписи читаются.

— Думаю, что площадь кладбища в пределах полутектара, — говорит Николай Бабич. — И, наверное, здесь двести или даже больше захоронений.

Население деревни Гомель составляет почти 350 человек. После войны евреи здесь не живут. Из достопримечательностей сегодняшнего времени — электростанция, которую впервые построили в 1936 году, потом восстановили в 1952 году.

Люди трудятся в лесничестве, на сельскохозяйственном предприятии. Детей в деревне немного, в школе 52 ученика.

Уезжая из Гомеля и глядя на аистов, я снова вспомнил слова Ивана Игнатьевича:

— Пока будем жить, аисты будут сюда прилетать.

НА ЕВРЕЙСКОЙ УЛИЦЕ

Деревня Вороничи Полоцкого района находится, как и сто лет назад, на перекрестке дорог. Отсюда можно напрямиком попасть в Полоцк, Ушачи, Лепель, Верхнедвинск. Казалось бы, самое место для придорожного кафе, гостиницы или, по старому, — корчмы и постоялого двора. Когда-то, когда Вороничи были многолюдным и шумным местечком, так оно и было. А сегодня все перепуталось в жизни. Вместо корчмы в старом добротном доме из красного кирпича расположился сельсовет. А как же — власть! И потому ей лучшее место. Еще одно кирпичное здание, как раз на перекрестке дорог — там, где когда-то находился магазин, принадлежавший еврею, занято православной церковью. Пока идет строительство новой церкви, по просьбе батюшки, это здание отдали верующим, чтобы было, где молиться. Третий кирпичный дом, когда-то тоже построенный евреем, пустует. После войны в нем была почта, жил участковый милиционер. Сейчас в пустых комнатах гуляет ветер. Окна забиты досками, крыша прохудилась.

Мы остановились на площади перед сельсоветом. Когда-то площадь была рыночной и гудели на ней ярмарки, приезжали покупатели и продавцы из ближних и дальних местечек и деревень, даже из Полоцка и Лепеля. Весело было, особенно в конце ярмарочного дня, когда после торгов, покупок и продаж заходили люди в корчму пропустить по стаканчику и поговорить за жизнь. Беседу вели на русском, белорусском, еврейском, польском, латышском. Все понимали друг друга. Сюда же приезжали цыгане, продавали и покупали лошадей.

Да, видно, отшумела площадь свой век. Ярмарки остались в прошлом. Правда, и сегодня площадь не пустует. Останавливаются машины: легковые и грузовые, водители спешат управиться с работой.

Мы вышли на крыльцо сельского совета, отмеченного, как и положено, флагом страны, вместе с секретарем исполкома Верой Владимировной Стрельченко. Конечно, могли бы записать интервью с ней и за письменным столом в кабинете. Но снимали на видео, нужна была красивая картинка.

— Я здесь родилась и прожила все годы. И родители мои отсюда, и бабушка Акулина Митрофановна — местная. По рассказам бабушки много чего знаю, — сказала Вера Владимировна, и я понял, что мне повезло. Встретил в одном лице и власть и краеведа, и знатока местного населения. — Бабушка рассказывала, что на этой улице, за корчмой, жили одни евреи. Эту улицу в местечке называли Еврейской или Жидовской. Наверное, у одной этой улицы и было свое название. В еврейских домах были лавки, мастерские. Евреи трудолюбивые люди. Все время что-то делали, торговали. Только по субботам отдыхали. Корчма принадлежала, — Вера Владимировна задумалась, потом неуверенно сказала: — Есьманы были, но, может, я ошибаюсь. Местечко было торговым. Люди ценили, что оно стоит на перекрестке дорог, и умело использовали это преимущество.

Вера Владимировна Стрельченко знает многое о родной деревне, но, конечно, далеко не все. Я поднял архивные документы, старые книги, чтобы дополнить ее рассказ.

Место это, удобное для жизни, с хорошей энергетикой, с глубокой старины притягивает к себе людей. На живописном берегу реки Ушачи находится городище III — IV веков.

В начале XVII века на горе, нависающей над Вороничами, стоял замок. В деревне было 37 домов.

В 1811 году поместье принадлежало дворянину Викентию Иосифовичу Лисовскому. Спустя почти сто лет, в 1906 году, — его потомку Альгерду Титовичу Лисовскому, дворянину, катол-

лику. Здесь жило 294 человека. Из них — 168 христиан и 126 евреев. Было два каменных здания, 144 — деревянных. Одна мощенная булыжником улица — 192 сажени. В Вороничах находились почта, училище Министерства народного образования, три хлебных магазина, три казенных винных лавки, паровая мельница, церковь. Жил полицейский урядник.

Советская власть, от столиц и крупных городов, добиралась до местечек и деревень. В политинформационной справке, составленной 25 сентября 1922 года в Вороничской волости, сообщалось: «Настроение крестьян, рабочих и прочего населения по отношению к Советской власти среднее только потому, что они не могут расстаться с мыслью об упадке их материального состояния, порожденного революцией и Гражданской войной, но вопросов, особенно волнующих их, пока не замечается. Восстаний, забастовок и контрреволюционных выступлений среди населения и агитации антисоветского настроения со стороны духовенства не было. Коммунистическая партия почти не работает, так как в волячейке имеется только один член РКП, который является вместе и предволисполкома. В политическом состоянии Вороничская волость является благонадежной».

(Зональный гос. архив в Полоцке, ф. 51, о. 1, г. 40, стр. 130.)

В 1921 году, опасном и голодном, в Вороничской волости был составлен список семей красноармейцев, которые получали пособия от государства. Не ахти какая, но все же — помощь.

Среди них: «...семья Гофмана Шмуэля Пейсоховича, Клионера Израиля, Клиснера Израиля. Паек «Красная звезда» получали Клиснер Бейля — мать красноармейца, безземельная. Клионер Мендель — брат, безземельный. Клионер Ицик — брат, безземельный. Клионер Роха — сестра, безземельная. Вейдо Бейла — жена. Вейдо Иосель — сын. Гофман Пейсах — отец. Гофман Сара — мать. Гофман Давид — брат».

(Зональный гос. архив в Полоцке, ф. Р-87, о. 1, г. 2, стр. 130.)

В чем провинился перед новой властью безземельный брат красноармейца — Мендель Рувимович Клионер, 1904

года рождения, когда 13 января 1930 года его выслали в северный край? Или в те годы не обязательно было быть виноватым в чем-то серьезном? Можно было поссориться с начальством, неодобрительно отозваться о его делах. Реабилитировали Менделя Клионера только в 1989 году.

Из сельсовета вместе с Верой Владимировной Стрельченко мы отправились к Раисе Матвеевне Бегуновой. Шли по главной улице местечка. Сегодня она мало чем отличается от остальных улиц.

— Раиса Матвеевна — одна из старейших жительниц Вороничей, — сказала секретарь исполкома. — Из еврейской семьи, так что вашу тему знает.

Естественно, когда пришли в дом к Раисе Матвеевне, первым делом попросил ее рассказать о семье.

Она села у печки, меня посадила рядом, стала рассказывать:

— У нас был полный интернационализм. Мама — латышка, отец — еврей. Его звали Матвей Дорфман.

— Где познакомились папа с мамой? — спросил я.

— Мама из Латвии. Когда у нее умерли родители, она пошла в услужение к евреям. Потом эта семья переехала в Полоцк, и ее забрали с собой. А уж из Полоцка она перебралась в Вороничи. Здесь они и познакомились.

— Папа вороничский?

— Местный. И он, и его родители. Свадьбу они сыграли в 1923 году. Мой старший брат родился в 1924 году, а я — с 1929 года.

Наш дом до войны находился почти на этом же месте. Так что я всю жизнь прожила на одном и том же месте. Когда провозгласили НЭП, семье отца дали землю в трех километрах от Вороничей. Они построили дом, хозяйственные постройки, возделали огород. Стали жить. Но прошло два или три года, и власть сказала им: «Отдавай все назад. Живешь как кулак». Обложили налогом. Он выплатил. Обложили второй раз. Выплатить уже не смог. Его за это осудили на два года. А мы с мамой и братом вернулись в дедовский дом. Дед Ицик Дорфман был сапожником. У моего отца были брат и сестра, но они еще до революции уехали в

Америку. Помню, однажды прислали нам цветную фотографию. Мой дядя на ней сфотографирован со своими детьми. Отец, когда вернулся домой, пошел работать в колхоз. До войны здесь был хороший колхоз «1 Мая».

— Вы помните довоенное местечко?

— Немного помню. Я училась в школе-семилетке. Она находилась за рекой.

— Много евреев училось в вашем классе?

— Мы тогда не разбирались, кто русский, белорус, еврей. Дети и дети. Но на этой улице жили одни евреи. Домов на ней было не меньше, чем сейчас, а может и больше даже. Деревянные, надежные, на высоком фундаменте, дерево выстоявшееся. Недавно разбирали один старый дом, так бревна бензопила «Дружба» не брала. Люди знали, когда надо заготавливать лес, чтобы строить дома. Все делали обдуманно, а не лишь бы с плеч долой... По рассказам мамы и нашей соседки, что ни дом — то лавка. Там, где сейчас продуктовый магазин, стоял большой красивый дом. Принадлежал фельдшеру Иоффе. Моя мама, когда приехала в Вороничи, служила у него.

Из довоенных лет помню праздники — 1 Мая, Октябрьские. Мы убирали и украшали улицы.

В 1941 году в Вороничах был 171 двор, проживали 534 человека.

Немцы пришли в местечко через полторы недели после начала войны. Их танки без боя въехали в Вороничи и расстреляли солдат-красноармейцев, в спешке отступавших на восток.

— Кто-то из мирных жителей успел уйти на восток? — спрашиваю я.

— По-моему, только один успел уйти — еврей по фамилии Соловей, — вспоминает Раиса Матвеевна. — Он работал в магазине. Когда понял, что дело плохо, сложил в портфель выручку и ушел, оставил здесь семью: жену и двоих детей. И остался живым. Когда евреев фашисты вели на расстрел, сын Соловья, ему было лет пятнадцать, сбежал. Был в легоньком костюмчике. Вышел из толпы, и никто не обратил на

него внимания. Добрался до Ушачей. Старики его спрятали в бане, одели, накормили. Он пошел дальше и перешел линию фронта. Потом соединился с отцом.

Отца Раисы Матвеевны — Мотю Дорфмана фашисты убили в первые дни оккупации. В Вороничах жили две молодые женщины — ветеринарный врач и санитарка. Они были коммунистками. Кто-то их выдал. Немцы приехали арестовать, но женщин предупредили, они успели уйти. Раздосадованные немцы возвращались обратно, увидели на мосту шестерых евреев, которых пригнали ремонтировать настил. Среди них был и Мотя Дорфман. Немцы забрали мужчин, отвезли в лес и расстреляли.

Об этом же сообщил следователям Государственной Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков Константин Сергеевич Климашевский: «Я был очевидцем при массовом расстреле советских граждан в сентябре 1941 года. В местечко Вороничи прибыло три легковых автомашины с немцами, они арестовали шесть мужчин-евреев, посадили их на машину и повезли в лес "Остивки", где всех расстреляли».

— После расстрела отца я с мамой осталась вдвоем, — рассказывает Раиса Матвеевна. — Брат еще до войны поступил в ФЗО и находился за линией фронта. Мама меня не прятала, но ее предупредили, что девочку надо крестить. Меня крестил немецкий поп.

— Как это немецкий? — переспросил я.

— Не знаю, — ответила Раиса Матвеевна. — Не вникала. Главное, к нам не было никаких претензий.

Каждая дивизия вермахта по штату имела двух священников (капелланов) — католического и лютеранского вероисповедания. Один из них и крестил Раису Матвеевну.

К середине сентября 1941 года немцы собрали всех евреев в два дома. Они находились на этой же главной улице. Дома не огораживали, но полицаи их охраняли. Там было гетто.

Оно существовало до 10 января 1942 года. Этот день стал последним для евреев Вороничей.

Из показаний Константина Сергеевича Климашевского: «10 января 1942 года в Вороничи прибыла карательная экспедиция немцев. Они собрали всех евреев. Отдельные пытались бежать, но тут же были или убиты, или тяжело ранены. Над ранеными каратели издевались, били их прикладами, пинками и т.д. После чего всех забранных евреев конвоировали к расположению русских кладбищ (замок), где всех расстреляли. Всего в этот день были расстреляны 60 человек, из них детей до 13 лет — 28 человек».

Об этом дне рассказывает Раиса Матвеевна Бегунова.

— Приехали полицаи из Бобыничей. Собрали евреев и погнали на кладбище. В основном люди пожилого возраста, но и дети были моего возраста. Одна девочка из моего класса. Около кладбища была большая канава. В этой канаве их расстреляли. Некоторые пытались убежать, спрятаться. Одна женщина с сыном ходила по деревням, кто давал им кусок хлеба, кто картошину. Ночевали в стогах, банях, сараях. А потом их выдали и расстреляли.

В феврале 1942 года немцы предприняли еще одну карательную акцию в Вороничах. Они мстили за партизанскую борьбу. Было сожжено 11 дворов. Погибли 74 человека.

Еще 32 жителя Вороничей не вернулись с фронта, 19 погибли в партизанских отрядах.

— Кто-нибудь после войны приезжал на еврейскую могилу? — спрашиваю я.

— Приезжал Вайман, — рассказывает Раиса Матвеевна. — Тут расстреляны его сестры, братья, отец. Он ограду поставил.

На прощание я сфотографировал Раису Матвеевну с внучкой на крыльце ее дома.

— У меня было шестеро детей, — сказала Раиса Матвеевна. — Три сына и три дочери. Два сына погибли. Одна дочка живет со мной, одна — на Камчатке, одна — в Греции.

Пять правнучек и один праправнук. Я 30 лет отработала в магазине завмагом.

От дома Раисы Матвеевны до русского кладбища, где были расстреляны в годы войны евреи, минут пять ходьбы. Мы пришли туда вместе с Верой Владимировной Стрельченко.

Ограда выкрашена в синий цвет, установлен памятник. За захоронением смотрят, кругом убрано, лежат венки. На памятнике надпись: «Здесь с 1941 по 1943 год были зверски убиты немецкими фашистами дети, старики и женщины. Светлая память погибшим».

— Это еврейская могила, — говорит Вера Владимировна. — Когда-то крайнего ряда захоронений на кладбище не было. И еврейская могила стояла обособленно. К ней вела тропинка.

Сегодня братская могила среди других кладбищенских захоронений, и, если бы не объяснения Веры Владимировны, трудно было бы понять, кто погребен здесь.

— Был у нас еврей — председатель колхоза в послевоенные годы Борис Лазаревич (фамилию не помню), — говорит Стрельченко. — Его заботами поставили памятник. Он из Полоцка был, потом в город и вернулся.

Сельский совет ходатайствует об установке нового памятника погибшим евреям-землякам.

— Нам обещали помочь фонды, которые занимаются этим, — говорит Вера Владимировна. — Мы хотели бы поставить памятник у дороги, чтобы он был на виду.

Во многих деревнях в Вороничском сельском совете жили евреи — одна-две семьи. И сегодня старожилы вспоминают о своих довоенных соседях и в Фариново, и в Усомле. Но подробнее хочется рассказать о жителях деревни Заскорки. И не только потому, что расположен этот населенный пункт в красивейшем месте на берегу живописного озера. Кругом чудесные пейзажи, они притягивают к себе. И каждый раз, проезжая по дороге, ведущей из Полоцка в Ушачи, непременно стараешься заглянуть сюда, хоть на часок.

Еще в середине XVIII века здесь стояла часовня, а в 1792 году построили костел Святой Троицы.

В середине XIX века поместье Заскорки пользовалось хорошей репутацией у местной польской знати.

В 80-х годах того самого века на бойком месте поселился Хаим Лин, или, как называли его крестьяне, — Хволька. Молодой еврей с деловой хваткой, и умением находить общий язык и с панами, и с крестьянами, он построил корчму, открыл постоялый двор. И стал жить-поживать, да добро наживать. Правда, беспокойной была его жизнь. Много зависливых глаз было вокруг.

За 15 копеек в день крестьяне возили Хвольке Лину товары из Полоцка, пилили дрова, чистили конюшни.

С начала XX века Заскорки стали местечком. Здесь проживали 72 жителя, из них 52 еврея и 20 христиан. Стояли 44 деревянных дома, работала мельница.

Революции и войны вихрем врывались в Заскорки, но местечко устояло на ногах. В 1923 году здесь жили 74 человека. В том числе и наследник Хаима Лина — Берко Хаимович. В его семье было семь человек, он владел двумя десятинами пашни, одной десятиной сенокоса, одной лошадьё и двумя коровами.

Кроме его семьи в Заскорках жило еще десять еврейских семей: Хотяновы, Трейстеры, Гитлины, Демчуки, Рефальмины, Идельчуки, Каганы, Мелехи.

А перед Великой Отечественной войной и вовсе разрослась деревня. В 1940 году здесь было 98 дворов и проживали 343 жителя.

(Полоцкий зональный архив, ф. Р-87, оп. 1, г. 16.)

Немцы оккупировали Заскорки 12 июля 1941 года. Никто из заскоринских евреев не успел уйти на восток. Никто не сумел спастись от фашистских пуль.

В историю Великой Отечественной войны Заскорки вошли еще и как центр Республики Зуева — «республики староверов». Она была образована на территориях нескольких деревень, населенных преимущественно старообрядцами.

Названа по имени старосты деревни Зуева. Семья Зуева, как и многие его односельчане, перед войной пострадала от репрессий со стороны Советской власти.

После отступления Красной Армии Зуев осенью – зимой 1941 года организовал в деревне самоуправление, были созданы вооруженные отряды.

Оккупанты в обмен на поставки продовольствия и скрывание действий партизан якобы признали автономию территории. Была восстановлена частная собственность, открыты старообрядческие храмы.

При отступлении немецкой армии Зуев с частью своих людей ушел на Запад. Другие остались и начали борьбу против Красной Армии. Немцы снабдили их оружием и продовольствием. Бандитские группы действовали в лесах под Полоцком вплоть до конца 1946 года.

В 1944 году Заскорки были сожжены.

Сегодня Заскорки – тихая деревушка, оживающая только летом, когда приезжают в гости городские дети и внуки.

К концу дня я снова был в Вороничах на той же бывшей рыночной площади. Двое молодых водителей, увидев, что я выхожу из здания сельсовета, спросили, не собираюсь ли купить здесь дом. Они готовы помочь и машинами, и руками.

Наверное, эта тема становится актуальной.

Я ответил, что, может быть, когда-нибудь это произойдет. Но пока я приехал по другому поводу. И назвал тему своей работы.

Молодые водители удивленно переглянулись, а потом спросили у меня, не перепутал ли я чего-то. О каких евреях идет речь? Они ничего такого даже не слышали.

Для них история Вороничей и окрестных деревень – это только последние десятилетия.

НА БЕРЕГУ ПЯТИ ОЗЕР

Даже по сегодняшним меркам, когда властвуют мобильные телефоны и интернет, в Беларуси проложены хорошие дороги, а состоятельные люди строят современные коттеджи в самых глухих уголках, чтобы отдохнуть от шумной цивилизации, — деревня Труды Полоцкого района остается на задворках прогресса. От Трудов до Полоцка почти 60 километров. Можно ехать прямо через лес, сэкономив десяток километров, можно через деревни Краснополье, Альбрехтово (соседний Россонский район). Мы испытали и ту, и другую дорогу. В рабочий день встретили максимум пять машин, которые шли нам навстречу или которые мы обогнали. Удивились, когда увидели на дороге представителя госавтоинспекции, стоявшего рядом с милицейской машиной.

В Труды приходит один рейсовый автобус из Полоцка, который обычно летом привозит к родителям, дедушкам и бабушкам городских детей и внуков. Они идут от остановки с удочками и хорошим настроением. А возвращаются — отдохнувшие и с полными сумками продуктов.

До железной дороги не близко — 14 километров.

Правда, на краю деревни, на берегу озера, мы увидели несколько современных домов, которые вполне претендовали на звание «трудоовских вилл».

— Из Новополоцка приехали, построили, — пояснили нам.
— Живут летом и ранней осенью.

В Полоцком и Россонском районах много современных домов, построенных жителями крупных городов, в том числе москвичами, питерцами. Их земляки также охотно летом селятся в пустующих домах, каких немало в округе. Плавают на байдарках, рыбачат, собирают грибы.

Деревня Труды стоит на берегу пяти озер: Жерицкого, Арлейского, Трудовского, Неклея и Войтенца. И кругом речки, ручьи, соединяющие озера. Места здесь не только рыбные, но и удивительные по своей красоте. Кругом тишина и спокойствие. Порой кажется, что в Трудах остановилось само время, чтобы отдохнуть после трудов праведных.

Правда, когда знакомишься с архивными документами, беседуешь с пожилыми людьми, которых в Трудах не так уж много, понимаешь, что первые впечатления обманчивы. Деревня знала и беспокойные годы, когда ураганы революций и войн проносились над ней.

Книга «Память. Полоцкий район» приводит данные: «С 1919 года работал стеклозавод "Труд" — выпускал 1200 ящиков оконного стекла, бутылки, банки, посуду. Работало на стеклозаводе 425 рабочих. Была гончарная, кузнечно-слесарная мастерская, кирпичный завод, мельница, торфзавод, деревообрабатывающий цех. В 1931 году деревообрабатывающий цех сгорел и не был восстановлен. С 1936 года — работал колхоз "Прамень Леніна"».

От стеклозавода, который принадлежал Израилю Мовшевичу Мерлису, осталось только битое стекло. Его много в земле на месте, где стоял завод, и на бывшей рыночной площади. Мерлис был известным промышленником, которому принадлежало несколько стеклозаводов в Витебской области. Похоронен на старом еврейском кладбище в Толочине.

От мельницы остались куски бревен, торчащие из воды.

От кирпичного завода и того не осталось. Люди, родившиеся после войны, даже спорят, был ли он вообще.

Труды серьезно пострадали в годы Великой Отечественной войны. Здесь был центр партизанского движения. С ноября 1943 года действовали Полоцкий райсовет, партийный и комсомольский комитеты, выходила газета «Большэвіцкі шлях».

Но даже в послевоенном 1946 году в Трудах было 120 дворов и жили 355 человек. Потом численность населения неуклонно шла вниз. В 1979 году — 101 двор и 282 жителя, в 1991 году — 88 дворов и 165 жителей.

Сегодня в Трудовской школе учится шестнадцать учеников, в детский сад ходит шестеро малышей. Когда-то здесь был центр сельского совета, сейчас он в Малом Ситно, был совхоз — сейчас нет. Работают местные жители в лесничестве и леспромхозе, в магазине и на почте.

В Труды мы попали по воле случая. Я благодарен, что оказался здесь, профессору Московской горной академии Дмитрию Широчину, который потратил отпускной день и привез нас в Труды. Путешествие вместе с нами совершила его жена Алена, дядя — Леонид Широчин — профессор Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Такого внимания профессоров, убежден, Труды отродясь не знали.

В Россонском районе, в местах, где когда-то жили его предки, Дмитрий Широчин строит летний дом. Мы решили поехать туда, но по дороге в Полоцке встретиться со Светланой Бутариной. Молодая женщина, последнее время работавшая инструктором по вождению, серьезно заинтересовалась историей своей семьи. Хочет объявить сбор денег на сооружение достойного памятника на месте расстрела в годы войны восьми тысяч полоцких евреев. Среди них были и ее родственники.

Мы приехали к памятному камню, на котором написано обещание на идише и русском языке, что когда-нибудь здесь будет установлен настоящий памятник. Светлана стала рассказывать о своих предках — то, что узнала от бабушки, за которой ухаживала в последние годы ее жизни. И все чаще в нашем разговоре стало появляться название Труды. Посмотрели по карте — путь от Полоцка не близкий, но Дмитрий Широчин предложил: «Поехали в Труды».

В Трудах нас никто не ждал. Мы, по традиции, обратились за помощью к власти, правда, к бывшему секретарю сельского совета Нине Петровне Симоненко, и она адресовала к Петру Михайловичу Балденко. Он 1928 года рождения. Один из старейших жителей деревни. Старше его только Владимир Фи-

липович Космачев, участник партизанского движения, но он лежал в больнице.

Петр Михайлович вышел во двор, уселся на скамейку и стал с нами беседовать.

— Живу один, две дочки: одна в Эстонии, другая — в России, в Тюмени.

Интервью у него брали впервые. Многочисленные группы, изучающие историю Холокоста, сюда не добирались. Петр Михайлович даже не спросил, кто мы, откуда, зачем, и только, когда я стал его фотографировать, удивился и сказал:

— Может, я чего-то лишнего наговорил...

Светлана спросила, помнит ли он ее предков Моше Козьянского, его дочь Тойбе, зятя Хаце Юдовича Эстрина. Козьянский был возчиком на стеклозаводе, воду возил.

— С большой бородой, — уточнила Светлана.

— Что-то слышал, — ответил Петр Михайлович, — евреев тут жило много, а мне было всего тринадцать лет к началу войны. Оттуда я всех мог знать?

Позднее, в списках погибших в Трудах, составленных Государственной Чрезвычайной комиссией по выявлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков в Полоцком районе, я встретил несколько Козьянских: Козьянская Мария, 1903 г.р., Козьянская Мария, 1930 г.р., Козьянский Мордух, 1903 г.р., Козьянский Довид, 1938 г.р., Козьянский М., Козьянский Б. Скорее всего, они родственники Светланы Бутариной. В списках перечислены 64 погибших, а фашисты расстреляли 76 евреев Трудов, так что не всех вспомнили земляки.

— Кого из евреев Трудов вы помните? — спросили мы у Петра Михайловича.

— Второй дом отсюда — жил Арлиевский, дальше жила Мочиха — здоровая такая женщина. Еще один Арлиевский жил на полигоне — кузнецом был. Я дружил с его сыном Яшкой. Врач был зубной, фамилии его не помню. Еще один врач Красин, его сын Фимка со мной учился. Учительница у нас была, немецкий язык преподавала, Эсфирь Ароновна.

У нас поликлиника здесь до войны была и больница стационар, — Петр Михайлович рассказывал не спешно, временами жаловался на память, но мы задавали вопросы и через минуту-другую он продолжал свой рассказ.

— До войны Труды были больше, чем теперь?

— Тут теперь половины довоенных Трудов нет, — он показал рукой вокруг дома: болотца, кустарники. — Огороды были, дорожки проложены. Дома стояли, сараи. У нас даже рынок был и ярмарки проходили. Рыночная площадь, где магазин сейчас. От нее улицы расходились в разные стороны. Улицы были сплошь застроены домами, не то, что теперь. На рыночной площади ярмарки были большие. Люди съезжались, торговали, узнавали новости. Проходили ярмарки, по-моему, ранней осенью, тепло еще было. Даже из Невеля, из Городка приезжали. Привозили сельскохозяйственные продукты, сильно у нас развито было свиноводство. Торговали всем, что земля родила, что люди руками своими сделали, и домашней скотиной. Весело было. К концу дня пили и пели.

На стекольном заводе 500 лошадей отвозили-привозили песок, а песок у нас особенный, его и сегодня немцы хотели разрабатывать. Советам не нужны были крепкие хозяева, уничтожили все, а потом хватились.

Мельница была, на речушке ставили запруду, теперь еще плотина сохранилась деревянная. Школа десятилетка была в деревянном просторном доме.

Пекарня у нас своя была. Баранки, булки пекли. Но это не евреи делали. Булочная своя была. Хлеб возил еврей Мотья. Его хорошо помню.

Петр Михайлович иногда замолкал. Пауза длилась несколько минут, но мы не торопили его. Грелись на августовском солнышке.

— Военный городок здесь был до войны, — продолжил Балденко свой рассказ. — Служили солдаты. И полигон был, стрельбы проводили. В 1925 году выселили людей, и моего отца выселили, и полигон сделали. Дали нам подъемного леса, и куда хочешь съезжай. Мой отец уехал в Городокский район.

Но озера ему были нужны, болота — родные места. Не мог без них — вернулся. На полигоне в летнее время до пятисот человек проходило военную переподготовку. Бывало, песни поют и радио слушают. Большое, веселое местечко. И танцы были...

Я хотел узнать, были ли в Трудах синагога, еврейская школа, еврейское кладбище.

— Синагогу я помню, — ответил Петр Михайлович. — А еврейского кладбища не помню. Хотя я тогда маленький был, меня это не интересовало.

С большим интересом Балденко рассказывал о своем детстве, своей семье.

— Мы бедно жили. Родители мои колхозники. Было семеро детей, два маленьких умерли. До войны жили по этой самой улице, только дальше чуть-чуть. Наш дом в войну разбомбили.

— Люди жили мирно? — спросил я.

— Мы, мальчишки, не понимали, кто евреи, русские или белорусы. Жили, как умели, но без злобы. Мы угощали Арлиевских, наших соседей, на Пасху яйцами, а они приносили нам мацу. Мацу пекли они у себя дома. Лепешки такие не сладкие с дырочками, — пояснил мне Петр Михайлович.

Когда началась война, немцы пришли сюда очень быстро. От границы Труды недалеко находятся, — Балденко даже попробовал палочкой нарисовать на песке, где была западная граница СССР, а где находятся Труды. Но, увидев мою улыбку, перешел к более конкретным воспоминаниям. — Немецкая комендатура стояла в центре местечка, и гарнизон здесь немецкий был.

Один молоденький еврей-командир, как он попал в плен к немцам — не знаю, его прямо возле дороги, где мельница, расстреляли.

— Полицаи были в Трудах? — спросил я.

— Чтобы они провалились, — со злостью сказал Балденко, и я понял, для него это и сегодня болезненная тема. — Мы в партизанском лагере были в 1943 году. У нас был запахан огород. Нам сказали, что Труды партизаны освободили, можете ехать урожай убирать. Мы приехали, а сестры оста-

лись в партизанах. За это полицаи отца расстреляли. Не знаю, как мы с мамой остались целы.

— Были евреи, которые успели уйти на восток в первые дни войны?

— По-видимому, были, но были и приезжие, которые приехали сюда к родственникам. Думали пересидеть. Немцы собрали всех евреев в центре местечка, где была рыночная площадь. Этих зданий уже нет. Заставили евреев желтые звезды носить.

— Что кушали евреи?

— Голодали они. Соседи что-то приносили.

Расстреляли евреев в день, когда снег шел, но мороза большого не было. Я слышал выстрелы. Евреев выгнали с того места, где они были, и пешком погнали в лес. От малого до старого. Никто не убегал. Тут молодых мужчин особо не было: старики, бабы, девки да дети.

Из тех, кто спасся, я знал Мотьку Равина. Он в тот день на озере был, рыбу ловил. Он и до войны рыбаком был заядлым. Мотька услышал, как стреляют в деревне, и понял, что нельзя ему возвращаться назад. Он ушел к партизанам и только после освобождения вернулся в Труды.

После войны какая-то воинская часть приезжала, откапывали могилы, фотографировали и обратно захоронения зарыли.

— А как сложилась ваша послевоенная судьба? — уже на прощание спросил я у Петра Михайловича Балденко.

— После войны здесь в Трудах пошел работать в сапожную мастерскую. Потом служил в армии, работал в лесхозе. Так что, считайте, вся моя жизнь здесь и прошла.

И еще одного старожила мы навестили в Трудах. Светлана Купреевна Михайлова (Тимощенко), 1926 года рождения. Правда, до войны она жила в Домниках, это недалеко от Трудов, а сюда, как она сказала, «вышла замуж» в 1948 году.

Конечно, возраст берет свое, но женщина пыталась рассказать все, что помнит. Рассказ был со слезами на глазах.

«Я не местная, но слышала от людей про то, как евреев расстреливали. Мало кто сумел убежать. Был подросток Мулька.

Он прятался в деревнях в банях. Женщины Мульку в Хоняках кормили, спасали. Полицай из Хоняков узнал про это, Мульку из бани достал, на коня посадил и в Домники отвез. Его отправили в Полоцк и там расстреляли.

У Моти Равина жена Фрада спаслась.

Председатель колхоза поехал в гетто и выпросил Срола-кузнеца, который нужен был ему для работы. Срол взял с собой жену с двумя детьми. Ему выделили для жизни колхозную сторожку. Жена приводила в порядок сторожку, а дети остались в хозяйском доме со Сролом. И тут приехали немцы. Нагрянули в дом к председателю колхоза. Срол убежал, его на ходу подстрелили. Его жену предупредили, но она не стала убегать, а добровольно пришла в дом к детям. Детей подкидывали и на ходу на штыки сажали. Мальчик был и девочка. А потом их маму расстреляли».

Светлана Бутарина слушала рассказ пожилой женщины с волнением, которое было заметно на ее лице. Очень похожую историю она не раз слышала в семье. Так же погибла сестра прабабушки и ее дети.

В братской могиле в Рябиновке, вместе с местечковыми евреями, вечный приют нашли председатель довоенного колхоза Журов и его 16-летний сын. Не они ли пытались спасти кузнеца Срола и его семью?

В Акте Государственной Чрезвычайной комиссии по выявлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков в Полоцком районе я прочитал показания Павла Даниловича Шуневича, 1913 года рождения, директора Трудовской МТС, которые были даны военному прокурору в/ч 23934 майору юстиции Останину 2 декабря 1943 года. То есть более чем за полгода до освобождения Полоцкого района от немецко-фашистских захватчиков.

— Расскажите, что Вам известно о злодеяниях немецко-фашистских извергов и их пособников в деревне Труды Арлейского с/совета Полоцкого района Витебской области.

— Во время оккупации деревни Труды немецкие изверги и их пособники расстреляли 76 человек евреев.

– Укажите время и обстоятельства расстрела?

– Немецкие изверги и их пособники 76 человек евреев расстреляли 7 февраля 1942 года при следующих обстоятельствах. В нашей деревне Труды проживало несколько семей евреев, которые занимались надомно личным трудом и отдельные из них работали в колхозе, в МТС и других учреждениях. С момента оккупации немцами деревни Труды немцы создали для евреев невыносимые условия жизни. Всех евреев согнали в три дома и образовали лагерь. Не разрешали свободно ходить, давали непосильные работы и хлеба не давали. Дня за три до расстрела всех евреев согнали в один дом. Комендант (фамилию его не знаю), по национальности немец, предложил сдать все ценности, а за это обещал дать соли, хлеба и предоставить права наравне с русскими. Многие евреи поверили этому и сдали большое количество ценностей. Сдавали золото, золотые и серебряные вещи, часы и шерсть. После сдачи ценностей всех евреев выпустили и дали паек хлеба на два дня.

6 февраля 1942 года по приказанию коменданта всех евреев снова согнали в один дом. Ночью из Полоцка приехали палачи, организовали пьянку, а утром 7 февраля 1942 года в 10 часов всех вывели на расстрел и расстреляли в лесу в 700 метрах от деревни. Когда выпускали из дома, раздевали и разували и детей гнали босиком. Это шествие трудно описать, был сплошной вопль, дети плакали и кричали, женщины плакали, но эти бандиты ни перед чем не остановились. Расстрел производили вначале по одному, а потом стали расстреливать по двое, детей подкидывали вверх и на лету стреляли. Расстрел производился у всех на глазах. Выведенных на расстрел построили и в порядке очереди подвели. После расстрела всех расстрелянных закопали снегом, а потом в 15 часов приказали населению похоронить. Все 76 человек евреев и два русских, председатель колхоза тов. Журов и его 16-летний сын, похоронены в одной могиле в лесу под названием «Рябиновка».

Далее в протоколе следует перечень имен и фамилий погибших евреев — тех, кого сумел вспомнить П.Д. Шуневич.

«...Кроме указанных лиц еще в это же время расстреляли 46 человек евреев-беженцев из города Полоцка и Сиротино, фамилии этих лиц я не знаю».

Государственная Чрезвычайная комиссия поименно назвала преступников, повинных в расстреле 78 человек. Немецкий комендант деревни Труды Эрнст Пульдес. Начальник полиции Лейбург Юган Иванович, до войны работал в Трудовской МТС сельхозмехаником. В июле 1942 года казнен партизанами. Староста деревни Труды Арещенко Петр, бывший агроном МТС, казнен партизанами. Помощник начальника полиции Лопухов Степан Дмитриевич. Полицейские Марченко Василий Степанович, Мартыненко Михаил Егорович, Жук. Начальник Полоцкой полиции Медведев. А также Стародумов из деревни Горы, который непосредственного участия в расстреле не принимал, но прислуживал убийцам.

Мы подъехали к бывшей рыночной площади. Сегодня на ней находится продуктовый магазин. Площадь, особенно ко второй половине дня, по-прежнему самое оживленное место в деревне. У изгороди стоят велосипеды, собираются мужчины, по двое, по трое. Обмениваются новостями и решают, как провести ближайшие пару часов.

— Как проехать к памятнику, установленному расстрелянным евреям? — спросил я.

Несколько человек, перебивая друг друга, принялись объяснять. Делали это с пониманием, доброжелательно. А один на прощание сказал:

— Езжайте, проведите ваших братков.

Трагедию войны в Трудах испытала на себе, наверное, каждая семья. Все, с кем мы беседовали, рассказывали нам о карательных немецких экспедициях, о зверствах фашистов и полицаев. Петр Балденко рассказал о том, как появилось сегодняшнее кладбище.

«Немцы зверствовали. Собрали 18 человек молодых по 16-17 лет. Поставили и всех с пулемета расстреляли. Чтобы они

не ушли в партизаны. Каждый своего родственника похоронил, и так появилось деревенское кладбище».

В центре Трудов — мемориальный комплекс в память о земляках, погибших на фронтах, в партизанских отрядах, в память о тех, кто освобождал деревню от оккупантов. Еще один памятник поставлен летчику Александру Мамкину, вывозившему на своем самолете детей из партизанской зоны. И хотя на памятнике написано, что Мамкин погиб здесь, это не совсем так. Отсюда начался его последний полет. Он сумел на горящем самолете пересечь линию фронта, спасти детей. Но погиб сам.

— В школьном музее о летчике собран большой материал, — об этом нам рассказала завуч Светлана Петровна Михайлова.

От мемориального комплекса к еврейскому памятнику мы отправились вместе с лесником Геннадием Евгеньевичем Михайловым.

От последних деревенских домов до памятника полкилометра лесной дороги. Ограда свежевыкрашена, у памятника убрано, лежит венки. Обелиск поставили в 1986 году. На мраморной табличке надпись: «Здесь в 1942 году немецко-фашистскими оккупантами расстреляны жители Трудовского сельского совета». В 1986 году другой надписи было невозможно ожидать.

— Здесь расстреливали не только местных евреев, но и полоцких. Привозили по железной дороге в Дретунь, а оттуда гнали на расстрел в Труды, — сказал Геннадий Михайлов.

За памятником ухаживает местная почта. К памятнику приходят люди, приносят цветы.

После войны в Трудах жило несколько евреев — послевоенная семья Моти Равина, того самого рыбака, что чудом спасся от расстрела. Его довоенная семья погибла в Рябиновке, а сын Борис Маркович Равин, 1919 года рождения, сложил голову на фронте. Он был младшим лейтенантом, летчиком 35-го авиаполка 1-го гвардейского авиакорпуса.

Погиб 28 мая 1944 года. Похоронен в деревне Сермелево Ярцевского района Смоленской области.

Надо было жить дальше. И Мотька, или Матвей Равин сошелся с еврейской женщиной Фрадой, тоже чудом спасшейся во время войны.

С Геннадием Михайловым мы подошли к их дому. Геннадий хорошо знал и Матвея, и Фраду.

— Добрые были люди, хорошие. И хозяин Мотька был крепкий. Все у него было сделано красиво: и дом, и сарай, и забор.

Сейчас в этом доме никто не живет. По самую крышу он зарос травой и цветами. Правда, видны приоткрытые голубые ставни, номер дома 13 и занавески на окнах.

Как жили эти люди с незаживающей раной в душе? Об этом можно только догадываться.

— Мотька работал заготовителем: ягоды принимал, грибы, другие продукты. Брат его жил в Ленинграде, но Мотька никуда не хотел уезжать, — рассказал Геннадий Михайлов. — Наверное, сросся он с этой землей. Мотька ослеп и вскоре умер. После его смерти Фраду забрали в Дом престарелых.

От еврейского местечка в Трудах остался памятник в лесу, старый дом Мотьки Равина, который, наверное, простоит еще несколько лет, и название небольшой речки, соединяющей два озера, — Кусилава речка. На ее берегу стоял когда-то дом еврея Куся.

ЕВРЕИ НАЗЫВАЛИ УШАЧИ – УШОЦ

Я люблю бывать в Ушачском районе. Места уникальной красоты. Сосновые боры и березовые рощи, дороги, которые ныряют с возвышенностей в низины. Озера, реки, радующие глаз и успокаивающие душу.

Ушачский край — родина белорусских писателей Василя Быкова и Рыгора Бородулина. И Быков, и Бородулин всегда с теплотой отзывались о евреях, по соседству с которыми жили их родители, которых хорошо помнят из своего детства. Бородулин переводил стихи многих еврейских поэтов.

Никто точно не скажет, когда первые евреи поселились в местечках этого края. Где поставил первый постоянный двор или кузницу, занялся торговлей или арендовал мельницу еврей, пришедший сюда из западных районов Речи Посполитой?

Исторические сведения скупы и отрывочны. Они не позволяют нарисовать полную картину событий того времени.

Ушачи, как торговое местечко, известно с 1624 года. Исторический центр находился по левую сторону реки Ушача, вниз по течению от сегодняшнего центра. Там размещались костел, синагога, мельница. В 1725 году Ушачи получают Магдебургское право, была построена ратуша.

Евреи называли Ушачи — Ушоц.

Известно, что примерно в 1750 году здесь поселился Ишайя Шапиро. К этому времени в местечке уже была сложившаяся еврейская община. Шапиро был богатым человеком и посвящал большую часть своего времени изучению Торы. Ишайя завещал внуку Баруху Шапиро, ставшему одним из величайших знатоков Торы своего времени, заниматься просвещением евреев.

В «Исторических сведениях о примечательнейших местах в Белоруссии», изданных в Санкт-Петербурге в 1855 году (стр. 121 – 122), указано, что население местечка превышает цифру 800, состоит из евреев и христиан...

В местечке Ушачи в 1865 году в религиозной зажиточной семье родился философ, публицист Хаим Житловский. Помимо религиозного, получил и светское образование, обучаясь в Витебской гимназии. Увлёкся народничеством, но вскоре решил посвятить себя также и борьбе за права еврейского народа. Активно участвовал в народовольческом движении, являлся одним из основателей Союза русских социалистов-революционеров. Будучи редактором партийного журнала «Русский рабочий», регулярно публиковал философские статьи с критикой марксизма. В 1892 году в Бернском университете получил степень доктора философии. Тогда же в Лондоне издал на русском языке брошюру «Еврей к евреям», где настаивал на том, что евреям нужно бороться за национальное равноправие, так как они «не четыре процента кого-то, а на все сто процентов являются самими собою», то есть самостоятельным народом.

После Кишиневского погрома Житловский стал поддерживать идею построения еврейского государства. В 1908 году эмигрировал в США и поселился в Нью-Йорке. Издавал ежемесячник «Дос найе лебн» («Новая жизнь»), публиковал публицистические и философские сочинения в других еврейских изданиях. Статьи того времени посвящены устройству еврейской жизни и языку идишу.

В 1914 году Житловский посетил Эрец-Исраэль. Через четыре года после этого подписал воззвание о создании Еврейского легиона.

Несмотря на то, что некоторые суждения и высказывания Житловского жизнь опровергла, он существенно обогатил философскую мысль и способствовал развитию языка идиша.

По данным переписи 1897 года, в Ушачах проживали 1129 евреев, что составляло более 77 процентов от общего числа жителей.

После революций 1917 года и отмены «черты оседлости» количество еврейского населения стало уменьшаться. Жители местечек, особенно молодежь, уезжали в крупные города, стремились учиться, найти хорошую работу. Рушилась веками создаваемая система экономических отношений. Владельцы небольших лавок, магазинов, кустарных мастерских, арендаторы мельниц, озер, садов оставались без привычной работы. Они тоже покидали местечки.

В 1923 году в Ушачах проживал 861 еврей, это составляло 63 процента от общего числа жителей. Местечко, по тем временам, было вполне цивилизованным. Например, в 1919 году здесь работал врачебный пункт: служили врач, фельдшер, акушерка, сестра милосердия и сиделка. Развивалась еврейская культура. В середине 20-х годов работал еврейский драматический кружок.

В Ушачах мы встретились с историком, краеведом Николаем Николаевичем Кирпичом — директором Музея народной славы Ушачского района. Музей носит имя легендарного партизанского командира Героя Советского Союза Владимира Елисеевича Лобанка. Николай Николаевич родился здесь, был одним из создателей музея и работает в нем более 35 лет. Он — один из авторов книги «Память. Ушачский район». Узнав, что нас интересует еврейская тема, Николай Николаевич любезно согласился помочь и стал нашим экскурсоводом по районному центру.

— Местечко было одноэтажным, за исключением ратуши, которая находилась за рекой... Было много лавок, магазинов, работали корчмы. В основном, это деревянные дома. Многие из них находились на улице Глубокской (сейчас Ленинской)... Раньше улицы назывались по направлениям, куда вели: Полоцкая, Кубличская, Долецкая, Глубокская...

Одно из самых старых зданий, которое сохранилось в Ушачах, — еврейский торговый центр. Находится напротив Музея народной славы. Имя прежнего владельца неизвестно. Конечно, внешне здание претерпело изменения, но и сейчас здесь Центр торговли.

Из старой застройки сохранился фрагмент здания, в котором размещается редакция районной газеты «Патриот»...

В архитектурном плане Ушачи напоминали многие белорусские местечки. Рыночная площадь — в районе теперешней площади Ленина (там находятся Дом Советов, универмаг). От рыночной площади в разные стороны расходились улицы.

В годы Великой Отечественной войны в Ушачах была столица Полоцко-Лепельской партизанской зоны. Немцы подвергали городской поселок неоднократным бомбардировкам, обстрелам. Значительная часть городского поселка была сожжена и разрушена. От старых Ушачей почти ничего не осталось.

О еврейской истории, как и во многих местах, где уже не осталось евреев, напоминают мацейвы на старых кладбищах. В Ушачах было два кладбища, на которых хоронили евреев. Дело в том, что местечко расположено на двух сторонах реки Ушача. По еврейскому обычаю, который не везде соблюдался, покойников нельзя перевозить через реку, озеро. Поэтому на каждой стороне реки было еврейское кладбище.

Последние захоронения здесь были сделаны перед Великой Отечественной войной. То кладбище, что находилось в левобережной части местечка, снесли еще в конце 40-х годов. Мацейвы сгребли трактором, на месте захоронений выкопали карьер.

Второе кладбище, которое находится на нынешней улице Советской, частично сохранилось. Правда, северная часть кладбища занята строительной организацией (ПМК-66).

В 60-е — 70-е годы на пяточке перед кладбищем находилась танцплощадка. Как ни кощунственно это звучит, но, наверное, так было сделано, чтобы покойники не скучали.

Осенью и весной старинные памятники, стоящие на могилах, еще видны, а летом здесь густая стена из трав.

В Ушачском районе сохранились еврейские кладбища в деревне Селище (находится посередине поля, которое засевают ежегодно) и в местечке Кубличи (заросшее лесом).

Репрессии двадцатых — тридцатых годов коснулись людей разных национальностей. О некоторых из них мне стало

известно, когда я готовил этот очерк. «Семья Рабиновичей (Шломо, Залман, Генрих и Брейна) столкнулась в Ушачах с преследованием органами НКВД. И в 20-е — 30-е годы вынуждены были уехать в город Горький. Моя бабушка Брейна была старшей. Ни она, ни ее дочь Алта — моя мама, об этом никогда и ничего не рассказывали. Наверное, боялись.

Муж Брейны (Абрам), мой дед, прибыл в Горький в начале 30-х годов. Был религиозным человеком, посещал синагогу. Умер в 1953 году. Мама преподавала математику в школе».

Об этом написал Марк Гроссман из Нижнего Новгорода.

Евреи были не только среди жертв репрессий, но и среди тех, кто осуществлял их. Кто-то был исполнителем чужой воли, кто-то — из-за слепой веры в новые идеалы, кто-то — из-за страха. Разделение на тех, кому дано было право карать, и на их жертв, осуществлялось не по национальному признаку. Нельзя было самостоятельно принимать решения, а тем более — высказывать свои мысли. Надо было быть послушным и незаметным винтиком в государственном механизме.

Григорий Самуилович Авербах родился в деревне Усайя Ушачского района в семье кузнеца. Он, как и его младший брат Лев Самуилович, в тридцатые годы служил в органах ОГПУ, НКВД.

В предвоенные годы Льва Самуиловича назначили военным комиссаром Ушачского района. Авербах сделал все от него зависящее, чтобы мобилизовать людей после 22 июня 1941 года. Он храбро воевал, был начальником штаба 345-й стрелковой дивизии, защищавшей Севастополь. Ранен, контужен, награжден орденами, медалями.

До войны в Ушачах стояла большая воинская часть, в городском поселке было много военных. Внешне все было спокойно и благопристойно, но предгрозовое настроение витало в воздухе. О будущей войне поговаривали шепотом.

В Ушачах жили польские беженцы, те, кто пришел сюда после сентября 1939 года. От них люди слышали об отношении фашистов к евреям. Польские беженцы постарались еще до июня 1941 года уехать подальше от границы. А вот мест-

ные жители, в том числе и местные евреи, не очень-то верили страшным рассказам. Они больше доверяли пожилым людям, пережившим Первую мировую войну и уверявшим, что немцы — культурные люди.

Фашистские войска оккупировали Ушачи 3 июля 1941 года. Только 10 семей, большинство из которых принадлежало к «белым воротничкам» и работало в партийных органах или государственных учреждениях, успели эвакуироваться на восток. Также на восток уехали некоторые работники МТС, угонявшие технику.

Сразу после оккупации в Ушачах был расквартирован немецкий гарнизон, назначили бургомистра, организовали волости, назначили волостных.

С приходом фашистов начались систематические издевательства над евреями. Их заставили пришить желтую звезду к одежде на груди и на спине. Принудили к тяжелым работам.

Первой акцией захватчиков стал снос памятника Ленину. Он был изготовлен из бетона и состоял из трех частей. Немцы подогнали к скверу, где стоял памятник, мощную итальянскую автомашину, зацепили памятник тросом, но с первого раза сорвали только верхнюю часть, со второго раза — среднюю. Остались от памятника ноги. Как ни пытались сорвать эту часть, ничего не получалось. Тогда немцы пригнали евреев с молотками, зубилами и приказали им разбить бетонные ноги вождя. Евреи больше недели разбивали их.

Потом оккупанты собрали евреев и приказали вырвать траву на обочине центральной улицы. Старики, дети ползали на коленях, исполняя приказ. Тех, кто не подчинился, ждала смерть.

Николай Николаевич Кирпич, когда писалась книга «Память. Ушачский район», много времени занимался еврейской темой. Хотел установить фамилии всех расстрелянных в Ушачском гетто, написать хронику страшных дней. Работал в белорусских и российских архивах, вел переписку с израильским Мемориальным Центром катастрофы и героизма Яд-Вашем. В архивах ушачского Музея народной славы хранится

его обширная переписка с родственниками погибших евреев, которые после войны жили в Москве, Ленинграде, Горьком.

— Много жило в Ленинграде, — уточняет Николай Николаевич. — Мы собрали сведения о 890 погибших. Но есть данные, что всего погибло 925 евреев.

В конце августа — начале сентября 1941 года, — говорит Николай Николаевич, — немцы создали гетто в районе нынешней улице Корневского.

Когда-то в этом районе была одна из ушачских синагог, но компактно евреи жили перед войной на другой стороне реки.

По переписи 1939 года, в Ушачах проживали 487 евреев, что составляло 24 процента от общего числа жителей. 464 еврея, то есть практически все, были согнаны в гетто.

Уцелели те, кто в предвоенные годы поступил на учебу в другие города и волею случая не приехал на лето к родителям. Но были семьи, в которые на лето к бабушкам и дедушкам приехали внуки.

Месяц спустя гетто окружили колючей проволокой в два ряда, оно находилось под охраной полиции. Вход в него не евреям был запрещен. Условия проживания были ужасными. Узники умирали от холода, голода, болезней.

В декабре 1941 года в Ушачи пригнали еще около пятисот евреев из Кубличей, Бабыничей, Усайи, Селища, Глыбочки и других населенных пунктов района. Их разместили в другом гетто — по улице Ленинской (до предпоследнего дома поселка Пролетарий). Всего в гетто в Ушачах оказалось более девятисот человек.

В 1945 году довоенная жительница Кубличей Хая Оршанская получила письмо от своей подруги Тани Андрейчик. В письме подробно описаны ужасы гетто. «В конце декабря всех евреев согнали в Ушачи. Дочь сапожника Гинзбург Гита была замужем за учителем немецкого языка. Он был из Ушачей, но жил у них на квартире в Кубличах. Он убежал в лес к партизанам, а ее, беременную, угнали в Ушачи. По дороге у нее начались роды, она упала, и ее застрелили. Ее мама Хана упала на бездыханное тело, и Хану тоже застрелили».

Особое усердие и садизм проявили комендант Кубличской комендатуры Шнейдер, унтер-офицер Кубличской комендатуры Сучь. Каждую ночь они ходили по местечку и резиновыми палками били окна домов, а затем избивали жителей.

Старался и обер-лейтенант Цимс. За содеянное его настигла кара. Цимс был пойман партизанами, вывезен в Антуновский лес и расстрелян. Произошло это так. Цимс был приглашен на день рождения в компанию красивых девушек. Он веселился, выпивал. В этот момент в дом вошли партизаны...

Созданные из трудоспособных узников гетто рабочие колонны выводили под охраной полиции на расчистку улиц, разгрузку машин. Девушки в гололедицу в бочках возили воду из реки для лошадей немецкой кавалерийской части. Уставших девчат били палками и прикладами винтовок, заставляя работать.

Самостоятельно выходить за пределы гетто запрещалось под страхом смерти.

За несколько дней до ликвидации гетто подпольщики предупредили узников о предстоящих расстрелах и некоторым евреям удалось бежать.

Вот как об этом вспоминает С.В. Маркевич, в годы войны руководитель подпольной группы в Больших Дольцах.

«От надежных людей мы узнали, что поступило распоряжение немецкого командования выявить всех евреев, а затем собрать их в Ушачах, в специально отведенном для них месте — в гетто. Причиной тому, как объясняли гитлеровцы, была отправка евреев в Палестину. В нашей волости жило две еврейских семьи, одна — в Малых Дольцах, вторая — в деревне Капцы. В Малых Дольцах еврей был кузнецом (фамилии не помню). Чтобы спасти его, договорились записать его греком, хотя он больше был похож на цыгана. Семья, которая жила в деревне Капцы Веснинского сельсовета, была смешанной: муж Алесь Антонович Карабань — белорус, а его жена Фрада — еврейка. У них было двое детей. В семье жила и теща. Решили изменить иудейскую веру жены на христианскую. Это стоило нам поло-

вины поросенка. Фрада стала Ефросиньей, а ее мама Хася — Христиной. После всех наших мероприятий отрапортовали коменданту, что на территории волости евреев больше нет.

При переселении в гетто евреям разрешили взять с собой самое необходимое. Брали самое лучшее.

От делопроизводителя волости узнали, что всех евреев убьют. Посоветовавшись, решили предупредить узников гетто. Сделать это поручили С.Я. Бородавкину, который хорошо знал старосту гетто Иосифа Калмановича Пейсахова, бывшего до войны председателем райпотребсоюза.

В слегка загримированном виде Степан Яковлевич Бородавкин пришел в Ушачи. На квартире коммуниста Михаила Федоровича Мащова состоялась встреча со старостой гетто. Бородавкин предлагал, когда поведут колонну, перебить охрану, завладеть оружием и разбежаться. Конечно, потери будут, но большинство останется жить, детей и стариков спрячет население района, взрослые уйдут в партизаны.

Казалось, все идет хорошо. Но Пейсахов, вернувшись в гетто, обо всем рассказал членам совета (юденрата — А.Ш.). По рекомендации совета, он отправился к коменданту гарнизона, чтобы прояснить: правда ли, что вместо отправки в Палестину их расстреляют?

После пыток Пейсахов назвал С.Я. Бородавкина, от которого узнал об этом. Гарнизон был поднят по тревоге, начались обыски.

По прошествии двух недель все узники гетто в сопровождении 12 солдат спецкоманды были расстреляны около дороги из Ушачей на Большие Дольцы».

(Книга «Память. Ушачский район», Минск, «БЕЛТА», 2003, стр. 151–152.)

Что в этих воспоминаниях правда, что додумано и досказано, сейчас никто не определит. С.Я. Бородавкин был мужественным человеком и его поступок заслуживает того, чтобы его называли Праведником Народов Мира. Он погиб, пытаясь спасти евреев. Правда, его совет «напасть на охрану, перебить ее, завладеть оружием и убежать» выглядит не совсем реальным. В колонне, конечно, были мужчины. Они могли

стать инициаторами побега. Но большинство составляли старики, женщины, дети. Что будет с ними? Это были чьи-то родители, жены, сыновья, дочери. И если, по счастливой случайности, кому-то все же удастся убежать, кто их примет, кто спрячет? Все понимали, что после массового побега немцы и полиция перетрясут каждый дом. Тем, кто осмелится спрятать еврея, грозила смерть.

Не безропотно евреи шли на смерть. Когда 12 января 1942 года их стали выгонять из домов и строить в колонну, кто-то поджег дом в гетто, и в дыму группа смельчаков попыталась убежать.

Вера Гильман, узница Ушачского гетто, вспоминает: «Когда перевели из Кубличей в опустевшее Ушачское гетто, там, на стенах домов, были нацарапаны на идише слова: «Нас скоро расстреляют. Кто себя уважает и останется живой — отомстите за нас».

Нам известны имена двоих кубличан, переживших трагедию гетто и оставшихся в живых. Это брат и сестра Гильман, дети репрессированного портного Лейбы.

Старшая сестра Иохевет (Ольга) пропала в первые же дни войны. О ее дальнейшей судьбе нам неизвестно. В лес ушел брат Фоля (Николай). Впоследствии он встретил партизан и храбро воевал с фашистами.

В книге «Встали мы плечом к плечу...» (*составитель И. Герасимова, Минск, «Асобны дах», 2005, стр. 33*) указано: «Гильман Николай Леонтьевич, Ушачский район, воевал в бригаде «Железняк», отряд № 5».

Более драматично сложилась судьба Двейры Лейбовны, или в русском варианте Веры Леонтьевны Гильман. О ней написано в книге «Породненные войной».

Когда загорелся дом, мама сказала Вере: «Беги». Вера выпрыгнула из окна и побежала. Немцы поймали ее, других беглецов и вместе с оставшимися узниками Ушачского гетто повели на расстрел. Когда прогремели первые выстрелы, Вера упала вместе с мертвыми. Тела убитых накрыли ее. С наступлением темноты она выбралась из-под трупов и поползла в сторону деревни Череповщина, находившейся в полутора десятков километров от Ушачей. С трудом добралась

до ближайшей избы. Там пробыла четверо суток. Опасаясь немцев, хозяин дома Степан попросил ее уйти. На дорогу дал девочке православный крестик и сказал: «Береги тебя Бог».

Оказавшись в Полоцке, Вера попала в тюрьму, где пробыла около трех недель. Никто не догадывался, что она еврейка. Потом — Витебск, детский дом. В детдоме Вера пробыла почти год, до января 1943 года. В детдоме были дети, которые обзывали Веру Гильман «жидовкой Евой». Это на девочку ужасно действовало, особенно, когда она стала свидетельницей расстрела трех еврейских детей.

Веру спасли Мария Мецна, Маня Синцова, Галина Померанцева, которые знали о ней правду.

По документам, Вера числилась русской. Фамилия была Харашкевич. Отчество — Леонтьевна. И то, и другое она придумала сама. После войны Вера вышла замуж за Исаака Родашковича. В 1958 году Вера и Исаак Родашковичи выехали в Польшу, поскольку Исаак имел польское гражданство, а оттуда в 1960 году — в Израиль.

(М. Рывкин, А. Шульман, «Порожденные войной», Витебск, 1997 г.).

Об одном из тех, кто ушел из-под расстрела, написал Марк Гроссман. «Двоюродный брат моей матери Рабинович Михаил Соломонович убежал в Ушачах из-под расстрела и воевал в партизанском отряде. Его родители — отца звали Шломо Рабинович — погибли во время оккупации».

В книге «Встали мы плечом к плечу...» (*Евреи в партизанском движении Белоруссии. 1941 — 1944 гг.*, Минск, «Асобныя галы», 2005 г.) я нашел подтверждение этих слов: «Рабинович Михаил Соломонович, 1927 г.р., воевал в отряде им. Жданова».

После войны Михаил Рабинович жил в Нижнем Новгороде. Окончил техникум и политехнический институт. Еще в середине пятидесятых годов уехал в Израиль. Жил в Хайфе. Его фамилия стала Бар-Ной. Работал на железной дороге. Умер в 2005 году.

В партизанскую бригаду им. Пономарева из Ушачского гетто ушел 46-летний Меер Григорьевич Циринский. В Витеб-

ской партизанской бригаде воевал и погиб Евгений Борисович Лившиц. В бригаде Чапаева воевали сестры Хая и Мая Монд, Елизавета Нароцкая. 14-летний Гриша Бененсон был принят в партизанскую бригаду Дубова.

Николай Николаевич Кирпич рассказал о еврее, убежавшем из гетто. В партизанской бригаде Дубова он был храбрым разведчиком. Звали его Николай.

Некоторые узники погибли при пожаре, других, пустившихся в бега, поймали и расстреляли.

Около пяти часов евреев-узников гетто держали на морозе. (Морозы в тот год были жесточайшие, градусник в отдельные дни показывал 35 градусов ниже нуля.) Затем под конвоем полицейских и жандармов погнали по Долецкой улице в сторону местного православного кладбища, которое находилось в полукилометре от местечка. Когда ушачских евреев гнали на расстрел, некоторые пожилые люди одели в свой последний путь талесы и шли с молитвами. В институте Яд-Вашем хранятся свидетельства местных жителей, видевших этот марш смерти. Они были записаны одним из авторитетнейших исследователей Холокоста Даниилом Романовским в середине 80-х годов XX века в Ушачах. «Когда ушачских евреев гнали колонной (на расстрел), старший был, кажется, Евель... он высокий был, обкрывшийся был одеялом и пел что-то свое, стогнал «уй-юй-юй» и все они — все стогнали за ним: «уй-юй-юй», молились, наверное...»

Архив Яд-Вашема (0/3 -4708, 4710)

По дороге узники гетто выбрасывали на обочину все, что хранили при себе до последнего дня: фотографии, письма и драгоценности. Они надеялись, что по письмам и фотографиям родственники узнают, кого расстреляли в тот день.

Недалеко от православного кладбища уже были выкопаны две огромные ямы. Замерзшим людям приказали раздеваться и ложиться в ряд на дно ямы. И без того больные и голодные люди, промерзшие, понимая безысходность, исполняли приказания. Кто-то плакал, кричал, молился, прощался с родными, кто-то загоразивал собой детей, как будто

мог их спасти, кто-то проклинал немцев и кричал, что за них отомстят. В это время раздавались выстрелы.

«Маленьких детей прокалывали штыками и бросали в яму. С 10 часов утра до 4 часов вечера было расстреляно свыше 900 человек. Заполнив две ямы трупами, их закопали. Расстрелом командовал комендант ОРС-комендатуры местечка Ушачи Карл (воинское звание и фамилия не установлены). К месту расстрела был подтянут карательный отряд из Полоцка.

(Государственный архив Российской Федерации, ф. 7021, о. 92, л. 229.)

Вспоминает Василевская Надежда Арсентьевна:

«Зимой 1942 года, на Рождество, отец с матерью ездили к родственникам в Ушачи. В этот день стреляли там евреев. Немец один был, а стреляли наши полицаи. Родителям не до гостей было, не до праздника, повернулись и поехали домой. Отец рассказал: «Один подбрасывает ребенка, а другой стреляет». Когда ехали обратно, встретили знакомую еврейку. Она была ранена: «Данилович, за что постреляли наших всех?» Рассказывали, что девочка бежала через речку по тонкому льду, а за ней полицай гнался, бежит, провалится, и все-таки с другого берега ее убили. А двое деток убежали и спрятались в стоге сена. Ночь пришла, они замерзли. Люди рассказывали, что они кричали: «Мама, нам холодно». Потом спрятали этих детей. Люди не предавали. Один еврей прижился. Прятался в бане. Приходил в деревню подкормиться. В деревню приехал полицай по делам через три дома от нашего. Йосель зашел в дом. Папа: «Ты что?! С ума сошел?! Полицай в деревне!» Папа быстро со стола краюху хлеба дал, он спрятал дрожащими руками и убежал. На этот раз убежал, а потом его немцы выследили, убили».

В Ушачах мы встретились с Евгенией Николаевной Смык (девичья фамилия Лукашевич). Она помнит тот страшный день расстрела ушачских евреев. Время берет свое, и в Ушачах сегодня живет только несколько очевидцев трагедии. Мы устроились во дворе, около колодца, и Евгения Николаевна

стала рассказывать. Голос ее порой дрожал, она прерывалась, чтобы унять волнение.

«Я с 1932 года, к началу войны мне было 9 лет. Мы жили в Ушачах, на улице Пролетарской, это рядышком с нашим теперешним домом. На улице стояли деревянные дома, это была, считайте, окраина горпоселка. Немцы сделали здесь гетто для кубличских и, наших, ушачских евреев. До войны по улице Ленинской, туда дальше за перекресток, были лагеря для военных. В лагерях было много домов. Их оградил проволокой.

Когда сделали гетто, уже лег первый снег. В том году он выпал очень рано. Людей в гетто было много. Что они кушали, я даже не знаю.

Когда вели их на расстрел, очень холодно было. У меня была подружка-еврейка Маня. Она тоже с родителями была в гетто. Взрослые говорили им еще до гетто: «Уходите в лес. Вас расстреляют». Они: «Нас не расстреляют, а погонят в Палестину». А если так разобраться, куда им было уходить? Кто их ждал в том лесу? Морозы в ту зиму были лютые. Запасов еды не было.

Ямы уже стали копать за нашим кладбищем, евреи все равно не верили, что их расстреляют, или надеялись на какое-то чудо.

Когда евреев гнали колонной из гетто в сторону русского кладбища, мы пошли посмотреть. Всех вместе — и наших, и кубличских — гнали. Жалко было, мы плакали.

Стала я в колонну вместе со своей подружкой Маней и иду по этой улице Октябрьской. Женщина одна увидела, что я иду с евреями. Знали, что их будут убивать. Она выхватила меня из колонны. Женщина немножко знала немецкий и стала объяснять, что я — русская.

Мы зашли к нашей подруге домой, сидели там и плакали. Не ходили смотреть, как убивают евреев.

А после вышли на улицу. На углу, как дорога на Дольцы идет, стоит одна женщина. Она нахватала еврейских одежек полным-полно. Смотрю: моей подружки пальто и рукавички через рукава. У меня сердце кровью облилось. Эта женщина отдает мне как раз это пальто. Я говорю: «Ничего брать не буду». — «Не хочешь, не надо».

Израильский историк Леонид Смиловицкий, на основании письма от Людмилы Баскиной, пишет, что еврейское имущество иногда служило причиной гибели их хозяев от рук бывших соседей. Залмана и Брусю Фурман из Ушачей убил местный житель, вызвавшийся вывезти их на телеге с вещами.

Среди погибших дед Давида Финко — американского композитора, дирижера, пианиста, скрипача, альтиста. Соломон Фурман был кантором в Ушачах и вел службы в синагоге, а на жизнь зарабатывал в небольшом фотоателье. Когда синагоги официально закрыли, миньяны собирались по домам. Соломон Фурман продолжал вести службы. Будучи мальчишкой, Давид проводил летние месяцы в доме деда, впитывая хасидские и канторские напевы, интонации говора на идише, народную музыку. Соломон Фурман вместе с другими членами семьи погиб в 1942 году от рук нацистов, и Финко, которого война напрямую не затронула (если не считать длительного возвращения под бомбежками из Белоруссии в Ленинград летом 1941 года и последующих за этим тягот эвакуации), тем не менее, считает себя жертвой Холокоста — произошедшее с дедом навалилось на сознание внука тяжким грузом.

Исследователи Холокоста указывают разные даты расстрела узников Ушачского гетто. Я решил уточнить их у Николая Николаевича Кирпича.

— Думаю, что было две даты расстрелов. 6 января 1942 года расстреляли ушачских евреев, а 14 января — тех, кто был свезен в Ушачи из других мест. Хотя в воспоминаниях людей появляются разные даты и указание на то, что кубличских евреев пригнали в опустевшее Ушачское гетто.

По всей видимости, уцелевших после первого расстрела ушачских евреев перевели из одного гетто в другое, а в опустевшее — пригнали евреев из Кубличей, других деревень и местечек.

От гетто до места расстрела приблизительно 1,5 километра. Когда евреев гнали на расстрел, многие жители городского поселка видели это, но помочь уже никто не мог.

Место для расстрела фашисты выбрали не случайно. Оно находится за православным кладбищем на Подолецкой улице. Вокруг этого места находятся холмы, на которых были установлены пулеметы. Если бы узники стали массово убегать, у них было бы очень мало шансов вырваться из этого котла.

В Ушачах в годы войны «расстреляно, повешено и зверски замучено участников партизанского движения и членов их семей, советско-партизанского актива и мирного белорусского и еврейского населения — 1021 человек».

(Национальный архив Республики Беларусь, ф. 841, о. 1, г. 13, стр. 110—обр.)

Я интересовался всем, что имеет какое-то отношение к теме моего очерка, и в статье Татьяны Котович «Русский авангард в западных частных коллекциях» (Малевич. Классический авангард. Витебск. 11, Мн. Экономпресс, 2009) прочитал совсем неожиданные строки. Речь идет об одном из крупнейших коллекционеров картин Заксе. Ныне семья Заксов — граждане США.

«Значительная часть работ куплена Анной Залмановной Закс (дочерью основателя коллекции Залмана Закса) в самом конце войны. Из письма Н.Ф. Гнедчик следует, что во время войны ее отец и дед находились в райцентре Ушачи Витебской области и имели множество произведений искусства. «В Ушачах дед Гнедчик Григорий зарабатывал на жизнь во время оккупации писанием икон, ремонтом церквей и тому подобным. Часть картин из дерева ушла на иконы, но много осталось на холстах». В это время в районе Ушачи — Лепель — Чашники после ухода немцев работала врачом А.З. Закс, организовывала медико-санитарные службы для тех, кто после ранения, полученного на фронте, прибывал сюда. Доктор Закс, по свидетельству Н.Ф. Гнедчик, иконы и статуи не брала, ей отдавали только картины и рисунки. «Все это крестьяне получили или подобрали как бесхозное и ненужное в годы войны». Автор письма добавляет, что «во время войны в Лепеле на складах было много красивых вещей и картин. Что-то немец вывез при отступлении, что-то было брошено. Очень много сгорело при пожарах. Что-то осталось, подобрали жители».

После войны ушачские евреи, воевавшие на фронтах, бывшие в партизанских отрядах, чудом выжившие на оккупированной территории, стали возвращаться в родные места. Было таких совсем немного. Об одном из них вспомнил Николай Николаевич Кирпич: «В строительной организации ПМК-66 работал Юрий Аронович Симкин. Порядочный человек, хороший специалист. Его здесь уважали и ценили. В Ушачах он умер и здесь похоронен».

По переписи 1970 года, в Ушачах евреями себя назвали 15, по переписи 1989 года — 11 человек.

Мы приехали к памятнику, установленному на месте расстрела евреев — узников гетто. Убрано, покрашена ограда, спилены старые деревья. Первый памятник здесь был поставлен по инициативе Хоны Футермана и Рувима Асмана. Это был метровый обелиск. Надпись на нем гласила:

«Товарищ! Склони голову перед памятью погибших. 6.1.1942 г. фашистскими палачами расстреляны 925 жителей городского поселка Ушачи и деревни Кубличи».

Чтобы поставить памятник на месте расстрела евреев, даже родственников, в те годы надо было быть мужественным человеком.

Хона Футерман родился в Ушачах в 1915 году. Призвался в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию в 18 лет, не имея даже аттестата зрелости, но сумел дослужиться до офицерского звания. Был кадровым офицером связи еще до войны. Закончил войну в Кенигсберге.

Об истории своей семьи до войны Хона почти не рассказывал даже самым близким людям. У его отца, Нахмана, было два брата — Гирш и Вульф. Гирш был дантистом. В 30-е годы подвергся репрессиям, но потом вернулся в Ушачи. Гирш и Вульф вместе с семьями погибли в гетто. У Нахмана была сестра по имени Хая-Либе (в замужестве Асман), которая также погибла. Ее муж Нахман Асман тоже погиб.

У самого Хоны было две сестры, Дина и Лейка, и младший брат. Они также погибли в Ушачах. Одна из сестер должна была выйти замуж осенью 1941 года.

Прозвище отца Хоны было Нахман Высокий, на идише — Нахман Дерейхер. Нахман был просвещенным человеком и постарался дать своим детям хорошее образование. Был в Ушачах и Нахман Маленький, муж сестры Нахмана Высокого — Нахман Асман.

В первое воскресенье августа, вероятно, этот день был выбран, чтобы приурочить его ко дню Тишебов (девятое число месяца Ав по еврейскому календарю — день скорби, траура и поста), здесь собирались дети, внуки, родственники ушачских евреев, те, кто остался жив, кто помнил, знал погибших. Это было в 50-е — 70-е годы. Приезжало человек шестьдесят. Произносили речи, втайне молились. С каждым годом людей собиралось все меньше. Оно и понятно, старики умирали. А потом началось время массовых отъездов в другие страны. Оттуда не очень-то приедешь каждый год. За местом захоронения следил кто-то из жителей улицы, ежегодно ему собирали небольшие деньги.

В 1974 году за государственные средства памятник отреставрировали, благоустроили территорию.

Сегодня надпись на памятнике гласит: «На этом месте 14 января 1942 года расстреляны 925 советских граждан — жителей города Ушачи и деревни Кубличи».

О том, что погибли евреи, упоминать в те годы было нельзя. А после — надпись на памятнике никто уже не переделывал. Да и кому этим заниматься, если в последние годы к памятнику никто не приезжает...

За порядком следит жилищно-коммунальное хозяйство. Ко Дню Победы возлагают венки.

Вот и вся память о людях, о целой эпохе в жизни местечка.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

С Роальдом Леонидовичем я знаком давно. Всякий раз, навещая родственников в Беларуси, по пути из Москвы он заезжает в Витебск и заходит в редакцию журнала «Мишпоха». Интереснейший собеседник, знаток архитектуры, истории, философии, он ищет в гуманитарных науках непроторенных путей. Вероятно, в его основной профессии — строительство, а в последние годы — строительная экспертиза, к экспериментам относится более консервативно. И страсть к творчеству, к фантазии, которая, не глядя на уже немолодой возраст, живет в нем, находит выход в гуманитарных исследованиях. Романов готов чуть ли ни в центре нашей цивилизации поместить свое родное местечко — Черему. Это не просто красивые слова, этому посвящены почти 300 страниц его книги «Царьград Черему». Я редактировал книгу и, признаюсь, далеко не все готов был принять.

Роальд Леонидович издал к 65-летию Победы сборник статей о партизанах, сражавшихся с фашистами на территории Белоруссии и России. В партизаны он сам попал подростком и свято хранит в душе воинское братство. Активно участвует в работе одной из ветеранских общественных организаций. Денег на сборник партизанских статей никто не дал. А может, Романов не к тем людям обращался, и он издал на собственные деньги эту, как и предыдущие, книгу.

Однажды у меня спросили: «Романов ездит на черном BMW?». «Да», — утвердительно ответил я. «Машина стоит у озера (водоем находится на пути из Москвы в Витебск, недалеко от последнего города), — рассказали мне. — А сам он плавает, только седая голова видна посередине озера. Герой». Было начало осени, романовский заплыв состоялся часов в семь утра. Вода с ночи холодная. И я мысленно повторил: «Герой».

Чтобы читатель имел более полное представление о Роальде Романове, представлю его краткую биографическую справку.

Родился в 1933 году в Борисове. С 10 до 12 лет — связной партизанского полка Садчикова, затем с 145-й Витебской Краснознаменной дивизией 43-й Армии дошел до Кенигсберга. Музыкант духового дивизионного оркестра. Ранен. Инвалид Отечественной войны. Работал слесарем-монтажником, мастером, прорабом, главным инженером строительных управлений и треста «Юрмаластрой», директором Гродненского завода ЖБИ и экспериментальной базы Госстроя СССР, председателем Стройтехнологии при Госстрое СССР. Доктор технических наук, лауреат Государственной премии Латвийской ССР. Имеет 34 изобретения, много публикаций по строительству, архитектуре. Занимается историей архитектуры. Доктор философии и искусствоведения. Автор ряда книг по истории архитектуры, истории родного местечка Черее, о партизанском движении в Белоруссии и России.

В этих заметках я часто буду ссылаться на очерк Роальда Романова «На родине Оскара Милоша» (*журнал «Мишпоха», № 14 (2004 г.)*), чтобы подробнее рассказать о Черее. Роальд Леонидович является летописцем и знатоком ее истории.

По еврейским легендам, Черее основали их пращурсы на перекрестке торговых путей. В центре местечка оказались древнееврейские захоронения с надмогильными камнями — мацейвами. Кто-то из маститых ученых, приехавших в местечко в начале XX века, отнес надписи на мацейвах к языку «кнаанит», однако разобрать их не смог. Академик Н.А. Морозов писал: «Имя Сарай происходит от еврейского Сара, т. е. царица, по-русски следовало бы читать вместо Сарай — Царее, т. е. город Царя, иначе Царь-Град». При переводах польских средневековых источников город именовался Сарее.

Тобяш Купервейс, исследователь истории предков, утверждает: «Первые сведения о евреях в польско-литовском регионе датируются VIII веком. Откуда они пришли сюда — сказать трудно. Известно лишь, что обосновались на пере-

крестке торговых путей. С IX по XIV век общались между собой на языке «кнаанит»¹, основанном на славянских диалектах, позже «кнаанит» вытеснили пришельцы из Германии, принесшие с собой собственно идиш. Несомненно, само название «кнаанит» восходит к земле Ханаан.

Черее — в эпоху Речи Посполитой — местечко Витебского воеводства Оршанского повета. В 1766 году в Черее и ее окрестностях жили 399 евреев.

По ревизии 1847 года, Черейское еврейское общество состояло из 959 душ. По переписи 1897 года, жителей Черей 3039, среди них — 1829 евреев.

(«Еврейская энциклопедия», Из-во Брокгауз — Ефрон, С.-Петербург, т. 15, стр. 850.)

В Черее в начале XX века ежегодно проходили две больших ярмарки, на которые съезжались продавцы и покупатели из окрестных деревень и местечек. Продавали продукцию земледелия и животноводства, мед и лекарственные травы, изделия ремесленников и народных мастеров, торговали лошадьми, купить можно было телят, поросят, овец, кур, кроликов. И всегда на ярмарке было полным-полно рыбы. Еще бы, Черее находится в окружении озер. Рыбный край!

В книге К.Т. Аникевича «Сенненский уезд» (Могилев, губернская типография, 1907) написано: «Арендуют Лукомльское озеро черейские евреи за плату 220 рублей в год вместе

---

¹ Еврейско-славянские диалекты (кнаанит, Qna`anith) — условное название нескольких диалектов славянских языков, на которых говорили евреи, жившие в средние века в славянских странах. Все известные еврейско-славянские диалекты были вытеснены идишем или окружающими славянскими языками к концу средневековья. Название “кнаанит” связано с обозначением славянских стран термином Qna`an, встречающимся в еврейских текстах (например, Биньямин из Туделы в XII в. называет Киевскую Русь «Земля Ханаан»). Причина подобного отождествления неизвестна. Имеются сведения о проживании евреев в Киевской Руси, которые говорили на еврейском варианте древнерусского языка в XI–XIII веках, и возможно, вплоть до XV века.

с Черейским озером. Рыба в озере ловится следующая: щука, окунь, лещ, плотва, уклейка, ерш, линь, карась, угорь, и редко попадаются раки».

В XVIII — XIX веках часть земель Черейского графства принадлежала князьям Пеструцким, затем Сапегам и, в конце концов, перешли к Милошам — предкам известного французского поэта и литовского общественного деятеля Оскара Милоша.

Оскар Милош писал в автобиографии: «Я родился 28 мая 1877 года в имении Черей... Отец привил мне уважение к литовскому роду... Он влюбился в молодую и красивую еврейку Розалию-Марию Розенталь — мою мать. Мать не исповедовала никакой религии, хотя, выходя замуж, и приняла католичество. Отец ненавидел духовенство».

Оскар, будучи уже известным франкоязычным поэтом, опубликовал в 1917 году в Париже основные положения своей «Теории относительности». Ей предшествовали глубокое изучение, вопреки воле отца, ассириологии и семитологии в школе Лувра и в Школе восточных языков, издание сборников стихов «Поэма падений», «Семь одиночеств» и «Истоки», создание поэтических драм «Мигуль Маньяра» и «Мефибосет», в которых литовский исследователь поэзии Оскара Милоша Гинтас Микалоюс «находит родство легенды о Дон Жуане с историей любви еврейского царя Давида». Углубляясь в изучение «Апокалипсиса» и Библии на языке подлинника, Оскар поэтизирует «Теорию относительности» нашей бренной сопричастности с вечностью.

Оскар Милош с 1920 года — первый посол Литвы во Франции. Полное собрание его сочинений в десяти томах издавалось в Париже в 1955 — 1959 и 1961 годах. Наиболее интересным, по признанию многих знатоков его творчества, является исследование «Происхождение литовской нации», изданное в Париже в 1959 году — в год смерти Оскара Милоша.

Черей дала миру многих известных людей, к сожалению, забытых сегодня на родине. Роальд Романов хочет открыть в местечке, а ныне деревне, музей. Но, оказывается, одного желания

и вложенных финансов мало. Необходимо потратить время на хождение по бюрократическим лабиринтам, а затем получить позволение властных структур... Пока Романов восстанавливает в Черее старый дом и продолжает мечтать о музее.

В местечке в прошлые века жил известный талмудист Хаим Черейский. Сегодня о нем известно совсем немного.

Лауреатом престижных премий, вероятно, мог бы стать и Семен Владимирович Елинсон, но его докторская диссертация была издана всего в трех экземплярах под грифом «секретно», и о его исследованиях знает лишь узкий круг специалистов.

В «Заметках о пережитом» доктор технических наук профессор С.В. Елинсон повествует: «Я родился 25 декабря 1913 года в Белоруссии, в местечке Черей. В 1927 году окончил Черейскую школу-семилетку. Дальше в местечке учиться было негде». Для того чтобы стать «широко известным в узких кругах» наших засекреченных ученых и получить в Кремле медаль лауреата Госпремии СССР из рук Президента АН СССР Мстислава Келдыша, для того чтобы продолжить дело великого Альберта Эйнштейна в прикладной науке, пришлось Семен Елинсону поголодать в Оршанском ФЗУ на отделении деревообработки, а затем пробиваться в институт.

Нелегко пришлось и старшему брату Семы — Соломону Елинсону — дорастать до заведующего кафедрой экономики одного из минских институтов.

Трудный путь прошел школьный друг С.В. Елинсона — Соломон Абрамович Капелюш, московский ученый, известный советский экономист. Во второй половине тридцатых годов его назначили на должность начальника финансового отдела Союзснабсбыта Наркомата тяжелой промышленности. На страну накатывались страшные времена сталинских чисток. Соломону Абрамовичу вспоминают, что в молодости он был членом еврейской партии «Паолей Цион». Этого было достаточно, чтобы присудить к высшей мере наказания и привести ее в исполнение в 1938 году.

Что такое клеймо «врага народа», узнал на себе и Моисей Израилевич Аксянцев. Он родился в 1897 году в Черее в семье

бедного портного. Родители выбивались из сил, чтобы выучить детей. Моисей Аксянцев сам начинает работать и учиться. Ему не было еще тридцати пяти лет, когда он стал доктором медицинских наук, профессором, директором Казанского государственного института усовершенствования врачей. Не знаю, какую вину нашли за ним, но в 1937 году Аксянцев был осужден на десять лет лагерей как участник заговора троцкистов. В 1949 году его снова репрессировали — выслали в Красноярский край. И только после 1954 года он смог вернуться к научной деятельности.

Роальд Романов вспоминает, что выходцем из Череев был известный скрипач Каган. Известных скрипачей с такой фамилией много. И кто именно из них родился в Череев, я так и не выяснил. Зато мне точно известно, что отец известного музыканта Михаила Казиника, ныне живущего в Швеции, родился и вырос в местечке. Михаил мне как-то рассказывал: «Папа Семен Михайлович музицировал как любитель. Он все время вспоминал какие-то старые еврейские мелодии, которые еще в Череев наигрывал его папа. Мои родители, дедушки, бабушки профессионально не занимались искусством, но всегда были близки к нему, оно жило в них».

Среди земляков самую большую военную карьеру сделал Евгений Филиппович Ивановский, родившийся в Череев в 1918 году. Он дослужился до звания генерала армии, был заместителем министра обороны СССР.

«Проще было в период их детства первым коммунарам в Череев, — пишет в своих воспоминаниях Роальд Романов. — Им передали для коммуны усадьбу Милошей, принадлежавшую с конца XV века богатейшим магнатам Сапегам, а с конца XVIII века — предкам Оскара. «Красота парков и садов делала почти королевской резиденцией Черейское имение, — так утверждал Оскар Милош. — Здесь был замок в стиле XVIII века с театром и оранжереями; их образы часто мелькают в моих первых произведениях. А семья жила в большом старинном деревянном доме в стиле ампир, увешанном портретами моего рода и наполненным старинными вещами, которые во многом повлияли на развитие моего духовного мира».

Коммунары съели лебедей из многочисленных прудов и, лентяя добывать дрова в близком тогда лесу, сожгли в печах барского дома все, что могло гореть. «Красота парков и садов», воспетых Оскаром, горела ярким огнем. То, что от нее осталось, выкорчевывал с одноклассниками мой отец — ученик Черейской школы, которой передали дом Милошей после самоликвидации коммуны. Не были оставлены в покое и предки Оскара. Их останки были извлечены из родового склепа и разбросаны по католическому кладбищу. Взломанный склеп методично доламывался детворой, которая не ведала, что причастна к разрушению памятника мировой культуры».

Летом 2009 года я записывал на видео интервью с Роальдом Леонидовичем и попросил его рассказать о своей семье.

— У деда Федора Романова было восемь сыновей. Четверо, родившихся до революции, были записаны русскими, в том числе и мой отец Леонид Федорович, а еще четверых, родившихся после революции, записали белорусами. Моя мама еврейка. Вот такой парадокс вышел в нашей семье: папа — русский, мама — еврейка, а я — белорус.

Направленный в 1906 году в Черейскую больницу после окончания пятигодичного фельдшерского Могилевского училища, мой дед Федор Романов столовался у зажиточного Самодурова Севастьяна (моего прадеда) и его жены Варвары Ивановны (моей прабабки). Она приветствовала революционные настроения местных евреев и белорусов, бегала с красной косынкой по местечку в 1905 году, за что отсидела в полицейском участке.

Отец Варвары, мой прапрадед Иван Дубровский, возводил в Черее стены и свод величественного костела святого Михаила, а затем аналогичные храмы в Америке. Сегодня их показывают нашим туристам как свидетельство уровня американского зодчества. Маховик прогресса американской культуры запускался усилиями и наших предков. Потомки многих уехавших туда в начале XX века сегодня считаются коренными американцами. Иван Дубровский там не остался, а, заработав деньги, вернулся в Белоруссию и купил усадьбу в центре Че-

реи. Потом она перешла по наследству дочери Варваре, а затем внуку — моему двоюродному дяде.

В конце прошлого, XX века, в Черее была закрыта местная больница, вероятно, как посчитали местные власти, — за ненужностью. Больница же просто необходима пожилым людям, а их доля возрастает с каждым годом в Черее. Строилась больница — когда дед мой был здесь фельдшером — за счет отчислений от производственной деятельности местечковых евреев. Дед тогда не осознавал мудрость опубликованного в 1905 году в «Могилевских губернских ведомостях» ответа Л.Н. Толстого американскому корреспонденту: «Ни одного хорошего и полезного преобразования в России путем революции провести нельзя. Россия нуждается в распространении среди населения общих и прикладных знаний. Бедность и нищета — результат порочности жизни». Но за эту мысль великого писателя ухватились зажиточные черейские евреи, и один из них, за подписью Некто, обратился в тех же «Могилевских ведомостях» к властям с толковым предложением: «М. Черей, удаленное от уездного города, является центром для волостей Обчугской, Лисичанской, Черейской, Лукомльской, Замочской, Заречно-Толочинской, Ульяновичской, Раснянской, Высокогорецкой и для местечек Лукомля, Бобра, Обчуги, Черей. Образование дается трудно. Сенненское училище переполнено. На будущее нашего городского училища наше еврейское население готово отпустить 500 рублей с условием принятия в него еврейских детей без существующей нормы ограничений». На такую «наглость» власти не отреагировали.

В Черее многие неевреи свободно владели разговорным еврейским языком — идишем. Знал его и дядя моего отца Самодуров Алексей Севастьянович, дореволюционный педагог, а затем офицер и комендант в Одессе революционных времен. Его мать и моя прабабка Варвара Ивановна в детстве караулила еврейские сады, а затем брала их в аренду, закрепив за собой и потомками кличку Рында. «Рында Рында рындавала, за три грошы прадавала», — дразнили ее изгоняемые из сада дети.

Роальд Романов в детстве часто бывал в Черее. Здесь в довоенные годы жила его многочисленная родня, в школе работала мама.

— Черее до войны — это небольшой городок, вернее, еврейское местечко, — вспоминает Роальд Романов. — Было несколько улиц, центральными были Хильневичская и Горская. Их пересекали улицы Лукомльская, Борисовская, Могилевская. На центральных улицах были тротуары из дубовых досок.

В Черее были большие базары и ярмарки, куда привозили товары из всех окрестных местечек и деревень. Особенно многолюдными и шумными были ярмарки. На них можно было купить и продукты, и скотину, и конскую упряжь, и стройматериалы. А можно было просто погулять, встретиться со знакомыми, друзьями, выпить с ними водки или вина.

В местечке работали пекарни, молокозавод, швейная мастерская, но главное — было большое кожевенное производство. Я думаю, у черейского кожевенного производства многовековая история. Были огромные, зарытые в землю дубовые чаны, в них в дубовых растворах вымачивались кожи. Одновременно с этими кожами готовился и более тонкий материал — пергамент, для того чтобы писать на нем свитки Торы. Пергамент изготавливали на Лукомльской улице по освоенной в незапамятные времена технологии.

За свитками Торы приезжали заказчики издалека. Черее с древнейших времен была еврейским культурным центром.

Дед Семена Елинсона был переписчиком Торы — сойфертом. Он мастерски воспроизводил на пергаменте священные тексты, переписывая их с древних подлинников. Это мастерство бережно передавалось из поколения в поколение многие века.

В Черее жили иудеи, православные, католики, а прежде униаты, и никому не было тесно. Хватало места и для храмов, и для синагог, и для крестных ходов, и для шалашей, которые строили на еврейский праздник Суккот.

Костел был очень большой, с изумительным органом — это был памятник высочайшей архитектуры. К сожалению, взорван в годы войны партизанами отряда Садчикова. От ко-

стела сейчас ничего не осталось. На том месте, где он стоял, проходит дорога Бобр — Чашники.

Были в Черее две православные церкви. Одна создавалась женой князя Ольгерда — Ульяной, об этом повествует летопись. Эта церковь много раз перестраивалась... Сейчас там пустырь, на котором стоит крест.

Я помню три черейские синагоги. Одна находилась в центре местечка. Сегодня от нее остались стены, видны заложённые кирпичом старые окна, здание много раз перестраивалось, но оно еще существует. Два других здания синагог — исчезли.

В Черее до войны жило более трех тысяч жителей, из них 60 процентов — евреи. Сегодня в Черее проживает менее пятисот человек, и не осталось ни одного еврея.

Михаил Миркин почти на десять лет старше Роальда Романова и записи о родных местах сделал еще в сороковых годах. Михаил Миркин, или, как тогда его называли Мота, — одноклассник дяди Роальда Леонидовича — Виктора Романова и один из учеников учительницы русского и белорусского языков и литературы Эсфири Соломоновны Кац (матери Роальда Леонидовича). А 1940 году Мота Миркин стал студентом физмата Белорусского государственного университета.

...А потом была война. Как и многие земляки, Мота Миркин ушел на фронт. Храбро воевал. Имеет боевые награды. После очередного тяжелого ранения и выздоровления был направлен в Куйбышевское военно-пехотное училище. Как только услышал в конце июня 1944 года по радио сообщение Совинформбюро об освобождении Черее, тотчас же написал письмо родителям. С тайной надеждой на чудо — вдруг остались живы, он получит ответ.

Через полтора месяца — 14 августа 1944 года — солдатское треугольное письмо Моты Миркина вернулось к нему обратно. Начальник Черейской почты Щупляков написал на конверте о том, что «проживавшие в Черее Ваши родственники убиты немцами 6 марта 1942 года при избиении ими еврейского населения».

В архиве Михаила Миркина хранится этот солдатский треугольник, просмотренный военной цензурой № 06407.

В эти же дни, потрясенный полученным известием, Михаил составляет по памяти план довоенной Черееи. А потом в 1946 году делает записи в блокноте: «Череея — от железной дороги расположена далеко. До ст. Вятны — 18 км, до станции Бобр — 30 км. Находилась в очень живописном месте. Кругом замечательные леса, полные грибов, ягод, орехов. На окраине — большое озеро и Турецкие горы. Было очень много зелени и садов. Издалека виднелась соседняя деревня — Белая Церковь. И, в самом деле, белая высокая церковь всегда была видна издалека и выделялась, как маяк на море.

Озеро соединялось с другими водоемами и образовывало громадное водное пространство. А кругом чернели леса...

Работал винзавод, лесопильный завод, различные артели, за три километра — кирпичный завод, молочный завод, две хлебопекарни, кинотеатр, одна средняя, одна неполная и три начальных школы...

Была электростанция (вместе с мельзаводом), магазины (в том числе — универмаг), почта, детский дом, гараж, больница, ветеринарная лечебница, гончарная артель, леспромхоз, пожарная, ресторан, парикмахерская, изба-читальня, рыболовецкая артель, баня (на берегу озера), казармы (в которых когда-то размещались воинские части). Было много садов, а на озере — лодок. Кочевали цыгане.

Наш дом находился почти в самом центре: ул. Горская, дом 2. Между нашим домом и сельсоветом размещалась кузница».

В 1930 году Моту Миркина отправили учиться в первый класс еврейской семилетки. Начальные классы еврейской школы находились в одном из зданий возле костела. Рядом была спортивная площадка, где играли в футбол, волейбол, баскетбол, там же находились качели — всегда собиралось много молодежи. На сцене клуба выступали самодеятельные коллективы, ставили спектакли. Мота не пропускал ни одного, еще и потому, что в них была занята его мама. В клуб приезжа-

ли клоуны, силачи, играл духовой оркестр, были танцы. Проводили лекции, часто на антирелигиозные темы.

«Сначала нас учила Дольникова, потом — Мерзлякова, — вспоминал Миркин уже в зрелые годы, живя вдалеке от Беларуси, в Соединенных Штатах Америки. — Незаметно перешел во второй класс, а потом и в третий... Вспоминаю, как однажды устроили воскресник. Длинной вереницей мы растянулись от одного здания школы до другого и передавали дрова из рук в руки, пока не загрузили подвальное помещение...

В третьем классе нас учила пожилая учительница Капелюш. У нее был русский муж — Пшенко. Жили в конце нашей улицы — Горской — и к ней мне часто приходилось ходить по утрам, ибо к началу уроков она частенько вовремя не приходила.

В летнее время вместе с компанией ребят ходили на кирпичный завод, который располагался в трех километрах от нас. Интересно было смотреть, как обжигали кирпич.

Там было замечательно. Сколько птичьих яиц мы доставали из ласточкиных гнезд «цагельни». А природа вокруг какая прелестная!

В четвертом классе нашей учительницей была жена директора школы Доросинского — Ида (?) Генкина. До сих пор перед моими глазами стоит ее образ. Она была красивая, но в тоже время очень нервная и болезненная.

В пятом классе я стал немного серьезней и самостоятельной. Очень подружился с Семеном Казиником и Гилей Гуткиным.

Полный расцвет юношества я почувствовал в шестом классе, когда мне было около 13-ти лет. Учителя в семилетке у нас были замечательные: по математике — Яков Давидович Львович, по еврейскому языку и литературе, а также зоологии — Илья Наумович Хосид, по истории и географии — Шура Моисеевич Рабиновичсон, он же директор школы, по русскому, белорусскому языкам и литературе — Эсфирь Соломоновна Кац, по черчению — Гельфанд, по немецкому языку — Хайкина. Это был замечательный учительский коллектив.

Больше всего из учителей я любил Илью Наумовича Хосида. Это был молодой, жизнерадостный, полный энергии

и задора человек. Ему я многим обязан. Именно он привил мне любовь к искусству, музыке, литературе, природе, фотографии. Он организовал запомнившийся мне на всю жизнь фотокружок из учеников шестого и седьмого классов. Было сделано много различных фотографий, которые, к великому сожалению, почти пропали.

Особую симпатию и скрытую юношескую любовь питал к молодой, очаровательной, обаятельной и очень эффективной учительнице русского и белорусского языков и литературы — Эсфири Соломоновны Кац. Как горестно и тяжело мне было узнать о трагическом финале этой еще молодой жизни...

В выпускном классе нашей семилетки было 16 учеников. В 1938 году еврейскую школу преобразовали в русскую».

И хотя мужчины иногда поговаривали о войне, и были в Черее польские беженцы, которые под большим секретом рассказывали о зверствах гитлеровцев, всерьез никто не верил, что война с Германией начнется со дня на день.

А когда о ней объявили, старики сказали, что бояться немцев не надо — мол, были они уже здесь по время Первой мировой войны. Ничего страшного для мирного населения не сделали. Те, кто обучался политграмоте, уверяли, что Красная Армия быстро разобьет врага и война будет вестись на чужой территории. Из Черее почти никто не успел уйти на восток. До железной дороги далеко. Кроме гужевого транспорта, другого не было. Да и на гужевой — нашлись начальники, которые постарались вывезти детей, жен. Так что куда пойдешь с большими семьями? Да и жители до самого последнего момента находились в неведении.

На второй день войны дядя и старший друг Роальда Леонидовича — Сергей Романов, организовал отряд им. Чапаева, который состоял, в основном, из еврейской детворы, преобладавшей в местечке. Сергей Романов развернул полотнище карты Европы. Сопоставив величину нашего необъятного государства с Германией, все пришли к единодушному выводу о скорой нашей победе.

Но уже 5 июля 1941 года через Череею промчались танки и автомашины с гитлеровцами, а интернациональное един-

ство в местечке кануло в Лету. Эти стремительные изменения проанализировал главврач Черейской больницы Федор Михайлович Романов. Главврачом он стал в 1936 году, прослужив до этого 30 лет фельдшером и получив диплом с отличием Витебского мединститута. Будучи в 50 лет студентом, он зарабатывал на хлеб лекарским трудом на фабрике «КИМ», в городской поликлинике и на железнодорожном вокзале.

— В начале войны, когда наша армия отступала, части побросали раненых и их свозили крестьяне из окрестных деревень в больницу в Черее. Ее обслуживали семья моего деда и две медсестры, — рассказывал Роальд Романов. — Им никто не платил зарплату. Но бросить больных и раненых на произвол судьбы они не могли. Крестьяне привозили в больницу продукты: хватало хлеба, молока, масла. Немцы на это до поры до времени не обращали внимания.

Главврач Федор Михайлович Романов в совершенстве владел лекарским ремеслом, и его кончину 10 мая 1951 года оплакивали многие. После его похорон в письменном столе нашли объемистую тетрадь, написанную для нас, потомков. Ниже приводятся отдельные зарисовки с натуры.

Летом 1941 года Федор Михайлович видел, как «дружной семьей» вчерашние колхозники вышли в поле. Не стало ни стариков, ни инвалидов. Все вдруг превратилось в рабочую силу. Колхозный инвентарь перекочевал в частные сараи к наиболее сильным и нахальным. Колхозы распущены, вместо них организовались пятидворки. Проявлявшим особое усердие для достижения скорой победы над большевиками обещали вырезку хуторов до окончания войны. Бывшие бригады колхоза «Колос» мгновенно приспособились. У них море самогона, у них лошади, коровы, телята, свиньи, поросята, инвентарь колхоза. Но это только у них и им подобных. Настоящие труженики остались без хлеба».

— Жители Черей разделились во взглядах на будущее. Одни видели и понимали, что немцы здесь никак не удержатся. Их обязательно прогонят. Такого же мнения была и семья моего деда, — рассказывал Роальд Романов. — Другие — при-

ветствовали немцев, всячески пытались оказать им содействие. Бездельники, любители выпить, пограбить, в первую очередь, оказались в полиции. Туда же подались и обиженные Советской властью.

«1942 год принес полное разочарование, — это строки из дневника Федора Романова. — Немцы потребовали хлеб, мясо, яйца, кур, молоко, сено, солому и прочее. Чтобы сразу не испугать, вначале потребовали сдать колхозное, называя его «сталинским» и считая своей собственностью... Было организовано собрание черейской интеллигенции, на которое пригласили и меня. Стоял один вопрос: организация местной власти. В Черее еще не было коменданта, и было решено послать делегатов к немецкому коменданту в Крупки. Собрание предложило эту миссию Малявцеву и агроному Мурашко. С удовольствием они отправились и на второй же день были у коменданта Крупок. Возвратились с сияющими лицами: Малявцева утвердили бургомистром, а Мурашко — его замом. Малявцева я не поздравил и сказал, что ему не завидую. Его желание быть начальником меня не удивило. Будучи несколько лет председателем Черейской артели инвалидов, он жил на барскую ногу, бесконтрольно пользуясь всем, что попадало в артель.

Вслед за организацией управы сформировалась и полиция. Явились охотники, которые с удовольствием пошли на эту грязную работу. Первой задачей они считали грабеж еврейского населения. Отнимали ценности, вещи, хлеб, последние средства к существованию. Евреев заставляли выполнять безвозмездно все работы, запрягали их в телеги, заставляя на себе возить грузы, толкали, били. Жизнь евреев стала хуже египетской. Появились тревожные слухи о поголовном истреблении еврейского населения. Не хотелось верить, что в наш век, век цивилизации, можно дойти до такого зверства, как уничтожение целого народа. И кем? Страной, которая считала себя самой культурной в мире. Но расстреляны все евреи в Крупках, Толочине, Чашниках, Лукомле. Ценности и вещи хлынули к Малявцеву, Улаховичу и им подобным... Несчастные думали этим купить себе жизнь».

Черейских евреев не сгоняли в гетто, они жили в своих домах. Кушать было нечего. Они пытались обменивать вещи на продукты, просили милостыню. С ними боялись даже говорить, чтобы не навлечь на себя гнев немцев и полицаев. Единственное, что давало евреям возможность прожить, была рыба, которую ловили в Черейском озере.

В Черее издавна рыболовство было еврейским делом. Ловили сетями крупную рыбу, мелочь выпускали. Люди знали, когда приплывут к берегу лодки, и приходили за покупками. Особенно ценилась рыба к субботнему столу. Хозяйки заранее заказывали у рыбаков: кому нужна щука, кому судак, кому лещ. В годы Советской власти была образована рыболовецкая артель, которая объединила тех же евреев-рыбаков. Рыбу теперь сдавали на рынок, в магазин, в центре местечка появилась столовая, где можно было ежедневно покушать блюда, приготовленные из местной рыбы.

В годы войны евреи продолжали ловить рыбу, и зимой, и летом, правда, делали это с большим риском для жизни. Так продолжалось до марта 1942 года.

— Что произошло 5 марта 1942 года? — спрашиваю я.

Роальд Леонидович повторяет мой вопрос, а потом говорит:

— Не могу рассказывать.

Я вижу, что ему очень тяжело даются воспоминания.

— Может, отложим на другой раз, — предлагаю я.

— Нет, я скоро отвечу на ваш вопрос, — говорит Романов.

Он отходит в сторону, несколько минут стоит молча, потом возвращается и продолжает рассказ.

— 5 марта 1942 года — кошмарный день. Я знаю все со слов Маевского, моего друга, который был там и чудом остался в живых. Немцы к этому времени уже расстреляли евреев в Чашниках, Лукомле, других соседних местечках. Бежавшие оттуда евреи прятались в Черее. Почему черейским евреям дали возможность дожить до марта 1942 года — не знаю. Подробности этих страшных событий записал в своем дневнике мой дед Федор Романов, который тогда был намного моложе, чем я сегодня.

«В ночь с 4 на 5 марта 1942 года Череею окружил немецкий кровавый отряд с пулеметами и автоматами. Никто об этом не знал. Утром приказали всем евреям собраться в одном месте. Поняв, для чего собирают, многие бросились из местечка в поле, где были встречены градом пуль. Одни падали навсегда, другие поднимались и бежали вперед. В погоню бросились полицейские. Небольшой горсточке евреев удалось уйти от пуль для того, чтобы перенести голод и холод, но погибнуть от рук полицейских несколькими днями позже. Кроважадные звери в образе немецких солдат рассыпались по местечку. Проверяли дома, чердаки, сараи. В доме Шлемы Капелюша нашли двух маленьких детишек, которые здесь же были расстреляны офицером. По одному, на вытянутой вперед руке, он поднимал их за рубашонки вверх, выстрел из револьвера в голову — и жертва отбрасывалась в сторону, как прирезанный петух... Время близилось к вечеру. Бегство приостановлено. Стрельба прекратилась. Собранные евреи под усиленным конвоем немецких солдат и полицейских были приведены к яме, образованной взрывом. По десять человек их отделяли от общей массы и подводили к краю ямы. Очередь из автомата — и несчастные падали в яму друг на друга. Полученной от взрыва ямы не хватило, и лобное место образовали у силосной ямы; заполнили ее людьми вместо травы.

Моя еврейка (невестка Эсфирь Романова-Кац) в этот день забралась на печь в угол, свернулась калачиком и дрожала, как в лихорадке. Волосы на ее голове стояли дыбом. Она не пыталась бежать или скрываться из-за боязни, что пострадают я, семья. Она решила, что если суждено погибнуть, то умирать одной. Палачи зашли в дом, но на вопрос о жидах получили ответ, что здесь живет доктор Романов — русский, и его дети. Немцы ушли, не произведя обыска. До этого кошмарного дня приходилось не считаться с самолюбием, угождать полицейским, принимать их у себя, садиться рядом за стол, угощать. И полицейские сдержали слово: ни один не выдал мою еврейку. К этому времени она имела паспорт на имя Романовой Ефросиньи Семеновны».

— Я, тогда восьмилетний, был около своей мамы Фиры, — вспоминал Роальд Леонидович. — Для того чтобы получить «русский-немецкий» паспорт, моя бабушка Леля (Елена Севостьяновна Романова, в девичестве Самодурова) организовала крещение мамы в православную веру. Возвратившийся откуда-то в Черему священник, у которого бабушка в юности пела в церковном хоре, а затем стала его регентом, крестил по очереди мою мать, двоюродных сестер и брата Губиковых, меня, мою маленькую тетю Светлану, которая была моложе меня, своего племянника, на четыре года. Дед Федор в этом мероприятии не участвовал. В детстве и юности он тоже пел в церковном хоре. Обладавший слухом и голосом, пел в Михайловской церкви и я, под руководством бабушки Лели. Не помню, чтобы дедушка Федя и моя мама Фира (Ефросинья) были в церкви, которой бабушка Леля уделяла много внимания. Но Федор Михайлович, относившийся к Богу по-приятельски и иногда с некоторой иронией (позже, когда ему пришлось туго, он надеялся на Бога), никогда не мешал бабушке Леле заниматься церковными делами и подолгу стоять на коленях перед образом Черемской Божьей Матери, находившемся в правом углу восточной стены нашей зальной комнаты.

5 марта, в день расстрела евреев, бабушка почти все время стояла на коленях перед иконой, покидая ее на время только для необходимых по хозяйству дел. Я с сестрой находился на печи, рядом с моей лихорадочно дрожащей мамой. Когда на крыльце раздался громкий стук кованых немецких сапог, я спрыгнул на пол, помог слезть с печи сестре, за нами медленно начала спускаться мама. От страха ее глаза стали какими-то бесцветными, волосы на голове стояли действительно дыбом.

«Назад!» — рывкнула на нее влетевшая на кухню бабушка, и сжав могучей правой рукой мою тонкую шею и прижав левой к себе Светлану, она двинулась навстречу входящим немцам и разговаривала с ними, заслоняя нами троими проход на кухню. Оглядев нас, светло-русых, немцы удалились. Из больницы пришел взволнованный дед. Поглядев на дрожащую мою мать, он вытащил из кармана из-под халата ополови-

ненную бутылку самогона, налил полстакана ей, непьющей, и сказал: «Выпей, Фира, поможет успокоиться. Мне помогло». Мать взяла стакан дрожащей рукой, вдруг грустно улыбнулась и произнесла тост: «Немцами зовемся, дружно пьем свой шнапс» (шутка, придуманная еще до войны черейскими евреями). Сделав глоток, она закашлялась, из глаз потекли слезы. Дед погладил ее по голове и подтолкнул на печь. В это время уже все оставшиеся в живых евреи были загнаны полицейскими в гетто — большой пустой дом рядом с управой (бывшим сельсоветом). Его окна были забиты досками. Точное число загнанных туда никто никогда не узнает.

Последним старостой Черейской синагоги до 5 марта 1942 года был Саморце Дымков, который не имел своего дома и жил напротив Самодуровых у активного деятеля еврейской общины Алтера. Зятем Саморце был Давид Маевский, осужденный как «враг народа» секретарь Черейского райкома партии, педагог по образованию, преподававший в Черейской школе до ареста. Его жена — бывшая одноклассница моего отца Леонида Романова — Миня Фишкина успела родить сына Макса (Максима Давидовича Маевского). Превратившись внезапно в жену ликвидированного «врага народа», она вместе с сыном уехала под Барановичи, где учительствовала. Ее сын был отличником, и после окончания третьего класса его премировали путевкой в пионерский лагерь, который находился под Гродно. Там его и застала война. Оказавшись брошенной на произвол судьбы, пионерская братия стала разбредаться по домам. И Макс отправился к маме. Однако той сказали, что ее сын эвакуирован с лагерем на восток, куда поспешила и она. Узнав это, Макс направился к своему деду с бабкой и пришел в Черее. После того, как в их дом начали систематически по утрам наведываться полицейские и забирать все приглянувшееся, Максу стали подыскивать более надежное пристанище. В результате он, забрав припрятанную одежду бывшего секретаря райкома, отнес ее в дом Ани Дубровской, школьной подруги своей мамы. Поселившись у Ани и ее мужа полицейского, Макс некоторое время переживал, глядя, как мо-

лодой полицейский надевает черный бостоновый костюм его отца, безжалостно перепоясывая ремнем дорогой пиджак. Но вскоре Макса передали на хлеба к Свирским, а затем помогли определиться в Черейский детдом.

Когда начали собирать евреев, Макс прибежал к деду, обладавшему непререкаемым авторитетом во всей округе. Он увидел человека, напоминавшего осанкой и эффектной бородой известные портреты Маркса, олицетворявшего собою рассудительность, хладнокровие и спокойствие. Дед одел пальто, набросил талес, прикрепил филактерии, помолился и вместе с внуком влился в толпу единоверцев, направляемых полицейскими в гетто. Идя по мосту через овраг, сообразительный Макс сказал деду, что полицейские далеко и их не видят и нужно сойти под мост, там переждать, потом по оврагу за огороды, на окраину и в лес. Услышав это, дед обозлился и сказал: «Не понимаешь, что не немцы хотят нас убить, нас наказывает Бог». Они с трудом втиснулись в здание сельсовета. Сесть никто не мог — все были прижаты друг к другу. Макс заметил, что пол усеян красненькими советскими червонцами. (Они были в ходу на черейском рынке до расстрела евреев.) Вдруг на улице кто-то из полицеев крикнул: «Бей жидов!». По окнам стали стрелять автоматными очередями. Раздались женские вопли, застонали раненые, на пол стали оседать мертвые. Макс со всеми рванулся к выходу и вылетел за дверь. «Отпустите русского мальчика! Там русский мальчик!» — услышал он голос учительницы Черейской школы Екатерины Владимировны Захаревич. Она указывала на Макса, обращаясь к полицейским. Последние не реагировали. Оказавшийся рядом дед сказал: «Макс, беги, спасайся, как можешь, а нас наказывает Бог». Екатерина Владимировна схватила Макса за руку, выдернула из толпы и сказала: «Беги!». Он шмыгнул за здание сельсовета, пробежал за ним, выскочил на улицу и бросился к Михайловской церкви. Раздались автоматные очереди, и над ним просвистели пули. Он забежал за церковь на огород и какое-то время там прятался. Потом двинулся дальше. Вдруг увидел, как прямо перед ним полицейские убивают прикла-

дами винтовок стариков-евреев. Макс испугался и повернул обратно, медленно огородами добрался до дома Миркиных и вошел в него. Там было еще тепло, и, переночевав, огородами пробрался в детдом к своей койке. (Потом он приходил к нам, а затем, как и мы, оказался в партизанском полку Садчикова.)

Последним резником при черейской синагоге был Астрахан Моисей Мордухович. В 30-е годы его, как и остальных служителей культа, лишили избирательных прав. Вся семья стала «лишенцами». Духовных служителей различных религиозных культов приравнивали к агентам бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, к членам царствовавшего в России дома, к лицам, признанным в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, к осужденным за корыстные и порочащие преступления, к тем, кто пользовался наемным трудом, жил на нетрудовой доход, к частным торговцам, торговым и коммерческим посредникам и лишили возможности занимать ответственные должности, быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем, опекуном. Они не имели право получать пенсию и пособие по безработице. В 20-е годы началась кампания по выселению «лишенцев» из коммунальных квартир, а также исключению их детей из школ. Они были лишены возможности учиться в старших классах и получать образование в институтах. Вместо призыва в армию сыновья лишенцев зачислялись в так называемое «тыловое ополчение».

Моисей Мордухович Астрахан погиб во время уничтожения Черейского гетто 5 марта 1942 года. Вместе с ним погибли жена Песя (Кокина), младшие сыновья Яков и Исаак, беременная жена Исаака — Женя, внуки Нима и Неся, которые приехали погостить в местечко на лето в 1941 году.

В один ров, сраженные немецкими пулями, падали «лишенцы» и яростные борцы за новую жизнь, служители культа и бескомпромиссные атеисты. Фашисты не интересовались их политическими убеждениями. Их расстреливали не за классовую или идейную принадлежность, а только потому, что были они евреями.

Сын «лишенца» — Лев Астрахан воевал на фронте, не в «тыловом ополчении», а на передовой и сгинул во время боев в Харьковском котле в том же марте трагического 42-го года.

После расстрела евреев марадеры трудились день и ночь, извлекая из еврейских домов все, что можно было вынести. Сначала набрасывались на более ценное, а затем перешли на всякое барахло. В поисках ценностей ломали печи, трубы, поднимали полы, рыли землю. Макса и меня долго ужасали рассказы о собаках, которые таскали отгрызенные ноги и руки. Собаки съели целиком маленькие трупки родственников московского профессора Капелюша. А из середины заброшенной снегом братской могилы видели поднимающийся пар. Возможно, что у кого-то там какое-то время теплилась жизнь.

Черя находилась на оживленном пути Борисов — Витебск, действовавшем до войны и даже после нее в зимний санный период. И если нам были известны отдельные события, происходившие в Борисове, то немцам не представляло никакого труда получить из борисовского ЗАГСа подлинные сведения о родословной моей мамы Эсфири Соломоновны Кац. Педантичный немецкий следователь чашникского гестапо ознакомил маму с полученными им сведениями из Борисова.

Помог ей спастись немец — комендант Чашников капитан Швебель. Он, сам учитель, отнесся к Эсфири Соломоновне как к коллеге и сделал вид, что не знает ничего о ее происхождении.

После войны дотошный советский следователь в Гродно, который никак не мог понять, как она, еврейка, осталась живой, чтобы ее уличить в связи с оккупантами, задавал вопросы на немецком языке и попросил, чтобы она чистосердечно призналась на немецком в примененном ею методе обольщения следователя чашникского гестапо.

Мать работала завучем Поречского детдома. Она учила детей музыке, пению, руководила художественной самодеятельностью, выезжала с ней, аккомпанировала на пианино и аккордеоне, подменяла заболевших учителей в школе, в том

числе и отца, который тяготился педагогической работой и умел после пьянок «плевать на все и беречь здоровье». Гродненский следователь был евреем, но с русской фамилией. Его немецкая речь была переполнена не только местечковыми еврейскими интонациями, но и отдельными словами из языка идиша. Мать ему и написала, что ее выпустили из чашникского гестапо не столько потому, что у нее был русский паспорт и имя Ефросинья, а из-за ее немецкого литературного языка, за которым она следила. А его выдает местечковая лексика, о чем он, вероятно, не знает. Больше следователь ее не вызывал. Вызывали другие, запугивали.

Мы продолжали в витебском сквере записывать интервью с Роем Леонидовичем Романовым, а вокруг собирались люди. Многие из них (потом они сказали об этом) впервые слышали такой правдивый рассказ о войне.

— Мой дед Федор Михайлович Романов, отец, мама, я — все мы пришли в партизанский отряд, которым командовал Садчиков. Мне тогда было десять лет, и, чтобы быть более точным, обращусь к воспоминаниям других очевидцев тех дней: «Особую роль в освобождении Черей сыграл доктор Федор Романов — не только отличный терапевт и хирург, но и мужественный человек. Сын его Леня был женат на местной учительнице еврейке Фире, типичном представителе своего этноса. Семья Романовых в полном составе поступила в наш полк. Леню, весельчака и гитариста, зачислили в один из создаваемых отрядов, а Фиру направили в нашу редакцию на должность корректора. Их сын Алик стал сыном полка, был словоохотлив, любознателен». Так написал в книге *«Рагуга над горогой» (Минск, 2000)* Виктор Александрович Громько, профессор, Народный художник Беларуси, бывший художник редакции «Народный мститель» и комиссар отряда полка Садчикова.

В марте 1944 года мощная группировка гитлеровцев загоняла партизанский отряд Садчикова в болота, используя при этом авиацию и танки. «Полк выстоял, несмотря на слабое вооружение. Только нашим батальоном подожжено два танка, один из которых на счет моего сына Леонида», — писал дед. За этот

подвиг отец был представлен к ордену Отечественной войны. Приказ был зачитан перед строем, но награждение не состоялось. Оскорбленный отец переживал несправедливость до своей кончины. Отступая, нам пришлось прорываться по простреливаемому открытому, освещенному подожженными домами полю. Рядом с матерью разорвалась мина, и осколок прошил ей шею. В кармане куртки, доставшейся мне от смертельно раненой жены командира полка, был перевязочный пакет. Я перебинтовал ей рану. Мать не могла встать на ноги. Позже дед написал: «Невестка была легко ранена в шею, но потеря крови и нервное потрясение при полном отсутствии еды ослабили ее. Приходилось вести под руки или прибегать к носилкам. Я не мог оказать ей помощи, поскольку еле передвигался сам. Наш бедный Алик остался по ту сторону дороги в болоте».

Страх, вселившийся в годы войны, жил у мамы всю ее короткую жизнь и не оставлял уже никогда.

В начале 60-х годов я увез ее к себе в Горький, где работал прорабом и учился заочно в институте. При первом же посещении врача (по ее абсолютному убеждению, очередного следователя) определилась ее судьба — психлечебница. Мать ее восприняла, как гестапо с надзирателями-народниками и полицаями (переодетыми в санитаров) и следователями, представляющимися врачами.

«Зачем ты отдаешь им меня? И ты с ними?» — спросила она, глядя мне в глаза. Мама отказывалась есть, ее поддерживали инъекциями. Вскоре от легкой простуды она скончалась. Хоронить маму решили на родине. Провожали последнюю еврейку Черей и Отличницу народного образования БССР многочисленные родственники, учителя, ученики и многочисленные знакомые. Все долго, без речей, стояли у могилы, несмотря на трескучий мороз.

Мне в тот день, 28 декабря, исполнилось 28 лет от роду. Маме было на 16 лет больше...»

На месте расстрела еврейского населения Черей в 50-е годы поставили памятник...

КРАСИВОЕ МЕСТЕЧКО ОСТРОВНО

Островно, сейчас это небольшая деревня в Бешенковичском районе Витебской области, встречало меня солнечной погодой и памятниками. Их несколько, сразу у автобусной остановки на шоссе.

На высокой стеле укреплена плита из белого мрамора. На ней золотыми буквами написаны слова: «Здесь, на полях сражений под Островно, Куковячино, Добрейкой 13 – 14 (25 – 26) июля 1812 года 9-тысячный отряд русских войск под командованием генералов Остермана-Толстого и Коновницына стойко держал оборону против 20-тысячной армии Наполеона, чем обеспечил беспрепятственное соединение 1-й и 2-й русских армий у Смоленска».

...Многострадальная и героическая земля. В этих словах нет и мизерной доли пафоса. За последние столетия над этими деревнями и местечками, над полями, лесами, озерами прогремело много войн, принося разрушения, хаос и смерть. Для запада эти места были воротами к Москве и центру России, для Москвы – воротами на запад. Причем, самые ожесточенные, решающие сражения состоялись именно здесь – такая судьба этих мест.

Буквально в пятидесяти метрах – следующий памятник. В тени деревьев – высокая пирамида, увенчанная красной звездой. Памятник посвящен «Светлой памяти патриотов-земляков, погибших в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». И здесь же фамилии партизан, солдат и офицеров Красной Армии, погибших в боях с фашистами. Безусловно, стремились сделать этот перечень как можно более полным. Но не все фамилии героев, положивших свои жизни на алтарь Победы, на памятнике. О ком-то из погибших уже некому вспомнить в Островно – нет родственников, друзей, соседей.

Исаак Рыжик был из большой семьи. Родился и учился в Островно. Потом заканчивал учительский институт и работал директором сельской школы в Витебском районе. На фронте был политруком. Погиб под Сталинградом. Полное имя — Иче Мордухович Рыжик — выбито на мраморе Мемориального комплекса Мамаева кургана. Верю, что имя будет увековечено и в Островно.

Так же, как недавно было увековечено имя Вейлера И.С. Об этом я узнал от Галины Дудкиной. «В районе Островно в день освобождения Витебска от фашистов (26 июня 1944 года) погиб родной дядя моего мужа — Вейлер Исаак Симонович. Узнали мы об этом благодаря непростым поискам, спустя более чем 60 лет после его гибели, и смогли увековечить его имя на памятнике погибшим советским солдатам, освобождавшим Островно».

Имен и фамилий, о которых некому вспомнить, в Островно немало. Может быть, с помощью этой статьи нам удастся пополнить список фамилий солдат, погибших в годы войны.

Через несколько сотен метров, у здания сельского клуба, еще один комплекс памятников. На скромном гранитном камне, который летом прячется в высокой траве, надпись: «Тут, у мястэчку Астроўна, 4.IV.1557 г. нарадзіўся Леў Сапега. Выдатны дзяржаўны і грамадскі дзеяч Вялікага княства Літоўскага».

К сожалению, сегодня даже в Островно далеко не все знают имя легендарного земляка.

Приблизительно с того самого времени, с середины XVI века, и известно это местечко. Оно даже получило Магдебургское право, о чем в начале XX века еще напоминали развалины местной ратуши. Но лучшие времена населенного пункта, расположенного в удивительно красивом месте, у озера с островами, ушли в прошлое или находятся в далеком будущем.

Здесь же, на сельском клубе, Мемориальная доска. «26 июня 1944 года 54-й гвардейский стрелковый полк 19-й гвардейской дивизии под командованием полковника Полевого Ф.Х., начальника штаба майора Ноздрюхина В.М. в ожесточенном и неравном бою освободил с. Островно от немецко-

фашистских захватчиков и закрыл выход окруженному противнику из Витебского котла. Слава гвардейцам».

В годы войны Островно серьезно пострадало, самые большие потери были, когда советские войска освобождали населенный пункт. Четыре раза господствующая над местностью высота и церковь, стоящая на ней, в которой засели немецкие пулеметчики, переходила из рук в руки. Советские войска вели огонь с южной стороны, поэтому самые большие повреждения в мощной каменной церковной стене остались с этой стороны. Многие островенские дома сгорели, особенно в центре местечка. От них остались только высокие фундаменты, на которых после войны были построены новые здания.

И, наконец, еще один памятник у сельского клуба. Памятник, без которого невозможно себе представить ни одного советского города или поселка, — на постаменте Владимир Ильич Ленин. Целая эпоха в нашей жизни связана с этим именем.

В Российской еврейской энциклопедии об Островно, которое когда-то было еврейским местечком, написано: «В 1765 году в Островно проживало 167 евреев, в 1847 году — 405, в 1897 году — 514 (60,6%), в 1923 году — 410 евреев.

Первое упоминание о евреях Островно относится к концу XVII века. В 1867 году в Островно действовала синагога; имелось еврейское кладбище. В 1899 — 1907 годах раввином в Островно был Меир-Ицхок Гольдберг (1871 — ?), в 1910-х гг. — Июшуа Лейн (? — 1941).

До 1812 года здесь велась значительная торговля, было до 120 кирпичных лавок. Но во время войны с Наполеоном Островно было разорено французскими войсками и после их ухода осталось всего пять кирпичных лавок.

Островно — родина Гдаля Григорьевича Гельштейна (1917 — 1989, Москва), кардиолога, доктора медицинских наук, профессора, в 1950 — 1989 гг. возглавлявшего лабораторию функциональной диагностики в Институте сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, автора более двухсот научных работ, в том числе пяти монографий, Заслуженного деятеля науки РСФСР».

Какими событиями жило местечко сто лет назад, в начале XX века? Самыми обсуждаемыми были холерные волнения, произошедшие 25 августа 1909 года, когда жители Островно, руководимые местным писарем, воспрепятствовали доставке в находящийся в местечке холерный барак больных из соседней деревни Бутришово и заколотили окна барака досками. Потребовалось даже вмешательство властей. Против виновных было возбуждено, как тогда говорили, преследование.

Второе событие, менее важное, но и про него говорили несколько дней. Танхель-Янкель Рыжик поймал сизого голубя, у которого на правой ноге было закреплено металлическое кольцо с надписью «Москва». Старики пожимали плечами, спрашивая друг у друга: «К чему бы это?».

Еврейские страницы в истории Островно уже перелистаны временем, и только пожилые люди могут вспомнить имена и фамилии еврейских соседей, некогда живших здесь. Чаще вспоминают имена. Один старик в Островно, еще сохранивший чувство юмора, сказал мне: «Об ваши фамилии можно ноги сломать».

В начале девяностых годов я несколько раз приезжал в Островно с Раисой (Ривой) Рыжик. Она жила в Москве, но здесь была ее родина, о которой она постоянно с любовью вспоминала. Во время сентябрьского расстрела 1941 года, когда фашисты и их прихвостни решали «еврейский вопрос», погибли ее многочисленные родственники. Я редактировал книгу Раисы Рыжик «Спаси и помилуй» (Витебск, 1997), посвященную родному местечку, родственникам. Книгу, в которой она рассказала о своей драматической судьбе.

Чудом избежав расстрела в Островно, испытав на себе весь ужас гетто, побывав в партизанах, хлебнув рабского труда в Германии, она осталась жива. «Я написала книгу, чтобы рассказать всю правду о том, что было», — так она однажды сказала мне.

Ее рассказ, записанный на диктофон при нашей первой встрече, я решил оставить целиком без каких-либо комментариев.

Рассказ Раисы Рыжик

Мои предки по материнской линии были выходцами из Прибалтики. Они жили в Риге до 1914 года. С началом Первой мировой войны этот город покинуло много евреев. Частые ночные погромы, издевательства, надругательства — все это заставляло искать новое пристанище несчастным людям. Две сестры матери уехали в Йоханнесбург в Южно-Африканскую Республику. А моя бабушка — Бэла Берман с двумя дочерьми Басей и Ханой, перебралась в местечко Островно. В те годы здесь появилось много евреев-беженцев из Прибалтики и западных районов Белоруссии. Царское правительство, пытаясь оправдать свои поражения на фронтах, обвинило евреев в том, что они поставляют немцам информацию, и выселяло их из прифронтовых территорий.

Бася Берман — моя мама. Она родилась в 1898 году. Хана Берман — моя тетя, моложе мамы на шесть лет. В 1916 году мама вышла замуж за еврея из Островно Нохима Рыжика. Это был счастливый брак, от которого родилось шестеро детей. Я была четвертым ребенком. Росла веселой, энергичной. Любила стирать, убирать, только учиться ленилась.

Семья была большая, за стол садилось не меньше десяти человек. Для всех существовали строгие правила поведения. Сначала дедушка читал молитву, потом мы начинали кушать. У нас дома было тихо и спокойно. Моя мама жила со своими свекрами. В такой ситуации часто бывает недопонимание, но я никогда не слышала, чтобы у нас кто-то ссорился.

В 1936 году умерла маленькая сестра Бела. В 1938 году от брюшного тифа умер старший брат Абрам. Он скончался в день своего двадцатилетия. Это был страшный удар для всех, но особенно для мамы. Она как-то сразу постарела. Когда я шла рядом с мамой, незнакомые люди говорили, что это моя бабушка.

Дедушка по отцовской линии, Рыжик Мотл Рувимович, был мастером на все руки: кровельщик, бондарь, стекольщик, столяр. В дни, когда непогодилось, дедушка оставался дома,

плел лапти, корзины. За работу ему не всегда платили деньгами. Приносили картофель, грибы, мед, ягоды, фрукты, даже ячмень. Любой оплатой дедушка был доволен. Жизнь была тяжелой. Работали в колхозе, за трудодни платили картошкой, огурцами, ячменем, льняным маслом.

Мама работала на льнозаводе рабочей. Зарплата у нее была маленькая, но все-таки платили деньгами, и иногда мы позволяли себе купить селедку, сахар. Что-то приносил на наш стол и маленький приусадебный участок.

В Островно была школа-десятилетка. В ней учились дети из местечка и соседних деревень Вальково, Панкратово, где были школы-четырёхлетки. Я быстро справлялась с домашними делами и сразу уходила на улицу. Часто забегала к соседям. Встречали меня от всей души, угощали чем-то вкусным. Наша семья тоже встречала гостей радушно. В праздники на стол ставили рыбу: заливную, фаршированную, рыбные котлеты — излюбленное наше угощение. Рыба в доме была. Озеро рядом. Знакомых у нас было много, даже из соседних деревень и сел.

Дедушка был религиозным человеком. Иногда он брал меня с собой в синагогу. И я помню, как на Рош-Га-Шона (еврейский Новый год) трубили в шафар, в Йом-Кипур (Судный день) все были в белых одеждах, на Песах дедушка рассказывал Агаду.

В середине тридцатых годов синагогу в Островно закрыли, но верующие люди по-прежнему собирались и молились в чьем-то доме. Старались лишний раз не привлекать к себе внимания. В предвоенные годы миньян собирался в нашем доме. Мой дедушка Мотл был у них старшим. У нас хранился свиток Торы.

Время было беспокойное, говорили, что назревает война. Когда до меня доходили такие разговоры, становилось страшно. Ночью я укрывалась с головой одеялом, как будто так можно было спрятаться от всех несчастий, а днем, когда мы с мальчиками играли в войну, я пряталась от «врагов». Кто мог знать, что это пригодится мне в жизни?.. Мама очень переживала за меня, думала, что я девочка несерьезная, легкомысленная.

Мне трудно было понять, что от меня хотят, что вызывает у них тревогу.

В Островно часто устраивали вечеринки, где молодежь собиралась потанцевать. Я тоже любила танцевать, петь. Никто меня не удерживал, не запрещал. По возвращению домой рассказывала, как весело было. Я в отца — он был весельчаком.

22 июня 1941 года, воскресенье... Помню, я гуляла по Островно, зашла на почту. Там была единственная радиоточка в нашем местечке. Люди часто заходили туда, чтобы узнать последние новости. И я приходила послушать, что в мире делается, на людей посмотреть. В тот день я встретила на почте новую в местечке девочку — Шуру Богданову. Мы познакомились, и она мне рассказала, что по радио сообщили: «Началась война, ночью немцы бомбили многие города». Я быстро побежала домой, стала рассказывать обо всем, что узнала, и в ответ получила затрепину. «Ты понимаешь, что говоришь?» — сказала мама.

Страшно было в те дни всем. И родственники, и знакомые собирались вместе, надеясь, что коллективно легче найти правильный ответ на вопрос: «Как жить дальше?»

У нас гостила папина сестра Рахиль, приехавшая на летние каникулы из Витебска. Ей было двадцать лет. Ночью с двадцать второго на двадцать третье июня к нам приехала жена дяди Исаака — Лиза с двумя детьми. В Островно жила еще средняя сестра отца — тетя Рива, по мужу Афремова, с двумя девочками — Дорой и Раечкой.

И вот на третий день войны мы решили покинуть местечко. Взяли небольшие узелки. Когда выходили из Островно, нас догнала грузовая машина. Из нее выпрыгнул дядя Абрам Афремов и сказал: «Быстро залазьте в кузов». Мы погрузились в машину. Там уже сидел молодой мужчина, которого задержали наши войска, посчитав диверсантом. Дядя Абрам должен был доставить его в штаб. Мы ехали в Витебск. Довезли нас до первых городских домов и высадили. Дядя Абрам сказал, что сдаст диверсанта и, как только освободится, поможет нам. Больше мы дядю Абрама не

видели, и дальнейшая его судьба неизвестна. Наверное, он разделил судьбу тысяч солдат, погибших в неразберихе первых военных дней.

Мы вынуждены были пешком отправиться дальше. Дошли почти до Смоленска и узнали, что немецкие войска уже на подходе к этому городу. О нашем дальнейшем пути на восток нечего было думать. Дедушка решил, что надо вернуться. Его слова были законом, и мы пустились в обратный путь. Возвращаясь домой, видели, как фашисты гонят пленных, раненых, голодных, измученных. Никогда не забуду, как фашисты пристреливали тех, кто отставал, падал и не мог подняться. Всю дорогу нас преследовало это страшное видение, и мы плакали. Мама всех успокаивала, говорила, что немцы — цивилизованная нация, что они культурные люди.

Когда мы вернулись в Островно, узнали, что с 9 июля здесь уже разместились немецкая воинская часть. А 19 июля 1941 года на стенах домов, на столбах были развешаны приказы, сообщавшие, что евреи должны покинуть дома и переселиться в гетто — десять домов, отведенных на правой стороне улицы, разделявшей местечко. Дома напротив были заняты воинской частью.

Согласно приказу, мы должны были пришить на верхнюю одежду желтую нашивку.

Гетто не было ограждено проволокой, но свободно ходить запрещалось. В первый же день был расстрелян Арон Штукмейстер. Арону был всего двадцать один год. Молодой красивый парень погиб только за то, что не понял, почему он должен тесниться в чужом доме в то время, когда у него есть свой. Но его дом был на другой улице, и жить в нем ему и его семье запретили. Арон не выполнил фашистский приказ и погиб.

В одном доме нас поселилось восемнадцать человек. К нам повадился ходить немецкий солдат. Он выдавал себя за еврея, рассказывал, что, когда в Германии к власти пришел Гитлер и стали преследовать евреев, его семья переехала в Гамбург и скрыла свое происхождение. Мы не верили ему. Да и как можно было поверить, чтобы солдат немецкой армии первым

встречным рассказал свою тайну, за которую его могли расстрелять! Усаживался немец на стул посередине большой комнаты. Однажды я услышала, как моя мама просила его спасти мою старшую сестру Сару. Немец обещал спасти сестру, увезти ее в Гамбург. Когда я услышала об этом, спросила: «А что будет со мной?» Немец обещал помочь мне тоже. Через два дня после его последнего визита в наш дом пришла настоящая беда.

Вторник, 30 сентября 1941 года. Раннее утро. Канун еврейского Нового года — праздника Рош-а-Шана. У нас в доме не было даже крошки хлеба. Взрослые ушли на поиски еды. Осталось нас трое: моя старшая сестра Сара, младший брат Моисей и я.

Подхожу к окну. Оно выходило на дорогу. Было видно, кто входит и выходит из Островно. Подъехало несколько машин, из них выпрыгнули немцы, держа наготове автоматы. Немцы были одеты в черное. Они окружали дома, где жили евреи. Я позвала к окну сестру и брата. «Смотрите, — показала я на улицу, — готовится что-то страшное. Надо попробовать выйти из дома». Уговаривала их пойти со мной, но они не согласились. Ждать взрослых было некогда.

Я выбежала из дома во двор, пролезла под забором, дворами добежала до границы гетто. Через несколько десятков метров жили Богдановы. Забежала к ним и попросила спрятать. Мать Шуры молча протянула мне паспорт. Я открыла документ и прочитала: «Богданова Александра Александровна, 1924 года рождения, украинка, родилась в Днепропетровской области». Шурина мама стала объяснять мне, что оставить меня в своем доме она боится: за укрывательство евреев немцы грозили расстрелом. Она сказала, что сейчас я выгляжу старше своих лет и на фотографии очень похожа на Шуру.

Я быстро выбежала из дома. Увидела, что два фашиста с автоматами ведут брата моего дедушки — дядю Сайю. Он хотел спрятаться у Букштыновых. До войны они соседски жили. Дядя Сайя прихватил с собой скрипку, на которой замечательно играл, и попросил соседей впустить его в дом. Те отобрали скрипку, наверное, подумали, что в ней спрятаны деньги, а дядю Сайю выдали фашистам.

Я стояла, как вкопанная. Фашисты посмотрели на меня. Дядя Сайя опустил глаза и сделал вид, что меня не знает.

Выбежала из Островно. Я была на окраине русского кладбища. Слышу шум идущей машины, в кузове вижу мужчин. Притаилась в кустах. Машина остановилась, фашисты вытолкнули людей. Мужчины были с лопатами. Фашисты заставили их копать яму.

Потеряла счет времени. Затем услышала автоматные очереди... Несколько фашистов остались около ямы, машина развернулась и уехала. Через некоторое время привезли женщин и детей. Я видела, что женщины о чем-то говорят. Через несколько дней узнала, что перед расстрелом успели сказать последнее слово Рыжик Рахиль — моя молодая тетьа двадцати лет, сестра папы, учительница младших классов, Кролик Фрида — студентка мединститута, Аня Афремова — студентка пединститута. Они говорили, что фашистам отомстят за смерть невинных людей.

Недалеко от ямы стояли те, кто пришел посмотреть на это страшное зрелище.

Я потеряла сознание. Пришла в себя, когда стемнело. Старалась подползти к месту казни и услышала пьяные голоса. Стоя рядом с расстрельной ямой, фашистские прислужники рассказывали друг другу какие-то истории. При этом смеялись, курили, сплевывали сквозь зубы. Только, когда прямо под ногами начинала вздрагивать земля, полицейai боязливо отходили на шаг в сторону. Из их разговора я поняла, что земля на могиле шевелится, потому что в нее падали не только убитые, но и раненые, и они оказались заживо погребенными. Фашисты приказали полицейai охранять могилу, чтобы не дать никому из нее выползти.

Через несколько дней я узнала, что сразу после расстрела в Островно фашистами была устроена пьянка-гулянка.

В услужение к немцам пошли Петр Савельевич Ковалевский, Михаил Павлович Сорокин, Анатолий Сергеевич Букштынов. Были и те, кто позарился на еврейское добро. Молодая женщина, ее звали Фрося, знала, что у Фриды Кролик

лежит новый отрез на пальто. Она привела к ней гитлеровца и сказала ему: «Забери у жидовки отрезик, а мне отдай».

Когда после расстрела у жены Шумова фашисты вырвали изо рта золотые коронки, Фросе перепало золотишко. Так с ней рассчитывались за любовь.

Я побрела в деревню Вальково. В нашу школу ходили вальковские ребята. Председатель колхоза Варлам бывал у нас дома. К нему я пришла поздно вечером, на третий день после казни. Рассказала, что всех наших расстреляли. Меня уложили на лавку спать. Я не могла уснуть и вдруг услышала стук в дверь. Зашла молодая женщина. Из разговора поняла, что это учительница начальных классов из деревни Вальково. Женщина рассказала Варламу о расстреле в Островно.

«Тихо, — ответил ей Варлам, — здесь у меня спит жидовочка, не знаю, что с ней делать, завтра, наверное, сдам полиции». Я решила, что надо срочно уходить. На вопрос Варлама, «Куда иду?», ответила: «По нужде».

Выбралась из деревни. Иду и плачу. Вдруг слышу, кто-то зовет: «Ривочка, зайди в сарай». Голос знакомый. Это дядя Израил Шумов, ему было лет сорок — сорок пять. С ним Мотл Шамес — молодой парень лет шестнадцати — семнадцати и девушка Дора.

Дора вместе с семьей приехала из Западной Белоруссии. Ее отец был партийным работником. Они пытались эвакуироваться дальше на восток. Но отец по дороге заболел, и им пришлось остановиться в Островно. В их семье было четыре человека: отец, мать, Дора и ее младшая сестра Лиля. Мы с Лилей подружились, и потому я хорошо знала эту семью. Когда евреев загоняли в гетто, Дорины родители договорились в соседней деревне с русской семьей, хорошо заплатили им, и дочка переехала к ним жить. Когда Доре рассказали о расстреле в Островно, она пришла узнать о судьбе родных. Ее схватили полицейские и посадили в подвал. Охранял Сорокин Миша, наш островенский парень, который стал полицаем. Он пообещал освободить Дору, если она переспит с ним. Девушка согласилась, но попросилась выйти. Ей удалось перехитрить

полицая и убежать. Сорокин гнался за ней, стрелял. Но, к счастью, Доре удалось спастись.

У Шумова Исраила погибли жена Пейса, мать жены и дочь Сима. Он рассказывал мне, что его четырнадцатилетняя дочь перед расстрелом была изнасилована фашистом, а потом ударом приклада сброшена в яму. В семье Шумовых воспитывалась племянница семи-восьми лет. Ее тоже звали Симой. Мама маленькой Симы умерла во время родов. И тогда малышку взяли на воспитание бабушка и тетя. Отец Симочки жил в Москве или в Ленинграде. И вот, когда стали забирать Шумовых, в дом забежала русская женщина и со словами «Это моя девочка» забрала маленькую Симочку. Имя этой женщины — Репиня.

Шамес Мотл жил с отцом. Отца расстреляли, а Мотл смог убежать и скрыться. Недолго прожили Исраил Шумов и Мотл Шамес. Они были зверски убиты в деревне Журавли полициями. Дора сумела отыскать в лесу партизан и примкнуть к ним.

Утром мы решили разойтись. Я направилась в деревню Панкратово, где жила семья, которая когда-то обращалась к моим родным за помощью. У них была больная дочь, и ее надо было положить в больницу. Мои родственники помогли этой семье. Я решила, что они мне тоже помогут. Долго разыскивала этих людей, потому что не помнила даже их фамилии. Наконец, нашла. Их дом был вторым, если идти из леса. Я сразу не сообразила, как представиться, заплакала. Женщина позвала меня в дом, дала воды. Я рассказала о себе. «Надо думать, как спасти тебя», — сказала женщина. Она дала мне другую одежду, велела, чтобы я не разговаривала, если в доме будут чужие люди. «Ты плохо выговариваешь букву "р", и сразу поймут, кто ты», — объяснила она. Мы вышли за дом накопать картошки. К забору подошла соседка, поинтересовалась, кто я. Моя спасительница сказала, что приехала племянница из Витебска, там голодают, надо дать ей с собой еды.

Однажды я увидела, как по деревне идут партизаны. Впереди шел высокий молодой человек лет тридцати, одетый в

черное. Бушлат, костюм, шапка — все как у железнодорожника. Это был командир отряда Анатолий Федорович Калинин. Рядом его заместитель — Станислав Конопьюк. Я подошла к ним и рассказала, что со мной случилось. Среди партизан был боец, которого звали Семен. Невысокого роста, светловолосый, на еврея, вроде, не похож. И вдруг командир обращается к нему и говорит:

— Девушка утверждает, что еврейка. Поговори с ней на вашем языке.

Семен стал говорить со мной на идише. Оказалось, что он из Украины. Язык у нас один, но диалекты разные. Я не все понимала, особенно когда Семен быстро говорил. И сказала ему об этом тоже на идише. Он рассмеялся и доложил командиру:

— Еврейка. Сомнений нет. Только говорим мы чуть-чуть по-разному.

Меня взяли в отряд. Я рассказала командиру все, что видела в деревне. И про тот дом, где хранится награбленное еврейское добро. Командир спросил у меня:

— Ты узнаешь вещи, которые взяли у евреев?

— Узнаю, — ответила я.

Мы пошли в деревню. Зашли в тот дом. Там была одна женщина. Она стала плакать, говорить, что на них наговорили.

Я сказала партизанам:

— Пошли в подвал, посмотрим.

Мы спустились в подвал. Там лежали пальто, шапки. Я узнала вещи дяди Исаака, отца Шамова, других людей. Мы забрали их и приодели партизан из нашего отряда.

Я осталась в отряде. Меня стали отправлять в разведку. В деревнях были полицейские, и я должна была узнавать, сколько их и где они размещаются.

В лесу я была недолго. 14 ноября 1941 года рано утром началась стрельба. Опыта партизанской войны у бойцов не было. И однажды отряд выследили. Наши землянки были окружены фашистами и полицейскими. Отряд принял бой. Командир приказал выходить из окружения. На запасную базу нас выводили Станислав Конопьюк и Иван Шевченко. Я шла без обуви,

в чулках, как выскочила из землянки. Иван Шевченко обрезал рукава в телогрейке, сделал мне из них чуни. Идти стало легче. Три дня выходили мы из окружения. В бою был смертельно ранен командир отряда Анатолий Федорович Калинин, пограничник Николай Носов и многие другие.

На запасной базе собралось всего человек пятнадцать. Меня и Сережу Андриясова отправили в деревню достать что-нибудь из еды. Когда мы ушли, снова был бой, и все наши товарищи по отряду погибли. Мы в лесу остались с Сережей вдвоем.

Это было 18 ноября 1941 года. Решили передвигаться от деревни к деревне и представляться как брат и сестра, сироты. Попрошайничали, встречали разных людей, и хороших, и плохих. Все дальше и дальше уходили на запад. Морозы были крепкие, оставаться в лесу на ночь опасно. Так мы дошли до торфяного завода близ города Чашники. Нас приютила Зинченко Лида. Она с двумя детьми жила в комнате, а нам уступила кухню.

На торфяном заводе жила еврейская женщина Роза с маленьким сыном. Женщину пустил жить в свой дом полицейский Горолевич. Однажды он решил их расстрелять. Роза работала на торфяном заводе. Многие хотели проститься с этой женщиной и вышли на улицу. И хотя Горолевич был из Островно и мог меня узнать, я тоже не удержалась и вышла на улицу. Немецкий холуй вел Розу с сыном на расстрел. Я слышала их разговор: Роза просила полицейского не трогать сына. Говорила, что мальчик не еврей, у него отец был русский. Когда Роза поняла, что полица ей не разжалобить, она сказала, чтобы первым убили ее сына и она была бы уверена, что он не будет мучиться, а затем уже расстреляли ее.

Мы прожили на торфзаводе до начала мая. Однажды отправились в Чашники на базар. Вдруг облава. Сережу и меня схватили. Немцы провели регистрацию и отправили нас в Германию на работы...

Потом были годы рабского труда в Германии, освобождение и возвращение домой.

Мне не верили, как я смогла выжить. Помогли оставшие-

ся в живых родственники и просто добрые люди. Один из них, работавший в паспортном столе, посоветовал: «Ты приехала из эвакуации, пиши заявление о потере документов».

Через несколько дней я получила паспорт. Когда дома стала смотреть новый документ, обнаружила, что к фамилии добавилось «ова» и вместо Рыжик — я стала Рыжикова.

Я никому не рассказывала о своей жизни. Надо было беречь людей, помогавших мне, и молчать. Более сорока лет не поддерживала связи с родней, чтобы им не навредить.

26 мая 1946 года вышла замуж за Сережу. Мы решили объединить свои судьбы. Сережа продолжал называть меня Шурочкой. А когда 21 октября 1948 года у нас родился сын, мы назвали его Александром, чтобы в нашем доме звучало имя, которое принесло мне спасение.

Только мой родной брат поддерживал с нами связь, помогал материально. Когда мы с Сережей поженились, уехали в Грозный. Прожили с мужем долгую и нелегкую жизнь. В 1978 году Сережа умер. Я с 1982 года на пенсии, но продолжала работать.

Среди погибших в Островно мои родители, родные и близкие: мама Берман Бася Абрамовна, папа Рыжик Нохим Моткевич, сестра Сара, брат Моисей, дедушка Рыжик Мотке Рувимович, бабушка Рыжик Хьенка, брат дедушки Рыжик Шая Рувимович, сестра отца Рыжик-Афремова Рива Моткевна и ее две дочери Рая и Дора, сестра отца Рыжик Рахиль Моткевна, жена Исаака — Лиза и их двое детей Людочка и Марик, родной брат Лизы (имя не помню, мальчику было лет 12-13), брат бабушки Рыжик Мотке — Клейнер, жена его Рыжик Хася, Гальбрайх Хана — родная сестра мужа моей тети Розы.

Крест над кагальным колодцем

За последнее десятилетие Островно похорошело, стало дачным местечком. Количество жителей, постоянно живущих здесь, уменьшается, а количество отдыхающих, приезжающих летом, — растет. Дома этих людей приобрели дачный оттенок, во дворах стоят иномарки.

Рядом растёт агрогородок Островно.

Я собирался встретиться с людьми, которые помнили довоенное местечко, которые могли мне рассказать о тех временах.

Обогнув по асфальтированной дороге Островенское озеро, вышел к центру старого местечка. Справа на возвышенности — старинное еврейское кладбище. Сегодня оно, как и большинство местечковых еврейских кладбищ, заросло кустарниками и стало труднопроходимым. Думаю, что первые захоронения здесь были сделаны ещё в XVII веке. Но старинных мацейв не найти. Даже те, что были поставлены в начале XX века, ушли в землю, обросли мхом так, что видны только островерхние макушки. Некоторые памятники я все же разыскал и сфотографировал.

У самой дороги небольшой ряд послевоенных захоронений. Стоят металлические ограды, на памятниках надписи, сделанные на русском языке. Абрам Соколин умер в 1970 году в возрасте 80 лет, его ровесник Борис Бейнус — в 1962 году, Рива Хаимовна Мещанинова — в 1968 году. Не знаю, это случайность или следование старинной традиции, но мужские и женские захоронения в разных рядах. Старожилы Островно мне рассказали, что кто-то из похороненных на еврейском кладбище жил в послевоенные годы в Витебске, но, по завещанию, их привезли на родину, чтобы похоронить рядом с родительскими могилами.

Вспоминают, что в пятидесятые — шестидесятые годы в местечке жил еврей Гирша Хаимович Рацер. Он тоже похоронен на местном кладбище. В 1941 году, когда началась война, ему поручили спасти колхозный скот — угнать его на восток. Он спас колхозное стадо, но в огне войны потерял свою семью. После освобождения Гирша Рацер вернулся в Островно, не нашел никого из родных и близких. Надо было как-то жить, и он построил дом (в нем и сейчас живут люди, правда, не имеющие к Гирше уже никакого отношения). Рацер завел семью и занимался овощеводством. Старожилы вспоминали его и рассказывали, какие помидоры и огурцы он выращивал.

В этом году в Островно почему-то было очень много улиток: на заборах, на стенах старых домов. На кладбище я видел памятник, который буквально облепили улитки.

В годы войны на еврейском кладбище расстреляли группу подпольщиков, которые были связаны с партизанами. Их привели сюда и заставили выкопать себе могилу. На этом месте стоит досмотренный памятник, а от дороги на кладбище сделана деревянная лестница с перилами. И это придает месту хоть какой-то цивилизованный вид.

Буквально в пятидесяти метрах — спуск к озеру, к месту, которое сейчас называют «пляж». Действительно, в жаркие летние дни здесь яблоку негде упасть. Загорает и купается местная молодежь, но в основном — дачники и гости.

Старожилы это место по-прежнему называют кагальной баней или кагальным колодцем.

Мария Максимовна Рычажникова — одна из старейших жительниц Островно. Родилась здесь в 1919 году на той же Витебской улице, на которой живет и сейчас. Она училась в Витебске в педагогическом техникуме, потом окончила филологический факультет педагогического института. В 1941 году вернулась в Островно. С тех пор практически безвыездно живет здесь. У нее светлый ум и ясная память. Она уникальный рассказчик. И когда я ссылаюсь на воспоминания старожилов, то, в первую очередь, на то, что рассказывала Мария Максимовна.

На месте кагальной (то есть еврейской общинной) бани сейчас лежат аккуратно кругом сложенные тесаные камни. Из таких камней была построена баня. В годы войны немцы разобрали здание, а тесаные камни пустили на ремонт дорог.

— В этой бане мылись одни евреи? — спросил я.

— Почему? — удивилась Мария Максимовна. — Моя мама туда ходила. Никто друг друга не чурался.

— А почему баня считалась «кагальной»? — допытывался я.

— Ее содержал кагал. В женском отделении был сделан небольшой бассейн. Я сама его видела. Там еврейки купались.

Я понял, что речь идет о микве.

— Банщиком был Марк, — продолжила рассказ Мария Максимовна. — Отец Стэфы — учительницы.

Позднее я сумел выяснить фамилию Марка-банщика — Шехтер.

Недалеко от Островно есть Марков лес. Я так и не смог узнать происхождение этого названия. Не знаю, связано оно как-то с островенским банщиком или это совпадение.

Кагальный колодец находился в двадцати метрах от бани. Из него брали воду для бани, и колодец тоже стал считаться «еврейским». В нем ключевая, очень холодная и вкусная вода. Говорят, она обладает целебными свойствами.

В середине девяностых годов местный православный священник решил освятить колодец. Его не смутило, что в народе его по-прежнему называли «кагальный» или «еврейский». Так над колодцем появилась беседка, на крыше которой установлен крест.

Дорога привела меня в центр местечка, к магазину, который так и называется — «Островно». В центре сохранилось несколько довоенных еврейских домов, на высоком фундаменте, с крылечками и покатыми крышами.

Мария Максимовна Рычажникова рассказала мне, что евреи жили в центре местечка.

— На Витебской улице только наш дом и соседний, в котором жили родственники, были нееврейскими, а во всех остальных домах жили евреи. И с другой стороны площади, по улице, которая теперь называется Николаевича, считайте, до самого моста, жили евреи. Их дома стояли близко друг к другу, кучно жили, от площади дома спускались к самому озеру.

— А почему дома так близко стояли друг к другу? Вдруг пожар...

— Пожары были. И люди понимали, что строится так близко друг от друга опасно. Но земли было мало. Подрастали дети, много детей было в семьях, и они обзаводились своими семьями, строились. Вот так и получалось, что домик лепился к домику.

На площади евреи держали свои лавочки, торговали. Помню, иду в школу, стоит женщина, продает кухоны — это вы-

печка такая. Каждый чем-то занимался: кто-то чесал шерсть, кто-то шил, кто-то окна вставлял, кто-то забивал животных, кто-то торговал, кто-то был извозчиком. Бездельников среди евреев не было. С утра пораньше начинали и весь день до темна работали. И детей приучали к работе с малых лет.

По большим православным праздникам у нас были ярмарки. На площади, на нашей улице, на Николаевича стояли телеги. Столько людей приезжало, что пройти было трудно.

— Евреи по субботам работали?

— Нет, они праздновали субботу, были набожные люди.

— Была еврейская школа?

— Находилась на нашей улице, в том доме, где у немцев в годы войны пекарня была. Там было четыре класса. Немцы сожгли этот дом. Было две учительницы, их прислали из Витебска после окончания еврейского педагогического техникума.

— После четвертого класса евреи учились с вами в одной школе?

— Да, в нашем классе были евреи. Так получилось, что у меня не было русских подруг. Одни еврейки: Попкова Соня, Левит Рая, Афремов Арон. Нас была компания — пять человек. Фамилию еще одного сейчас не помню, давно было. Я писала по-еврейски, научилась от своих подруг. Разговорный язык понимала. Могла поговорить с ними, с их родителями.

— Синагога была до войны?

— Две синагоги были, деревянные. Они недалеко друг от друга находились. Высоковатые такие. Но в тридцатые годы, мне кажется, в них уже не молились.

Судя по воспоминаниям, синагоги в Островно почему-то называли «мужской» и «женской». Может быть, так их называли только в нееврейской среде.

По иронии судьбы, на месте одной из синагог построил после войны дом человек, который раньше своеобразно занимался атеистической пропагандой. С друзьями ловил ворон и, когда евреи молились, запускал через открытые форточки в синагогу.

...Я шел на Горенскую улицу, полагая, что она находится на горе. И промахнулся. Пришел к старинной Свято-Троицкой церкви, построенной еще в XVI веке. Сейчас ее пытаются реставрировать.

Горенская улица находится в другом месте. В местечках названия улицам давали чаще всего по принципу: к какому городу или деревне ведет улица — так и называется. Горенская ведет к деревне Горы.

На этой улице живет Нина Ивановна Трусова. После ее телефонного звонка и рассказа о том, что она знает, где находится еврейское захоронение времен войны, ничем не отмеченное, я приехал в Островно.

Нина Ивановна для Островно не совсем обычный человек. Она думает об общечеловеческих проблемах, пытается жить по вере. К этому обязывает, в том числе, и ее биография, и трудная судьба.

Мы пили чай на кухне, увешанной старыми фотографиями, картинами, которые она вышивает (участвует в районных и областных выставках). Нина Ивановна неспешно рассказывала о своей жизни:

— Почти тридцать лет дедушка здесь служил в церкви — протоирей Андрей Петрович Трусов. Отсюда его забрали и расстреляли. Это было в 1930 году. Когда дедушку арестовали, верующие демонстрацию устроили, чтобы отца Андрея не трогали. Не помогло.

Всю нашу семью сослали в Сибирь — десять человек. Мама с братьями, с бабушкой убежали в Москву к старшей сестре. Ее муж устроил маму в институт, она училась в лесотехническом. Мама потом работала в летной школе. Познакомилась там с папой. Папа смоленский, фамилия Скачков.

Маму тянуло на родину, и однажды она тихонечко приехала в Островно. Пришла в церковь. Ее увидели односельчане, начали вокруг собираться. Она испугалась, подумала, сейчас в НКВД снова заберут. Больше сюда не приезжала.

Папу в 1936 году арестовали и расстреляли, а маме дали 24 часа, чтобы выехать из Москвы. Она забрала меня. А куда

ехать? Решила в Витебск, здесь жила ее младшая сестра Нина. Но нам даже переночевать было негде. Мама устроилась работать в баню, чтобы на скамеечке ночью со мной спать. Я 1934 года рождения. Потом все-таки мама устроилась на фабрику учетчицей. Меня в садик, зимой — в круглосуточный, летом — забирала вечером домой.

Когда война началась, нам сказали, что Островенский сельсовет съехал из дедушкиного дома. И тетя Нина с мужем решили уехать сюда, в дедушкин дом. А маму оставили в своем доме в Витебске, чтобы его не разобрали на дрова. «И мы Ниночку возьмем в Островно, потому что там легче будет прожить». Так я попала в 1941 году сюда.

Мария Максимовна Рычажникова вспоминала, что на лето в Островно приезжало много молодежи. Целыми семьями из больших городов. Внуков привозили, у родителей отдыхали. В парк ходили гулять. Парк в Островно большой, там, где был панский сад. Танцплощадка, весело было.

Сама Мария Максимовна после окончания института работала по распределению в Толочино. Но в Островно бывала часто. И, как только услышала, что началась война, вместе с мужем, тоже педагогом, и ребенком, отправилась к родителям.

«Помню, это было в воскресенье, жаркий день стоял — общили о войне. Что такое война, я не знала».

Не многим жителям Островно удалось уйти на восток. Более того, к островенским евреям стали приезжать родственники из больших городов, надеясь, что в маленьких местечках им удастся «пересидеть» войну.

Мария Максимовна Рычажникова, вспоминая первые дни войны, рассказала: «Стали лететь снаряды, непонятно откуда. Отец мой и муж выкопали бункер на горке, укрепили его, и там мы сидели, пока фронт не прошел. Потом вернулись в дом.

— Что было в Островно?

— Здесь был бургомистр, староста, полицаи. В старой школе стояла немецкая часть. Одно время здесь находились итальянские солдаты. Среди немцев было немало музыкан-

тов, они устраивали вечера, с нашими девушками танцевали, провожали их».

И Нина Ивановна Трусова, вспоминая первые месяцы войны, рассказывала, что, когда немцы вошли в Островно, они деревенских не трогали.

«Крестьяне ходили на собрания, им раздали землю. Пахали, боже мой, как машины. Были недовольные прежней властью. Мама рассказывала, когда еще не тронули дедушку, они всей семьей работали в колхозе. Сезон отработают и принесут домой пшеницы мешочек.

Через Островно немецкие части проходили, то лошадь у них захромает, то на нее чесотка нападет. Сельские меняли порченных лошадей на своих. Немецкие лошади мощные, их подлечат и они на загляденье. Но потом следующая немецкая часть проходила и отбирала своих лошадей, а сельским снова оставляли больных».

По отношению к евреям террор начался практически с первых же дней оккупации. Уже 19 июля на стенах домов, на столбах были развешаны приказы, сообщавшие, что евреи обязаны покинуть свои дома и переселиться в гетто. Для него выделили несколько домов. В двух из них до войны жили братья Рояки. «Это были большие дома, — вспоминает Рычажникова, — но, конечно, они не были рассчитаны на такое количество людей. Евреев обманули, им сказали, что их собирают вместе, чтобы куда-то переселить, куда-то отправить на работы. Потом около этих домов поставили охрану, полицаи охраняли и никуда евреев не выпускали. Правда, многие евреи, особенно дети, умудрялись уходить по окрестным деревням в поисках еды».

Вспоминает Нина Ивановна Трусова: «Мамочка училась с евреями. Фанечка и Миня — это ее самые лучшие подруги. Мама часто вспоминала о них. Еды у евреев не было. Знакомые, друзья что-то передавали. Это хоть как-то помогало им. У тетки уже корова появилась, и мы молочко им передавали. Малые дети у евреев были».

Так продолжалось до 30 сентября 1941 года. Мария Максимовна Рычажникова, вспоминая тот страшный день, рассказала:

— Немцы подогнали грузовые машины. Евреев заставили в машины сесть. Там была пионервожатая из Островенской школы с ребеночком, на руках его держала, все время прижимала к себе. Не знаю, сколько рейсов сделали машины, может два-три, евреев вывозили за русское кладбище. Немцы заставляли сначала двух братьев-евреев копать ямы, а потом их расстреляли. Потом еще кого-то заставили копать ямы. После расстрела люди, которые из деревень шли в местечко, видели, как земля вздрагивала, и даже слышали звуки какие-то.

— Кто-то остался в живых из евреев?

— Одна студентка медицинского института. Ее муж — студент ветеринарного института, и у них ребенок был. Муж — поляк. Он ушел домой в Польшу, она ждала его. Евреев расстреляли, ее почему-то оставили. Мы носили ребеночку еду, а потом она ушла в партизанский отряд, а ребеночка оставила в местечке. С ребеночком в партизаны не принимали. Малыш сидел на полу и плакал. А потом исчез.

Еврей, не помню его фамилию, торговал в магазине «Центроспирта», к ним родственник из Москвы привозил девочку, она тут каждое лето жила. Во время расстрела она спряталась, и пряталась потом по домам, и у меня была, и в деревнях жила, и никто ее не выдал. В годы войны ей было двенадцать лет. А после войны отец ее нашел и забрал в Москву. Говорят, что она с ума сошла от переживаний».

И хотя Нине Ивановне Трусовой было всего семь лет, о том черном дне она знает не из рассказов других людей, а по собственным воспоминаниям.

«День расстрела я помню. Пасмурный был, дождик накрапывал. Погода невеселая. Полицаи расстреливали. Немцы командовали. В этот день в сторону кладбища не ходили, все боялись, а на второй день пошли, смотрели, земля ходила ходуном. Кто убитый, кто раненый падал, а детей малых выхватывали и прямо так кидали в яму. Я тоже ходила туда, на кладбище».

Без прошлого нет настоящего

...На протяжении многих десятилетий в Островно жили две большие семьи: Рояки и Левины. Рояки были кузнецами, Левины — портными. Я хорошо знаком с Еленой Матвеевной Ольховской — внучкой Рояков и Левиных. Она заслуживает самых лестных слов за свое милосердие. Более двадцати лет назад Елена Матвеевна и ее муж взяли из Дома ребенка больную девочку. Поставили ее на ноги в прямом и переносном смысле слова. Она окончила с медалью школу, университет, пошла работать. Милосердие и доброта Ольховской идет от воспитания, от семейных традиций.

— Я с 1930 года, — сказала Елена Матвеевна в начале разговора, — так что мне есть, что вспомнить. В Островно жили до войны многие наши родственники. Мама Рахиль Хаимовна Рояк работала заведующей детским садиком, папа — Мордуч Менделевич Левин был коммунистом, каким-то начальником. У нас в семье было трое детей: я и еще два брата — Давид — старше меня на четыре года и Володя с 1938 года. Их уже нет.

Рояки были кузнецами. Моего деда Хаима хорошо знали во всей округе, кузнец был исключительный. Я его хорошо помню. У него в семье было семеро детей.

Кузня деда находилась у него во дворе. Дом большой, светлый, стоял недалеко от озера, на горушке. Рядом был дом его родного брата. Он тоже работал кузнецом.

У папиных родителей семья была поменьше, и жили они скромнее. Дед Мендель Левин шил полушубки. Бабушка смотрела за детьми, хозяйством.

В 1936 году папу перевели на работу в Уллу, и мы уехали туда. Мама работала в детском саду, а папа был каким-то партийным начальником. Но и в Улле мы не задержались. Через два года папу перевели на работу в Бешенковичи в райком партии. Бешенковичи по сравнению с Островно и Уллой были настоящим городом. Помню клуб. Приезжали артисты. Однажды родителя взяли меня с собой, приезжал театр, ставили пьесу Шолом-Алейхема «Тевье-молочник».

Между собой родители говорили только на идише. Они заканчивали еврейские школы, это был их родной язык. Но с детьми уже предпочитали говорить по-русски. Понимали, что наступают другие времена. Мы учились уже в русских школах, с друзьями говорили по-русски.

Дед Хаим молился дома каждый день. Одевал талес, накладывал тфилин и молился. Еврейские праздники дома не отмечали. Но, когда жили в Островно, на Песах нам приносили мацу, и мы ее тайно ели. Папа не хотел, чтобы это видели посторонние люди. Мацу выпекали в местечке. Тогда у всех дома были печки.

Каждое лето я приезжала на каникулы в Островно, жила обычно у деда Хаима, но к Левиным тоже часто приходила.

Напротив дома Рояка был кагальный колодец, баня находилась чуть в стороне. Летом после бани мы купались в озере.

Недалеко от дома Рояков была швейная мастерская. Ей заведовал родной брат моего папы Рувим Левин. Папа и Рувим были женаты на родных сестрах. И в каждой семье было по трое детей.

Дед Мендель Левин жил рядом с бывшей помещичьей усадьбой. Там был огромный сад, площадью в двенадцать гектаров. А наша семья получила жилье в самом доме помещика. Там жили еще и другие семьи.

За две недели до начала Великой Отечественной войны папу призвали в армию. После первой бомбежки Бешенковичей председатель райисполкома сказал маме: «Берите лошадь и уезжайте в Островно. Там будет спокойнее. А война скоро закончится, и вы вернетесь». Приехали к Роякам. Там уже была мамина двоюродная сестра с детьми. Она приехала из Витебска, где работала директором школы. Многие пытались спрятаться в деревнях, в местечках.

Через несколько дней мама сказала, что надо немедленно уезжать на восток. Дедушка взял лошадь в колхозе. Погрузили самые необходимые вещи, посадили шестеро детей, нас и троих двоюродных братьев, и поехали в Витебск.

На поезд сесть не смогли, и старики сказали, что никуда дальше не поедут и возвращаются в Островно. Ничего немцы с ними не сделают, и такая дорога им не по силам.

Мы отправились дальше на восток. Добрались до Чкаловской области. До 1944 года жили и работали в совхозе им. Розы Люксембург Квартинского района.

Старики Рояки и Левины вернулись в Островно. Как и все евреи местечка, они попали в гетто. Хаиму Рояку удавалось выбираться из него, он ходил по окрестным деревням. Его хорошо знали, он выполнял какие-то работы, за это давали хлеб, картошку. А иногда и так просто выносили еду. Хаим и в тот день, когда расстреляли узников гетто, ушел по деревням. Его узнал полицейай и застрелил.

Остальные мои родственники погибли в гетто.

После войны я несколько раз приезжала в Островно, интересовалась их судьбой. Дома, в которых жили и Рояки, и Левины, сгорели.

Рувим Левин ушел на фронт, оказался в окружение, попал в плен. Бежал. Пришел в Островно уже после расстрела гетто. Узнал обо всем и ушел в партизаны. Известны обстоятельства его гибели. Было голодно. Левина, как хорошо знающего местность, партизаны отправили разведать, где можно запастись продуктами. Его узнали довоенные знакомые и выдали врагам. В семье сохранился документ, удостоверяющий гибель Рувима Левина в партизанском отряде. Спустя много лет члены молодежного поискового отряда нашли захоронение (в районе Богушевска) и по сохранившемуся медальону разыскали сыновей Рувима Левина.

Мой дядя Григорий Левин до войны работал юристом в Западной Белоруссии. После нападения гитлеровской Германии добрался до Бешенковичей. Там у него жили жена Роза и маленький сын — Симон. Он попросил мою маму: «Если будете уходить на восток, заберите жену и сына с собой». Когда Бешенковичи бомбили и мы стали собираться, мама отправила меня за ними. Я прибежала и сказала: «Тетя Роза, поедем вместе». Она ответила, что никуда не поедет, здесь ее родители, сестры: «Что будет с ними, то будет и со мной». Уже после войны нам рассказали, что всех ее род-

ных расстреляли, а маленького мальчика Симона полицаи убили, ударив головой об угол дома.

Оказавшись в плену, Григорий Левин выдал себя за грузина. Никто не предал его. Григорий бежал из плена в Литве, но его сдали немцам местные жители. Оказался в Германии, работал на шахтах. В 1945-м лагерь, в котором находился Григорий Левин, освободили американцы. Он стремился вернуться в Советский Союз, узнать, что с семьей. Григория, после длительных проверок, отправили на Урал работать на шахту, где он проработал проходчиком до пенсии.

Папа, Мордух Менделевич Левин, был на фронте с первого и до последнего дня. Закончил войну в Кенигсберге в звании капитана. У него много боевых наград.

Старший брат Давид в армии с 1943 года. Воевал в кавалерийском корпусе. Войну закончил в Берлине.

В 1946 году, когда папа демобилизовался, Давид приехал домой вместе с ним. Мы бросились папу обнимать, целовать, а Додика, так звали его в семье, не узнали, пока папа нам не сказал: «Это же Додик приехал». Перед нами стоял высокий, красивый парень, в форме с орденами, медалями.

После демобилизации папу снова взяли на работу в райком партии. Он проработал до начала пятидесятых годов, когда евреев стали убирать из партийных органов. К нему хорошо относились, но не выполнить приказ не могли. Папа ушел работать директором молокозавода, а потом — директором пищекомбината.

Додик демобилизовался в 1947 году. Ему предлагали остаться в армии, учиться на офицерских курсах. Но его тянуло к машинам. Он переехал к нашим родственникам в Вильнюс, устроился шофером на молокозавод. Проработал там до самой пенсии.

Я жила в Бешенковичах до 1952 года. Потом мы с мужем уехали на Урал, но каждое лето я приезжала в отпуск в Бешенковичи. Мой муж из Витебска, и мы решили вернуться сюда. Купили дом. Работали, растили дочь...

Вместо послесловия

Полицаи удрали вместе с немцами в 1944 году. Некоторых поймали. Отсидели они свой срок, двое из них вернулись в Островно. Говорили: «Мы наказание свое уже понесли».

Давид Рыжик воевал, демобилизовался, приехал в родные места, но нашел только братскую могилу. Демобилизованный солдат остался один на белом свете, и приглянулась ему островенская молодлица. Решили они жить вместе. Не верю, чтобы в Островно никто не шепнул на ухо Давиду, что первый муж этой женщины был полицаем и осужден как предатель. Но, наверное, ослепленный любовью Давид не хотел слушать никого. Потом он узнал, что полицай принимал участие в расстреле евреев, в том числе и его семьи. Понятно, жена негодяя была невиновной. Но все же как-то не по себе становится от такого союза. В сорок девятом году Давида Рыжика нашли повешенным или повесившимся на высокой сосне, недалеко от еврейского кладбища. Обстоятельства смерти так и остались невыясненными.

В 1956 году на братской могиле на деньги, собранные детьми, внуками, родственниками погибших, был поставлен памятник. Надпись с двух сторон памятника: «Здесь покоятся 300 советских граждан, зверски убитых немецко-фашистскими захватчиками 30.IX.1941 г.»

Не понятно из этой надписи, кто были эти «советские люди», за что расстреляны в сентябрьский день 1941 года, зато понятно: памятник был утвержден райкомом партии. А иначе не был бы разрешен. В начале девяностых годов за памятником присматривала Раиса Наумовна Рыжик.

Мы пришли к памятнику расстрелянным евреям вместе с Ниной Ивановной Трусовой. Чистота, порядок, выкрашенная ограда, большой и красивый венок.

А вокруг сосны. Их кроны на большой высоте переплелись и образовали шатер, который закрывает памятник и от дождя, и от солнца.

Позднее, встретившись с председателем сельского совета Андреем Николаевичем Ганковичем, я узнал, что за памятником смотрят местные власти.

«На территории нашего сельсовета пятнадцать памятников Великой Отечественной войне. Тем, кто воевал, погиб, защищая Родину, мирным жителям — нашим землякам, погибшим от рук фашистов. За каждым памятником смотрит предприятие, учебное заведение, мы помогаем, насколько можем, стройматериалами. Проезжаю мимо еврейского памятника, иногда вижу цветы, наверное, кто-то из родственников приезжает», — сказал Андрей Ганкович.

А вот на еще одном захоронении ни памятника, ни ограды, нет даже колышка. Об этом мне рассказала Нина Трусова.

В день расстрела спаслась Стэфа Марковна Шехтер, по мужу Бурштынова, с детьми. В начале тридцатых годов Стэфа вышла замуж за ветфельдшера Ивана Бурштынова. Она работала учительницей в школе. У них было две дочки. Старшую звали Аня. Ивана Бурштынова забрали в армию в первые дни войны. Стэфа с детьми жила у свекрови.

Дальнейшие события разными людьми излагаются по-разному. Раиса Рыжик рассказывала, что, когда за Стэфой пришли полицаи, она взяла с собой детей и сказала: «Пусть мои дети умирают вместе со мной, чтобы никто над ними не издевался».

По-другому об этом говорит Нина Ивановна Трусова. «Стэфа с моей мамой вместе училась, но мама старше ее была. Выучилась перед войной на учительницу и преподавала биологию. Красивая была. Двое деток у них было. Одной девять лет и младшенькой в 1942 году было три годика. Когда всех евреев забирали на расстрел, Стэфа с детьми спряталась у свекрови. Полицай узнал, что днем они в подвале сидят, а ночью выходят — лампу зажигали. Донес. Приехали немцы с этим полицаем и забрали их. Это было летом 1942 года.

Стэфу с детьми за баню завели и расстреляли».

Эту же историю мне рассказала и Мария Максимовна Рычажникова.

С Ниной Ивановной я пришел к этому месту. От проселоч-

ной дороги метров тридцать. Кругом кустарник. Никаких опознавательных знаков.

«Их расстреляли не здесь, а чуть ниже, — рассказывает Нина Трусова. — Там болотистое место было. Хозяин участка говорит: «Надо перенести расстрелянных, а то зальет водой». Он взял и перезахоронил ближе к дороге. Выкопал могилку и положил всех рядышком. Потом принес дверь от дома, накрыл могилу, сверху закопал. Приехал в 1945 году Иван Бурштынов с фронта. Откопал могилу, посмотрел и снова закопал. Ни оградки, ни памятника не поставил. Не по-человечески это. Мой дед в церкви служил, я — православный человек. Надо память отдать людям. Как узнала эту историю, по ночам мне расстрелянные сниться стали. Звоню: в военкомат, в школу, где, Стэфа работала, в сельсовет. Нигде ответа не получаю. Хозяйка этого участка — дочь того старика, что перезахоронил, говорит мне: "Батяка пришел с войны, не захотел памятник поставить. А ты чего лезешь?" Надо все-таки что-то сделать. Хотя бы поставить у дороги маленькую пирамидку и написать имена погибших».

Несколько слов о том, кто сложилась судьба моих собеседниц, которым я благодарен за откровенный и честный рассказ.

Муж Марии Максимовны Рычажниковой — Максим Иванович Татаренко, воевал в партизанской бригаде Романова. Погиб в 1944 году, во время блокады партизанских соединений в Ушачском районе.

В годы войны у Марии Максимовны погиб ее маленький ребенок. До выхода на пенсию Рычажникова работала в местной школе. Она выпустила сотни учеников, которые живут и работают в разных городах и странах. Сын живет в Санкт-Петербурге.

Нина Ивановна Трусова до самой пенсии работала в Норильске, потом вернулась на родину. В Норильске молодым умер сын. Похоронен он в Островно. Из Норильска и Москвы приезжают к бабушке внуки. Дочь с семьей живет в Витебске.

Эти пожилые женщины, прожившие трудную жизнь, еще хранят память о местечке Островно.

Телефон Раисы Наумовны Рыжик в Москве не отвечает...

СОДЕРЖАНИЕ

ДРИССЕНСКИЕ ЗАМЕТКИ.....	5
ТРОПА ЗАБВЕНИЯ.....	43
МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ.....	55
КАМНИ ИЗ ФУНДАМЕНТА	69
ПОКА ЖИВЕМ, БУДУТ ПРИЛЕТАТЬ АИСТЫ.....	93
НА ЕВРЕЙСКОЙ УЛИЦЕ	101
НА БЕРЕГУ ПЯТИ ОЗЕР.....	111
ЕВРЕИ НАЗЫВАЛИ УШАЧИ – УШОЦ	123
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ.....	141
КРАСИВОЕ МЕСТЕЧКО ОСТРОВНО.....	165

Библиотека журнала «Мишпоха»
Серия «Мое местечко»

Литературно-художественное издание

Шульман Аркадий Львович

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ СТОЛЕТИЙ

Очерки

Ответственный за выпуск

Редактор Д.Г. Симанович

Компьютерное макетирование и верстка А.Р. Фрумин

Дизайн обложки А.Р. Фрумин

Корректор Е.Л. Гринь

На обложке использован рисунок Бориса Хесина.

Фотографии Аркадия Шульмана,
а также из архива журнала «Мишпоха» и семейных архивов.